

ПО СЛЕДАМ
ИСКРЕЗНУДШИХ

КУЛЬТУР ВОСТОКА

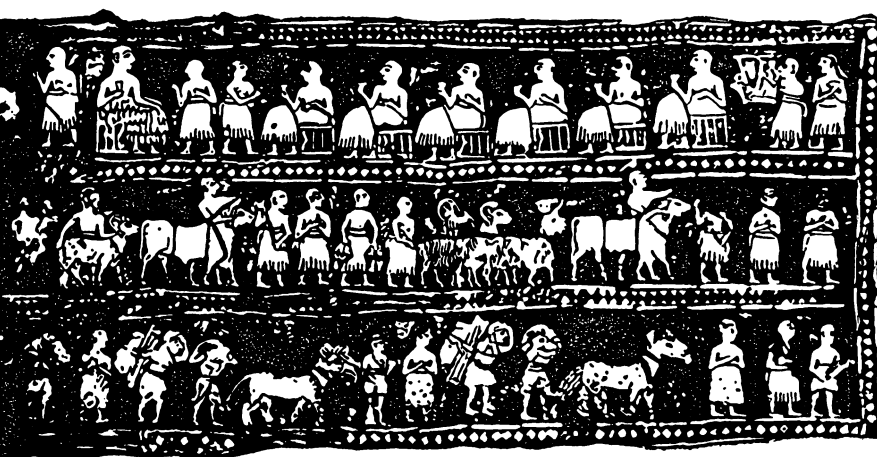
СЭМЮЭЛ Н. КРАМЕР

ИСТОРИЯ
НАЧИНАЕТСЯ
в ШУМЕРЕ

SAMUEL NOAH KRAMER

HISTORY
BEGINS
at SUMER

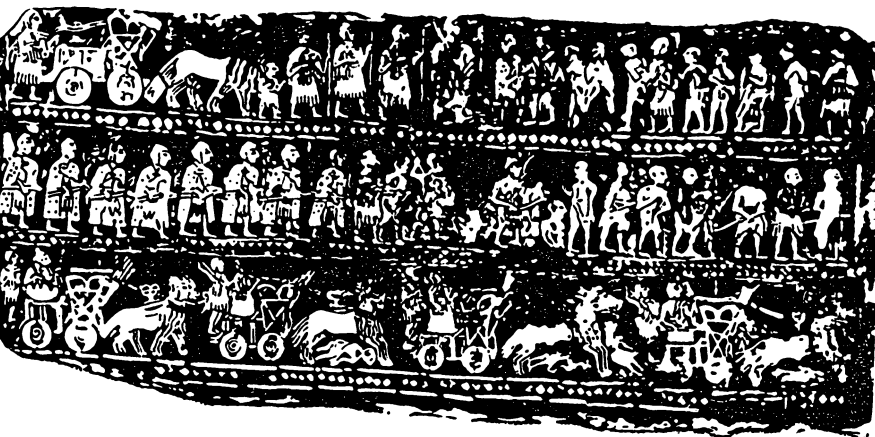

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СЭМЮЭЛН.КРАМЕР

ИСТОРИЯ НАЧИНАЕТСЯ в ШУМЕРЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Москва 1965

*Под редакцией и с предисловием
академика В. В. СТРУВЕ*

Перевод

Ф. Л. МЕНДЕЛЬСОНА

Сэмюэл Н. Крамер

ИСТОРИЯ НАЧИНАЕТСЯ В ШУМЕРЕ

Утверждено к печати Секцией восточной литературы РИСО Академии наук СССР

Редактор *Е. Я. Бессмертная*

Технический редактор *С. В. Цветкова*

Художник *И. Р. Бескин*

Корректоры *Г. В. Афонина*

Художественный редактор *И. М. Русина*

и *Л. И. Романова*

Сдано в набор 23/11-65 г. Подписано к печати 2/VI-65 г. Формат 84 X 108¹/₃₂.

Печ. л. 8,0. Усл. п. л. 13, 12. Уч. изд. л. 13,96. Тираж 16000 экз. Изд. № 1276.

Зак. № 2074. Темплан 1965 г. № 1200. Цена 90 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Шумеры, как и их преемники вавилоняне, не знали, в противоположность древним египтянам, того развитого заупокойного культа, который побуждал снабжать умерших всем, что было им дорого при жизни, в том числе и излюбленными литературными произведениями. Поэтому дошедшие до нас литературные памятники Шумера и Вавилонии ограничиваются глиняными табличками, которые хранились в библиотеках храмов и царей, «наместников богов на земле». Поскольку эти библиотеки содержали лишь религиозную литературу (космологические и богословские трактаты, гимны богам, псалмы, собрания заклинаний и предсказаний, научные трактаты да еще эпические поэмы, которые жрецы также относили к религиозной литературе), то многие ассириологи считали, что все сочинения древнего южного Междуречья имеют лишь богословский характер.

Однако автор настоящего труда — крупнейший исследователь в области шумерской литературы и письменности американский профессор С. Н. Крамер — не придерживается этой точки зрения. Он находит в изучаемой им литературе также и темы земные. Этот новый подход к литературному наследию Шумера в значительной степени увеличивает ценность книги Крамера. К этому мы должны добавить, что большинство из рассматриваемых в книге литературных и письменных памятников в свое время было открыто С. Н. Крамером в различных музеях мира, интерпретировано и опубликовано им с обстоятельным комментарием в многочисленных работах.

Следует также обратить внимание на то, что автор иной раз очень удачно сопоставляет отдельные элементы творчества шумеров с современной культурой. Так, один шумерский юридический документ начала II тысячелетия до н. э. из архива храма в Ниппуре, содержащий изложение дела и приговор шумерского суда, был интерпретирован С. Н. Крамером и его коллегой проф. Т. Якобсоном, и пере-

вод затем представлен на суждение одному из членов Верховного суда США. Последний, ознакомившись с этим делом почти четырехтысячелетней давности, заявил, что современные судьи согласились бы с судьями Древнего Шумера и вынесли бы точно такой же приговор (см. гл. 9).

В противоположность Древнему Египту, оставившему нам богатый изобразительный материал в виде бесчисленных статуй, рельефов и фресок в гробницах вельмож и грандиозных барельефов, высеченных на стенах и пилонах храмов, воздвигнутых из «вечного» камня, от Шумера сохранилось немного изобразительного материала. Тем более представляется нам ценным труд С. Н. Крамера, в котором читатель найдет публикации фотографий некоторых дошедших до нас шумерских рельефов и статуй, снабженные разъяснительным текстом.

Великолепные в научном и литературном отношении переводы текстов, отображающих все стороны культурной жизни Древнего Шумера, увлекательное изложение, огромный фактический материал, отображающий последние достижения науки, позволяют рекомендовать книгу американского ученого всем, кто интересуется прошлым человечества. Особенно же она будет полезна учителям-историкам, которые найдут в ней много нужных сведений.

Несмотря на популярный характер настоящей книги, проф. Крамер излагает в ней результаты своих наблюдений и некоторые гипотезы, расходящиеся с общепринятыми взглядами, но в то же время и в достаточной мере обоснованные. Так, он находит в шумерской литературе первый пример «божественной метаморфозы», героем которой выступает бог Энлиль. По ходу действия мифа Энлиль принимает образы различных служителей подземного царства (см. гл. 14). Проф. Крамер устанавливает и метаморфозы, которые переживали некоторые члены шумерского пантеона, как в сознании самого шумерского общества, так и в сознании ассириологов и шумерологов. Автор полагает, что в древнейшее время главой шумерского пантеона был не бог воздуха и земли Энлиль, а бог неба Ан. В то же время автор разъясняет, что «великого бога Энлиля» шумеры считали благодетелем человечества, а не свирепым, приносящим разрушение божеством, каковым он выступает во всех популярных изложениях шумеро-вавилонской религии.

Следует отметить и ту кропотливую работу, которую проделал автор, восстанавливая тот или иной памятник

шумерской литературы из множества отдельных мелких и крупных фрагментов, разбросанных по различным музеям мира. Так, он сумел воссоздать большой текст в 600 строк, посвященный «подвигам и деяниям бога Нинурты», из большого количества разбитых табличек и бесконечного числа мелких обломков, в большинстве своем еще не опубликованных. В результате упорной, трудоемкой работы С. Н. Крамер восстановил из 19 сильно фрагментированных табличек и относящихся к ним мелких осколков, найденных среди множества частей других табличек, интересное литературное произведение в 250 строк. Это был гимн, восхваляющий богиню Нанше как защитницу слабых и угнетенных, карающую злодеев и преступников. В гимне приведен наиболее полный перечень этических заповедей, упомянутых в шумерской литературе (см. гл. 15). Поразительную эрудицию и искусство проявил автор, сумев воспроизвести из массы осколков глиняных клинописных табличек, хранящихся в Музее Пенсильванского университета (Филадельфия) и Музее Древнего Востока (Стамбул), интереснейший литературный памятник, посвященный шумерскому варианту волнующей темы о безвинном страдальце (см. гл. 16).

Я привел ряд примеров восстановления С. Н. Крамером неизвестных или известных в отрывках текстов. Теперь следует отметить, как он по отдельным намекам воссоздал из пролога эпической поэмы миф, о существовании которого никто не подозревал. В кратком предисловии к шумерской поэме «Гильгамеш. Энкиду и подземное царство» мы находим, согласно интерпретации автора, повествование о похищении чудовищем Куром богини Эрешкигаль, т. е. сюжет, близкий греческому мифу о похищении Персефоны (см. гл. 25).

Я считаю своим долгом обратить внимание читателей на искусство, с которым проф. Крамер разбирает копии древних шумерских текстов, относящиеся к началу II тысячелетия до н. э. В этих копиях, составленных семитическими писцами, клинописные знаки сильно повреждены, сбиты и зачастую напозадают друг на друга. Ярким образцом редкого мастерства в области палеографии является дешифровка текста двух шумерских «элегий», обнаруженных С. Н. Крамером в московском Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Дело в том, что на табличке, содержащей упомянутые две «элегии» и датированной при-

мерно 1700 г. до н. э., имеется не только шумерский текст, кстати, написанный характерным для того периода сжатым, неразборчивым почерком. Помимо чисто графических трудностей С. Н. Крамеру предстояло еще разобрать и осмыслить глоссы, приведенные на семитическом (аккадском) языке, что представляет для дешифровщика исключительную сложность, так как их знаки плохо сохранились и написаны невероятно мелко. Автор превосходно оправился с этой чрезвычайно сложной и трудоемкой задачей. В результате появилось его исследование («Две шумерские элегии»), опубликованное Издательством восточной литературы в 1960 г., которое значительно обогатило наши знания о литературе древних шумеров.

Нельзя не отметить присущую автору осторожность в суждениях о том или другом изучаемом им явлении, допускающем возможность сделать на основании его не один, а несколько выводов. Так, например, он не склонен объявлять любое помещение, где удалось обнаружить большое число клинописных табличек, школой писцов. Лишь наличие определенных признаков (например, скамеек из обожженного кирпича, рассчитанных на одного, двух и четырех учеников, найденных в одном из домов города Мари на Евфрате) позволило ему с уверенностью сказать, что здесь некогда обучались писцы. Подобный же пример можно привести, рассматривая 29-ю главу книги — «Библиография. Первый библиотечный каталог». Остановившись на вопросе о цели составления подобного каталога, а также о порядке перечисления в нем литературных произведений, С. Н. Крамер высказывает ряд возможных предположений, не присоединяясь ни к одному из них: «Может быть он составил свой список перед тем, как спрятать таблички с текстами в какое-либо хранилище, а может быть и наоборот, расставляя их на полках в "доме табличек". Возможно, что последовательность названий определялась размерами табличек. Но пока мы не получим новых дополнительных данных, вряд ли удастся окончательно разрешить все эти вопросы» (стр. 237). Будем надеяться, что неутомимый исследователь памятников Шумера найдет тот текст, который позволит его редкому дарованию дешифровщика и интерпретатора древней письменности ответить на эти вопросы.

С. Н. Крамер превосходно знаком со специальной шумерологической литературой и проявляет неизменную признательность своим предшественникам. Наиболее ярко это

чувство благодарности автор выразил по отношению к своему учителю — Арно Пёбелю, основоположнику научной грамматики шумерского языка, которому он посвятил настоящую книгу, хотя в политическом отношении они стояли на противоположных позициях. Проф. Крамер упоминает и других шумерологов старшего поколения — Радау, Циммерна, Лэнгдона, Чиеру, поскольку они в свое время исследовали те шумерские тексты, которые впоследствии были изданы им самим. Он неизменно отмечает имена тех шумерологов (А. Фалькенштейна, Б. Ландсбергера, Т. Якобсена и др.)» которые оказывали ему помощь при решении того или другого вопроса. И если кто-либо из известных шумерологов не назван в этой книге, то это объясняется лишь тем, что почти во всех главах настоящего труда приведенные шумерские тексты прочитаны и разъяснены самим автором. Только две главы — «Мудрость древних. Первые пословицы и поговорки» и «Предшественники Эзопа. Первые басни о животных» — интерпретированы младшим коллегой автора, Эдмундом Гордоном, подарившим науке фундаментальный труд по шумерским пословицам¹ и ряд исследований, посвященных басням о животных. Многие из шумерских басен о животных близки по сюжету части тех басен, которые приписывались в античную эпоху Эзопу, жившему в Малой Азии в VI в. до н. э. Это обстоятельство лишний раз доказывает, сколь многим обязана культура человечества шумерскому народу, создавшему одно из первых классовых обществ в истории.

К сожалению, автор подобно многим своим коллегам не чужд некоторой модернизации, особенно в терминологии. Так, подзаголовок главы, посвященной эпической поэме о борьбе между Аггой, царем Киша, и Гильгамешем, — царем Урука, гласит: «Первый двухпалатный парламент». Это же определение государственной организации древнего шумерского города-государства автор снова повторяет в гл. 26 — «Сказания о Гильгамеше».

Подобная терминология таит в себе определенную опасность, ибо она может создать неправильные ассоциации и представления и тем самым привносит в рабовладельческий период явления развитого феодального и даже капиталистического общества. Правда, и сам автор иногда сомневается

¹ Edmund J. Gordon, *Sumerian Proverbs» Glimpses of Everyday Life in Ancient Mesopotamia*, Philadelphia, 1959.

в допустимости подобной модернистской установки, поскольку он вместе с М. Чадвиком, первооткрывателем крито-микенской письменности, пришел к выводу, что «у греков, и у индийцев, и у германцев эпическое время относится к периоду варварства» (стр. 221). В период же варварства такого учреждения, как парламент, конечно, не могло быть создано. Не могло оно возникнуть и в древнейшем Шумере, который, по предположению самого автора, был родиной эпической поэзии. Поэтому я полагаю, что автор, называя «двухпалатным парламентом» совет старейшин Урука и общее собрание его воинов, позволил себе шутовскую вольность в выборе термина, но в действительности, конечно, не сопоставлял «сенат» и собрание воинов древнего города-государства с «двухпалатным парламентом».

Подобная нечеткость терминологии С. Н. Крамера не должна нас удивлять, ибо она обычна для большинства западноевропейских и американских исследователей. Хотя автор безусловно принадлежит к числу прогрессивных, передовых ученых, однако это отнюдь не обуславливает тождества его взглядов с марксистско-ленинским учением о законах развития общества.

Мое предположение о том значении, которое автор придает сопоставлению социально-политических учреждений древнейшего Шумера с социально-политическими учреждениями развитого феодализма, находит свое подтверждение в суровой оценке автором философского учения и системы этики мыслителей Шумера. Действительно, во введении к гл. 15, посвященной этике, он категорически заявляет, что «мыслители Шумера не создали четкого философского учения. Точно так же у них не было и достаточно ясной системы моральных принципов и заповедей» (стр. 120). Если автор таким образом установил, что шумерская культура не создала ни подлинного философского учения, ни кодекса этических норм, то он вряд ли может серьезно утверждать, что шумерский народ мог создать на заре своего классового бытия такое учреждение, как двухпалатный парламент.

Теперь, после ознакомления с рядом общих проблем, поставленных в книге, я хочу отметить те ценные данные, которые может найти читатель в том или ином ее разделе.

Автор посвящает первые главы своего труда писцам и школам писцов. Здесь он сумел извлечь из своих источников все то ценное, что они содержат в отношении древнейших писцов мира. Так, на основании исследования немец-

кого шумеролога Николауса Шнейдера он установил, что писцы выходили из среды наиболее зажиточных слоев населения городов. Хотя мы и не можем присоединиться к столь категорическому суждению о социально-экономическом положении писцов Древнего Шумера, ряд других ценнейших сведений автора о писцах находит свое подтверждение в прекрасной книге М. А. Коростовцева «Писцы Древнего Египта» (М., 1962 г.). Своеобразное иероглифическое письмо Древнего Египта с его ярко выраженным фонетическим характером нашло большее распространение среди широких слоев общества, нежели письмо в Шумере, поскольку шумерская клинопись с обильными элементами идеографического письма значительно труднее для изучения. Поэтому, как указывает автор, в шумерских школах, по-видимому, обучались только мальчики. В этом отношении Вавилония была более прогрессивной, нежели Шумер: там женщины, наряду с музыкой, обучались и искусству письма¹.

С. Н. Крамер, наиболее авторитетный исследователь шумерских школьных табличек, обладал уникальными первоисточниками по истории просвещения в Шумере. На основании этого ценного материала он смог определить конкретную программу курса шумерского обучения.

Глава 4, посвященная «Международным отношениям», — первая из последующих глав на исторические темы (поэтому автор и назвал весь свой труд «История начинается в Шумере»). Здесь Крамер излагает и интерпретирует эпическую поэму «Энмеркар и правитель Аратты». Энмеркар — второй царь I династии города Урука в Южном Шумере, а Аратта — область западного Ирана, отделенная от Шумера семью горными хребтами. Аратта славилась своими металлами и строительным камнем, и Энмеркар стремился заполучить их; между Уруком и Араттой началась война. Поэтому автор назвал в подзаголовке эту главу «первой войной нервов».

Профессор Крамер глубоко исследовал эпическую поэму о войне между Гильгамешем, царем Урука, и Аггой, царем Киша. Поскольку в этой поэме (в противоположность другим поэмам о Гильгамеше) мифологический элемент не играл никакой роли, мифы не рассматривались здесь автором. Их анализ дан в последней части книги, в гл. 26.

¹ В. Meissner, *Babylonien und Assyrien*, Bd II, Heidelberg, 1925, S. 326.

Автор начинает свое исследование со сжатого изложения семитического эпоса о Гильгамеше, а затем ставит вопрос о времени создания этих сказаний. Отвечая на него, он приходит к выводу о том, что «даже поверхностное знакомство с текстом на основе ономастики неопровержимо доказывает, что в основном сказания о Гильгамеше, несмотря на глубокую древность вавилонской поэмы, восходят не к семитическим, а к шумерским источникам» (стр. 209). Признавая первенство создания поэмы шумерами, мы в то же время должны отметить, что шумерские поэмы о Гильгамеше являются лишь отдельными самостоятельными эпическими произведениями, никак не связанными между собой. Вавилонские писцы, и в этом их большая заслуга перед мировой литературой, связали отдельные поэмы о Гильгамеше в единое грандиозное эпическое произведение. Однако следует согласиться с утверждением автора о том, что эпизоды вавилонского эпоса о Гильгамеше, восходящие к эпическим поэмам Шумера, не являются рабским подражанием.

Эпосу посвящена и глава 27 — «Эпическая литература. Первый "героический век" человечества». Здесь автор дал интереснейшие наблюдения о поразительном сходстве индоевропейских сказаний (греческих, индийских и германских) между собой и между эпосом Шумера как по форме, так и по содержанию. Установив это сходство, автор высказывает в то же время сомнение, что сказания могли возникнуть вполне самостоятельно в различных местах и в различное время. Поэтому он приходит к заслуживающему внимания выводу: «Поскольку самые древние героические сказания появились в Шумере, можно предположить, что родиной эпической поэзии было Двуречье» (стр. 223).

Установив замечательные достижения шумерской культуры в области эпической поэзии, С. Н. Крамер отмечает и достижения шумерских писцов, мастерски излагающих события, потрясавшие города-государства Шумера.

Первым крупным исследованием, посвященным шумерской историографии, была статья автора предлагаемого читателю труда, проф. С. Н. Крамера, «Шумерская историография»¹. Результаты этого исследования включены в настоящую книгу («Гражданская война в Шумере»).

¹ *Israel Exploration Journal*» Vol. 3, N 4, Jerusalem, 1953. pp. 217-238.

В главе 7 — «Социальные реформы. Первый случай снижения налогов» — автор останавливается на социальных реформах, проведенных государственным деятелем Лагаша Урукагиной. Говоря о деятельности Урукагины, он вернулся к той положительной оценке, которую дал реформам этого правителя Лагаша французский шумеролог Ф. Тюрорданжен; эти реформы последний объяснил стремлением защитить народ от посягательств со стороны власть имущих. Его интерпретацию принял наш известный историк Древнего Востока академик Б. А. Тураев. Ту же оценку мы найдем и в исследовании о реформах Урукагины А. Деймеля, создателя монументального шумерского идеографического словаря. Вместе с Тюрорданженом видел в Урукагине защитника бедных и обездоленных и А. Пёбель.

В последние пятнадцать лет некоторые из шумерологов и историков Древнего Востока истолковывали мероприятия правителя-реформатора Лагаша иначе. Они полагали, что законы Урукагины отражали интересы жречества и привилегированной части храмового персонала. С. Н. Крамер вернулся к старой оценке реформ Урукагины.

Если в этой главе автор опирался, как он заявляет сам, в некоторой степени на толкование А. Пёбеля, то в следующей, посвященной сводам законов южного Междуречья, он был почти исключительно обязан решением поставленной перед ним задачи своему замечательному дарованию дешифровщика шумерских клинописных табличек и интерпретатора шумерских текстов.

Труд проф. С. Н. Крамера знакомит нас со многими жанрами шумерской письменности и литературы — кроме лирики, так как лирические произведения шумеров пока еще неизвестны. Автору удалось обнаружить две элегии в московском Музее изобразительных искусств. Эта находка имеет чрезвычайно важное значение, так как лирике, воспевавшей любовь простых людей, очевидно, не было места в библиотеках храмов и царских дворцов. Как я уже говорил выше, ни Шумер, ни Вавилония не знали того пышного культа мертвых, который является столь характерным для знати и для сановников Древнего Египта.

Тем более следует отметить тот подлинный талант, с которым проф. Крамер сумел, при отсутствии образцов шумерской лирики и сказок, извлечь из шумерских мифов, эпических поэм, поговорок и религиозных текстов все то, что было в них яркого, увлекательного и жизнеутверждаю-

щего. Прочитавший его книгу поймет, что шумерский народ также страстно воспевал любовь и рассказывал такие же занимательные сказки, как и народ долины Нила.

С. Н. Крамер открыл для науки литературные и религиозные памятники древнейшей цивилизации мира. Поэтому он мог с такой убедительностью выявить непосредственное воздействие шумерской литературы на вавилонскую и воздействие ее через посредствующие звенья на литературу и культуру греков, евреев и даже народов Западной Европы. Особенно большое значение для нашего читателя имеют сопоставления автором шумерских мифов и других литературно-религиозных памятников с библейскими текстами.

Знакомство с юридическими документами Шумера будет способствовать более глубокому изучению эволюции библейского законодательства, несомненно восходящего к кодексам Древнего Двуречья. Недаром С. Н. Крамер называет Ур-намму первым «Моисеем», намекая при этом на сильное влияние шумерского права, которое чувствуется в Библии.

Отсюда напрашивается естественный вывод, что Библия отнюдь не является «боговдохновенной» книгой и что ее составители пользовались легендами и преданиями, заимствованными у шумерского народа через вавилонян. От евреев эти легенды и были восприняты христианами. Поэтому материалы, включенные автором в книгу, очень важны для борьбы с религиозными предрассудками.

В заключение следует еще раз подчеркнуть громадную познавательную ценность книги проф. С. Н. Крамера, открывающей перед читателем все величие многогранной культуры древнейшего классового общества, известного в истории. Вместе с тем надлежит со всей настойчивостью еще раз отметить и то существенное обстоятельство, что основные источники, на которых зиждутся факты, изложенные в книге, были открыты, прочитаны после преодоления всех палеографических трудностей и интерпретированы самим автором. Поэтому вполне понятна известная склонность к шумерскому «национализму», которая заставляет С. Н. Крамера умалчивать в некоторых случаях о достижениях другого древнего народа, а именно египтян. Мы не должны забывать, что С. Н. Крамеру первому из всех исследователей засияло полным светом солнце шумерской культуры и что он первый полностью осознал все то, что дал человечеству этот одаренный народ.

Академик В. Струве

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Россия никогда не производила раскопок в Ираке, на родине клинописи, и тем не менее, начиная со второй половины XIX в. и вплоть до наших дней, у русских была и есть замечательная Школа научного изучения клинописи.

После первых исследований, проделанных двумя заслуженными учеными Н. П. Лихачевым и М. В. Никольским, эта наука быстро двинулась вперед благодаря трудам В. К. Шилейко, А. П. Рифтина и, наконец, академика В. В. Струве, одного из виднейших востоковедов и историков мира. Их ученики и последователи И. М. Дьяконов и Л. А. Липин (я называю только тех, с работами которых хорошо знаком) воспитывают новое поколение советских шумерологов и ассириологов при всесторонней поддержке Академии наук СССР. Поэтому я считаю большой честью то, что моя книга «История начинается в Шумере» переведена на русский язык и стала доступной людям страны, сумевшей воспитать замечательную плеяду ученых, несмотря на годы гражданской войны, второй мировой войны и прочих трудностей.

«История начинается в Шумере» впервые была опубликована в 1959 г. Это популярное издание моего труда «Таблички Шумера», вышедшего в 1956 г. В издании 1956 г. помещены очерки о 25 первых письменно зафиксированных достижениях человечества. В последующем издании я смог рассказать еще о двух таких достижениях, выявленных за последние годы в результате специальных исследований. Что касается русского издания, то я счастлив заявить, что могу включить в него еще три новые главы. Глава о первых элегиях — расшифровка очень интересной глиняной таблички из московского Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина на основе

моей монографии, вышедшей в Москве в 1961 г. (с параллельным текстом на русском и английском языках). «Первые успехи в труде» и «Первый рыбный заповедник» — результаты новейших исследований моего молодого испанского коллеги, сотрудника Музея Пенсильванского университета М. Сивила.

Глава «Медицина» (о первой фармакопее) фактически написана заново для русского издания в связи с последними данными, полученными М. Сивилом. И наконец, глава «Сельское хозяйство» (о первом «календаре земледельца») подверглась значительной переработке в соответствии с новым переводом шумерского документа, подготовленным мною несколько лет назад.

Последняя, 30 глава русского издания книги рассказывает о том, как шумеры представляли себе «золотой век» человечества. Далекое прошлое рисовалось их воображению как счастливое время, когда люди жили в мире и согласии, не зная страха, раздоров и нужды. На протяжении четырех тысяч лет, которые прошли с тех пор, как шумеры написали задушевные строки о «потерянном рае», войны и раздоры, нищета и голод, страх и произвол непрестанно терзают человечество. Но сегодня свежий ветер подул над миром и освежил атмосферу, пропитанную противоречиями. Сегодня дух сотрудничества и взаимопомощи начинает овладевать умами людей — и прежде всего в сфере науки и культуры. Возможность установления мира и согласия на земле стала более реальной. Пусть этому способствует русское издание моей книги, в которой я, американский ученый, родившийся в России, рассказываю о древнейшей цивилизации — цивилизации, свидетельствующей о глубоком единстве рода человеческого во все времена и во всех странах мира.

*Посвящается памяти
выдающегося шумеролога, моего
учителя и коллеги Арно Пёбеля
(1881-1958)*

1. ОБРАЗОВАНИЕ

Первые школы

Шумерская школа возникла в результате появления письменности, той самой клинописи, изобретение и усовершенствование которой явилось самым значительным вкладом Шумера в историю цивилизации.

Первые письменные памятники были обнаружены среди развалин древнего шумерского города Урука (библейский Эрех). Здесь нашли более тысячи маленьких глиняных табличек, покрытых пиктографическим письмом. В основном это были хозяйственные и административные записи, однако среди них оказалось несколько учебных текстов: списки слов для заучивания наизусть. Это свидетельствует о том, что по меньшей мере за 3000 лет до н. э. шумерские писцы уже занимались вопросами обучения. В течение последующих веков это дело развивалось медленно, однако к середине III тысячелетия до н. э. на территории Шумера, по-видимому, существовала сеть школ для систематического обучения чтению и письму. В древнем Шуруппаке — на родине шумерского «Ноя» (см. гл. 22) — во время раскопок 1902—1903 гг. было найдено значительное количество табличек со «школьными текстами», относящимися к периоду около 2500 г. до н. э.

Однако шумерские школы достигли своего расцвета только во второй половине III тысячелетия до н. э. Обнаружены десятки тысяч глиняных табличек этого периода, и не вызывает сомнений, что сотни тысяч аналогичных текстов еще покоятся в земле, ожидая будущих исследователей. Большинство табличек заполнено административными и хозяйственными записями. По ним можно шаг за шагом

проследить весь ход экономической жизни древнего Шумера. Из них же мы узнаём, что количество профессиональных писцов в тот период достигало нескольких тысяч. Писцы делились на младших и старших; были писцы царские и храмовые, писцы с узкой специализацией в какой-либо одной области и писцы высокой квалификации, которые занимали важные государственные должности. Все это дает основания предполагать, что по всему Шумеру было разбросано множество довольно крупных школ для писцов и что этим школам придавалось немалое значение.

Однако ни одна из табличек этой эпохи еще не дает нам ясного представления о шумерских школах, о системе и методах обучения в них. Чтобы получить такого рода сведения, необходимо обратиться к табличкам первой половины II тысячелетия до н. э. Из археологического слоя, соответствующего этой эпохе, были извлечены сотни учебных табличек со всевозможными заданиями, выполненными самими учениками во время уроков. Здесь представлены все стадии обучения. Такие глиняные «тетрадки» позволяют сделать немало интересных выводов о системе обучения, принятой в шумерских школах, и о программе, которая там изучалась. К счастью, и сами преподаватели любили писать о школьной жизни. Многие из этих записей также сохранились, хотя и в отрывках. Эти записи и учебные таблички дают достаточно полное представление о шумерской школе, о ее задачах и целях, об учениках и учителях, о программе и методах обучения. В истории человечества это единственный случай, когда мы можем узнать так много о школах столь отдаленной эпохи.

Первоначально цели обучения в шумерской школе были, так сказать, чисто профессиональными, то есть школа должна была готовить писцов, необходимых в хозяйственной и административной жизни страны, главным образом для дворцов и храмов. Эта задача оставалась центральной на протяжении всего существования Шумера. Но по мере развития сети школ, а также по мере расширения учебных программ школы постепенно становятся очагами шумерской культуры и знания. В них формировался тип универсального «ученого» — специалиста по всем существовавшим в ту эпоху разделам знания: по богословию, ботанике, зоологии, минералогии, географии, математике, грамматике и лингвистике, причем нередко эти ученые обогащали знания своей эпохи.

Наконец, в отличие от современных учебных заведений шумерские школы были своеобразными литературными центрами. Здесь не только изучали и переписывали литературные памятники прошлого, но и создавали новые произведения.

Большинство учеников, оканчивавших эти школы, как правило, становились писцами при дворцах и храмах или в хозяйствах богатых и знатных людей, однако определенная их часть посвящала свою жизнь науке и преподаванию. Подобно университетским профессорам наших дней, многие из этих древних ученых зарабатывали себе на жизнь преподавательской деятельностью, посвящая свое свободное время исследованиям и литературному труду.

Шумерская школа, первоначально возникшая, по-видимому, как придаток храма, со временем отделилась от него, и ее программа приобрела в основном чисто светский характер. Поэтому труд учителя вероятнее всего оплачивался за счет взносов учеников.

Разумеется, в Шумере не было ни всеобщего, ни обязательного обучения. Большинство учеников происходили из богатых или зажиточных семей — ведь беднякам было тяжело найти время и деньги для продолжительной учебы. Хотя ассириологи уже давно пришли к такому выводу, это была только гипотеза, и лишь в 1946 г. немецкий ассириолог Николаус Шнейдер сумел подкрепить ее остроумными доказательствами, основанными на документах той эпохи. На тысячах опубликованных хозяйственных и административных табличек, относящихся примерно к 2000 г. до н. э., упоминается примерно пятьсот имен писцов. Многие из них, во избежание ошибки, рядом со своим именем ставили имя своего отца и указывали его профессию. Тщательно рассортировав все таблички, Н. Шнейдер установил, что отцами этих писцов, — а все они, разумеется, обучались в школах, — были правители, «отцы города», посланники, управляющие храмами, военачальники, капитаны судов, высшие налоговые чиновники, жрецы различных рангов, подрядчики, надсмотрщики, писцы, хранители архивов, счетоводы. Иными словами, отцами писцов были наиболее зажиточные горожане. Интересно, что ни в одном из документов не встречается имени писца-женщины; по-видимому, в шумерских школах обучались только мальчики.

Во главе школы стоял «уммиа» (знающий человек, учитель), который именовался также «отец школы». Ученики

назывались «сыновьями школы», а помощник учителя — «старшим братом». В его обязанности, в частности, входило изготовление каллиграфических табличек-образцов, которые потом переписывали ученики. Он же проверял письменные задания и заставлял учеников рассказывать выученные ими уроки.

В числе преподавателей были также учитель рисования и учитель шумерского языка, наставник, следивший за посещаемостью, и так называемый «владеющий хлыстом» (очевидно, надзиратель, отвечавший за дисциплину в школе). Трудно сказать, кто из них считался выше по рангу; мы знаем только, что «отец школы» был ее фактическим директором. Нам ничего не известно и об источниках существования школьного персонала. Вероятно, «отец школы» выплачивал каждому его долю из общей суммы, поступавшей в уплату за обучение.

Что касается школьных программ, то здесь к нашим услугам богатейшие сведения, почерпнутые из самих школьных табличек — факт поистине уникальный в истории древности. Поэтому нам нет нужды прибегать к косвенным свидетельствам или к сочинениям древних авторов: мы располагаем первоисточниками — табличками учеников, начиная от каракулей «первоклассников» и кончая работами «выпускников», настолько совершенными, что их с трудом можно отличить от табличек, написанных преподавателями.

Эти работы позволяют установить, что курс обучения шел по двум основным программам. Первая тяготела к науке и технике, вторая была литературной, развивала творческие способности.

Говоря о первой программе, необходимо подчеркнуть, что она отнюдь не была подсказана жадной жаждой знания, стремлением познать истину. Эта программа постепенно сложилась в процессе преподавания, основная цель которого заключалась в обучении шумерскому письму. Исходя из этой основной задачи шумерские учителя создали систему обучения, основанную на принципе лингвистической классификации. Лексика шумерского языка разделялась ими на группы, в которых слова и выражения были связаны общим смыслом. Эти группы слов заучивались и переписывались до тех пор, пока ученики не привыкали воспроизводить их самостоятельно. Но к III тысячелетию до н. э. подобные «учебные тексты» начали заметно расширяться

и постепенно превратились в более или менее стабильные учебные пособия, принятые во всех школах Шумера.

В одних текстах приводятся длинные списки названий деревьев и тростников; в других — названия всевозможных живых существ (животных, насекомых и птиц); в третьих — названия стран, городов и селений; в четвертых — названия камней и минералов. Подобные списки свидетельствуют о значительной осведомленности шумеров в области «ботаники», «зоологии», «географии» и «минералогии» — весьма любопытный и малоизвестный факт, который лишь недавно привлек внимание ученых, занимающихся историей науки.

Шумерские педагоги также создавали всевозможные математические таблицы и составляли сборники задач, сопровождая каждую соответствующим решением и ответом.

Говоря о лингвистике, следует прежде всего отметить, что особое внимание, судя по многочисленным школьным табличкам, уделялось грамматике. Большинство таких табличек представляет собой длинные списки сложных существительных, глагольных форм и т. п. Это говорит о том, что грамматика шумеров была хорошо разработана. Позднее, в последней четверти III тысячелетия до н. э., когда семиты Аккада постепенно завоевали Шумер, шумерские педагоги создали первые известные нам «словари». Дело в том, что завоеватели-семиты переняли не только шумерскую письменность; они также высоко ценили литературу древнего Шумера, сохраняли и изучали ее памятники и подражали им даже тогда, когда шумерский стал мертвым языком. Этим и была вызвана необходимость в «словарях», где давался перевод шумерских слов и выражений на язык Аккада.

Обратимся теперь ко второй учебной программе, которая имела литературный уклон. Обучение по этой программе заключалось в основном в заучивании и переписывании литературных произведений второй половины III тысячелетия до н. э., когда литература была особенно богата, а также в подражании им. Таких текстов были сотни, и почти все они представляли собой стихотворные произведения размером от 50 (или менее) до 1000 строк. Судя по тем из них, которые удалось составить и расшифровать, эти произведения принадлежали к различным жанрам: мифы и эпические сказания в стихах, прославляющие подвиги шумерских богов и героев; хвалебные гимны богам и царям,

плачи о разрушенных, побежденных городах, поучительные произведения, включающие басни, пословицы и назидания. Среди тысяч литературных табличек и их обломков, извлеченных из развалин Шумера, многие представляют собой школьные копии, переписанные руками учеников.

О методах и технике преподавания в школах Шумера мы пока знаем совсем немного. С утра, придя в школу, ученики разбирали табличку, которую написали накануне. Затем «старший брат», то есть помощник учителя, подготавливал новую табличку, которую ученики начинали разбирать и переписывать. «Старший брат», а также «отец школы», видимо, следили за работой учеников, проверяя, правильно ли они переписывают текст. Несомненно, что успехи шумерских учеников в значительной мере зависели от их памяти. Учителя и их помощники должны были сопровождать подробными объяснениями слишком сухие списки слов, таблицы и литературные тексты, переписываемые учениками. Но эти «лекции», которые могли бы оказать нам неоценимую помощь в изучении шумерской научной и религиозной мысли и литературы, по-видимому, никогда не записывались, а потому навсегда утрачены.

Несомненно одно: преподавание в школах Шумера не имело ничего общего с современной системой обучения, при которой усвоение знаний в значительной степени зависит от инициативы и самостоятельной работы самого ученика. Что касается дисциплины, то без палки дело не обходилось. Вполне возможно, что, не отказываясь от поощрения учеников за успехи, шумерские педагоги все же больше полагались на устрашающее действие палки, мгновенно каравшей за любую ошибку или небрежность. Жизнь ученика была отнюдь не райской. Он ходил в школу каждый день и просиживал там с утра до вечера. Наверное, в течение года устраивались какие-то каникулы, но мы об этом не имеем никаких сведений. Обучение длилось годами, ребенок успевал превратиться в юношу. Интересно было бы узнать, имели ли шумерские ученики возможность выбирать себе ту или иную специализацию, и если да, то в какой мере и на каком этапе обучения. Однако об этом, как и о многих других подробностях, источники умалчивают.

Как же выглядела сама шумерская школа? В ходе многочисленных раскопок в Месопотамии было обнаружено несколько зданий, которые по тем или иным признакам можно определить как школьные. Одно из них находилось в Нип-

пуре, другое — в Сиппаре, а третье — в Уре. Но кроме того, что в каждом из этих зданий найдено большое количество табличек, они почти ничем не отличаются от обыкновенных жилых домов, а потому наша догадка может быть и ошибочной. Только зимой 1934/35 г. французские археологи обнаружили в городе Мари на Евфрате (на северо-запад от Ниппура) две комнаты, которые по своему расположению и особенностям явно представляют собой школьные классы. В них сохранились ряды скамеек из обожженного кирпича, рассчитанные на одного, двух или четырех учеников.

Но что думали сами ученики о тогдашней школе? Чтобы дать на этот вопрос хотя бы неполный ответ, обратимся к следующей главе, в которой приводится весьма любопытный текст о школьной жизни в Шумере, написанный почти четыре тысячи лет назад, но лишь недавно собранный из многочисленных отрывков и наконец-то переведенный. Этот текст дает, в частности, ясное представление об отношениях между учениками и учителями и является уникальным первым документом в истории педагогики.

2. ШКОЛЬНЫЕ БУДНИ

Первый «подхалим»

Этот документ — один из самых человеческих среди обнаруженных на Ближнем Востоке текстов — посвящен повседневной жизни шумерского школьника. Его сочинил неизвестный учитель, живший за две тысячи лет до нашей эры. Простыми словами, без всякого приукрашивания, анонимный автор ведет свой рассказ, из которого явствует, как мало изменилась человеческая природа за прошедшие тысячелетия.

Шумерский школьник, о котором повествует текст, очень похож на современного. Он боится опоздать в школу, ибо за это «учитель побьет его палкой». Едва проснувшись, он торопит мать, чтобы та поскорей приготовила ему завтрак. В школе за каждую провинность учитель или помощник учителя бьют его палкой. Последняя деталь не вызывает сомнений, потому что шумерский знак, означающий «телесное наказание», состоит из двух знаков: «тело» и «палка» (или «трость»).

Что касается учителя, то его доходы в те времена были, по-видимому, ничтожными, как нередко бывает и в наши дни. Во всяком случае он очень радовался, когда получал от родителей учеников дополнительные приношения и подарки.

Текст, несомненно составленный одним из «педагогов» «дома табличек», начинается с прямого вопроса, обращенного к ученику: «Ученик, куда ходил ты с раннего детства?» Ученик отвечает: «Я ходил в школу». — «Что ты делал в школе?» — продолжает автор. Ответ ученика занимает более половины всего текста. В частности, он говорит: «Я пересказал наизусть мою табличку, я позавтракал, я приготовил (новую) табличку, я стал писать ее, я ее закончил. Потом мне дали устное задание, а после полудня мне дали письменное задание. Из школы я вернулся домой, я вошел в дом, где сидел мой отец. Я рассказал отцу о моем письменном задании, потом прочитал ему наизусть свою табличку, и отец мой возрадовался. ...Когда я проснулся рано утром, я обратился к матери и сказал ей: „Дай мне мой завтрак, мне нужно идти в школу!“ Моя мать дала мне две „булочки“, и я вышел из дома; моя мать дала мне две „булочки“, и я отправился в школу. В школе наставник сказал мне: „Почему ты опоздал?“ В страхе, с бьющимся сердцем, предстал я перед учителем и почтительно поклонился ему».

Однако почтительность не помогла: как видно, это был черный день для нашего ученика. Ему досталось от разных учителей и за болтовню, и за то, что он встал с места во время урока, и за то, что вышел за ворота школы. Но хуже всего было то, что учитель сказал ему: «Твоя рука (рукопись) никуда не годится», и снова побил его палкой.

Похоже, что для ученика это было чересчур. Поэтому он внушает своему отцу мысль о том, что неплохо было бы пригласить учителя к ним в дом и задобрить каким-нибудь подарком. Это несомненно первый «подхалим» в истории школы. Далее автор продолжает.

«Отец внял словам ученика. Учителя пригласили в гости и, когда он вошел в дом, посадили на почетное место. Ученик стал ему прислуживать и хлопотать вокруг него и показывал отцу свои достижения в искусстве письма на табличках».

Отец хорошо угостил учителя, «облачил его в новое одеяние, преподнес ему подарок, надел ему на палец коль-

цо». Смягченный такой щедростью, учитель принялся в поэтических выражениях утешать будущего писца. Он говорил ему: «Юноша, ты не презрел мои слова и не забыл их,— да сумеешь ты достигнуть совершенства в искусстве письма и постичь все его тонкости!.. Да будешь ты лучшим среди братьев своих и главным среди друзей своих, да займешь ты первое место среди всех учеников!.. Ты хорошо учился в школе, и вот ты стал ученым человеком».

Этими радостными, исполненными оптимизма словами учителя и завершается текст о школьной жизни. Вряд ли автор предполагал, что его литературную безделушку через четыре тысячи лет извлекут из-под развалин и что в двадцатом веке новой эры она будет восстановлена и прочитана профессором американского университета! К счастью, этот текст уже в древности стал популярен и получил широкое распространение, о чем можно судить хотя бы по тому, что мы располагаем сейчас 21 его копией, в различной степени сохранности. Тринадцать копий находятся в Музее Пенсильванского университета в Филадельфии, семь — в Музее Древнего Востока в Стамбуле, одна хранится в Лувре.

Документ дошел до нас в многочисленных отрывках, которые постепенно собирались воедино. Первый фрагмент был издан в 1909 г. тогда еще молодым ассириологом Гуго Радау. Но это был отрывок из середины текста, а потому Радау не смог понять, о чем идет речь. В течение следующих 25 лет новые фрагменты были опубликованы выдающимися, ныне покойными учеными Стефаном Лэнгдоном, Эдуардом Чиера и Анри де Женуяком. Однако их расшифровки все еще не раскрывали смысл всего произведения. В 1938 г., во время моего продолжительного пребывания в Стамбуле, мне удалось отыскать еще пять фрагментов. Один из них, в довольно хорошем состоянии, сохранился на табличке, на которой когда-то четырьмя столбцами был начертан весь текст целиком. Затем были опознаны другие фрагменты, хранившиеся в Музее Пенсильванского университета. Среди них оказалась хорошо сохранившаяся табличка в четыре столбца и множество обломков, на которых уцелели по одной-две строчки. В конечном счете сегодня текст, за исключением нескольких знаков, восстановлен практически полностью.

Однако это был только первый этап: оставалось еще сделать научно достоверный перевод, чтобы древний документ стал доступен широкому кругу читателей. Сделать

такой перевод не менее важно, чем восстановить текст, и, пожалуй, гораздо труднее. Отдельные отрывки были с успехом переведены шумерологами Торкильдом Якобсеном (Восточный институт, Чикаго) и Адамом Фалькенштейном (Гейдельбергский университет). Их труды, а также многочисленные предположения, высказанные Бенно Ландсбергером, ранее работавшим в Лейпциге и Анкаре, а ныне профессором Восточного института в Чикаго, позволили подготовить первый полный перевод текста, который был опубликован в 1949 г. в *Journal of the American Oriental Society*.

Разумеется, многие слова и выражения шумерского текста до сих пор не вполне ясны. Но мы не сомневаемся, что в будущем какой-нибудь пылливый ученый сумеет сделать абсолютно точный перевод этого древнего документа.

Шумерская школа была довольно мрачной и неприветливой, программа обучения — сухой, преподавание — скучным и однообразным, дисциплина — суровой. Поэтому нет ничего удивительного в том, что некоторые ученики под любыми предлогами пропускали занятия и становились, как теперь говорят, «трудными» детьми. Это подводит нас к первым письменным зафиксированным случаям «детской преступности». Относящиеся к данному вопросу документы любопытны сами по себе, не говоря уже о том, что в них впервые встречается шумерское слово «намлулу», то есть «человечность». Оно употребляется для обозначения поведения и поступков, приличествующих человеку.

3. ОТЕЦ И СЫН

Первый «несовершеннолетний правонарушитель»

В наши дни преступность несовершеннолетних стала серьезной проблемой. Пусть нам послужит утешением то, что в древности дело обстояло немногим лучше! Своенравные, непослушные и неблагодарные дети были наказанием для своих родителей уже тысячи лет тому назад. Они слонялись по улицам и перекресткам и вертелись на людных

площадях — может быть, даже целыми группами,— несмотря на все усилия их наставников. Они ненавидели учение и школу и досаждали своим родителям вечными жалобами и нытьем.

Обо всем этом мы узнаем из древнего шумерского текста, который лишь недавно был восстановлен. Этот документ, состоящий из семнадцати глиняных табличек и фрагментов, написан примерно 3700 лет тому назад. Вполне возможно, что текст был создан на несколько сот лет ранее.

Произведение, о котором идет речь,— диалог между писцом и его непутевым сыном,—предваряется введением. В нем отец более или менее дружески убеждает сына ходить в школу, прилежно учиться и возвращаться домой, не задерживаясь на улице. Чтобы убедиться, что сын слушает его внимательно, отец заставляет его повторять дословно каждую свою фразу.

Затем беседа превращается в монолог отца. Отец начинает с практических советов, которые должны помочь сыну «стать человеком»: не болтайся по улицам и садам; слушайся своего наставника; ходи в школу, изучай опыт прошлого. Далее следуют горькие упреки в адрес своенравного сына, который, по словам отца, довел его до отчаяния своей трусливостью и «нечеловечным» (т. е. недостойным человека) поведением. Отец глубоко опечален сыновней неблагодарностью. Он никогда не заставлял сына ходить за плугом и погонять быков, никогда не посылал его за топливом, не просил помочь ему, как это делают другие отцы. И тем не менее сын его оказался гораздо хуже, нежели сыновья других людей.

Подобно многим современным родителям, отец больше всего огорчен тем, что сын отказывается следовать по его стопам — не хочет быть писцом. Он побуждает сына превзойти друзей, приятелей и братьев, избрав отцовскую профессию, хотя она и труднее всех остальных, ибо искусство письма — самое сложное из всего, что придумал и дал людям бог искусств и ремесел. Отец говорит, что эта профессия необходима для передачи человеческого опыта в поэтической форме. В любом случае, продолжает он, сын должен следовать по стопам отца, ибо так приказал Энлиль, повелитель богов.

После заключительных упреков отца в связи с тем, что сын стремится к материальным благам, а не к достойной

человека деятельности, значение текста становится неясным. Создается впечатление, что далее следуют краткие, афористические высказывания, цель которых, по-видимому, заключается в том, чтобы наставить сына на путь истинный. Так или иначе, концовка благополучная. Отец благословляет сына и молится, чтобы на того снизошла милость их семейного бога (бога луны Нанны) и его супруги, богини Нингаль.

Вот почти буквальный, хотя и неокончательный перевод наиболее понятных отрывков текста. Опущены только отдельные неясные фразы или поврежденные строки.

— Куда ты ходил? — спрашивает сына отец.

— Я никуда не ходил, — отвечает сын.

— Если ты никуда не ходил, почему ты бездельничаешь? Ступай в школу, стань перед «отцом школы», расскажи ему заданный урок, открой свою школьную сумку, пиши свою табличку, и пусть «старший брат» напишет для тебя новую табличку. Когда закончишь свой урок и покажешь наставнику, возвращайся ко мне, не болтайся на улице. Ты понял, что я тебе сказал?

— Я понял и могу все повторить.

— Тогда повтори.

— Сейчас повторю.

— Говори же! Начинай же, говори!

— Ты сказал, чтобы я пошел в школу, рассказал заданный урок, открыл свою школьную сумку, писал свою табличку и чтобы «старший брат» написал для меня новую табличку. Выполнив задание, я должен продолжать заниматься, потом показать все наставнику, а потом вернуться к тебе. Вот что ты сказал мне.

— Послушай, будь же мужчиной! — начинает свой длинный монолог отец.— Не стой на площадях, не разгуливай по садам. Когда идешь по улице, не гляди по сторонам. Будь почтителен, трепещи перед своим наставником. Когда наставник увидит в глазах твоих страх, он полюбит тебя.

(Далее не хватает примерно пятнадцати строк).

— Ты, бродящий без дела по людным площадям, хотел бы ты достигнуть успеха? Тогда взгляни на поколения, которые были до тебя. Ступай в школу, это принесет тебе благо. Сын мой, взгляни на предшествующие поколения, спроси у них совета. Упрямец, с коего я не спускаю глаз, — я не был бы мужчиной, если бы не следил за своим сы-

ном,— я говорил со своей родней, я сравнил наших родственников между собой, и нет среди них ни одного, похожего на тебя.

То, о чем я тебе сейчас скажу, обращает глупца в мудреца, останавливает змею, словно по волшебству; мои слова научат тебя не внимать ложным речам. Ты изнурил мое сердце, и я отдалился от тебя и не обращал внимания на твои страхи и ропот; нет, я не обращал внимания на твои страхи и ропот. Из-за твоих жалоб — да, из-за твоих жалоб — я гневался на тебя, да, я гневался на тебя. Из-за того, что ты ведешь себя не так, как подобает человеку, сердце мое было как бы опалено злым ветром. Своим ропотом ты довел меня до предела, ты довел меня до края могилы.

Ни разу в жизни не заставил я тебя носить тростник в зарослях. Тростниковые стебли, которые носят и юноши и дети, ни разу в жизни ты не носил их. Никогда не говорил я тебе: «Следуй за моими караванами!» Никогда не посылал я тебя на работу, пахать мое поле. Никогда я не посылал тебя на работу, мотыжить мое поле. Никогда я не посылал тебя работать в поле. Ни разу в жизни не сказал я тебе: «Ступай работать, помогай мне!»

Другие, подобные тебе, работают, помогают родителям. Если бы ты поговорил с родственниками, если бы ты ценил их, ты бы постарался их превзойти. Каждый из них выращивает по 10 гуров* ячменя, даже самые юные выращивают для своих отцов по десяти гуров каждый. Они умножали ячмень для отцов своих, снабжали их ячменем, маслом и шерстью. Ты же, ты — мужчина лишь по своему упрямству, но по сравнению с ними ты вовсе не мужчина. Конечно, ты не трудишься, как они,— ведь они сыновья отцов, которые заставляют своих сыновей трудиться, а я не заставлял тебя работать подобно им.

Упрямец, вводящий меня во гнев,— но какой человек может всерьез гневаться на своего сына? — я говорил со своей родней и увидел нечто доселе незамеченное. Слова, которые я скажу тебе,— Бойся их и будь настороже, слушай внимательно. Твой коллега, твой соученик — ты не сумел его оценить. Почему ты не стараешься его превзойти? Твой приятель, твой товарищ — ты не сумел его оценить. Почему ты не стараешься его превзойти? Старайся сравниться

* Гур — 252,6 л.— *Прим. пер.*

со своим старшим братом, старайся сравниться со своим младшим братом. Среди всех людских ремесел в нашей стране, сколько их ни определил (ни создал) Энки (бог искусств и ремесел), нет ничего труднее искусства писца, им созданного. Ведь если бы не песнь (поэзия),— а сердце песни так далеко, как далеки берега морские и берега дальних каналов,— ты бы не стал слушать моих советов, а я бы не смог передать тебе мудрость моего отца. Так распорядился судьбой человеческой Энлиль: да продолжит сын труды отца своего!

Ночью и днем я терзаюсь из-за тебя. Ночи и дни ты расточаешь в поисках наслаждения. Ты накопил много сокровищ, ты раздался, стал толстым, большим, широкоплечим, сильным и важным. Но весь твой род терпеливо ожидает, когда обрушится на тебя беда, и все будут этому радоваться, ибо ты не стремился стать человеком.

Далее следует отрывок, состоящий из сорока одной строки, смысл которого неясен. По-видимому, он включает пословицы и старинные поговорки.

Затем текст завершается отцовским поэтическим благословением:

«От недруга твоего, который желает тебе зла, да спасет
тебя бог твой Нанна!
От нападающего на тебя да спасет тебя бог твой Нанна!
Да пребудет с тобой расположение бога твоего,
Да осенит тебя человечность, да проникнет она тебе в голову
и в сердце,
Да услышат тебя мудрецы города,
Да будет имя твое прославлено в городе,
Да назовет тебя бог твой счастливым именем,
Да пребудет с тобой милость бога твоего Наины,
И да пребудет с тобой благословение богини Нингаль!»

Однако, хотя многие и не хотят с этим согласиться, мир правят не преподаватели, не поэты и не гуманисты, проповедующие человечность, а государственные деятели, политики и солдаты. Поэтому наша следующая, 4-я глава будет посвящена первой в истории «политике с позиции силы» и шумерскому правителю, который 5000 лет назад пытался разрешить при помощи такой политики «международные конфликты».

4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Первая «война нервов»

В том месте, где Мраморное море сужается, на стыке залива Золотой Рог и узкого, как река, Босфора, находится та часть Стамбула, которую турки называют Сарай-бурну, то есть «Дворцовый нос». Здесь около 500 лет тому назад завоеватель Стамбула султан Мехмед II воздвиг свой дворец, окружив его неприступными стенами. В последующие столетия его преемники постепенно расширяли эту резиденцию, возводя все новые мечети и павильоны, сооружая новые фонтаны и разбивая новые сады. По гладко вымощенным дворам и под сенью деревьев некогда прогуливались обитательницы гаремов со служанками и сами повелители Оттоманской Порты в сопровождении свиты. Мало кому открывался доступ во дворец, и еще меньше было число избранных, которым удавалось проникнуть в тайны дворцовой жизни.

Но эпоха султанов миновала, и «Дворцовый нос» преобразился. Стены с высокими башнями сильно разрушены временем, а сады превращены в общественные парки, где жители Стамбула находят прохладу. Что же касается самих зданий — запретных дворцов с уединенными павильонами, — то почти все они стали музеями. Султаны сюда никогда не вернутся, Турция стала республикой.

И вот я сижу в одном из этих музеев, в музее Древнего Востока. Свет, струящийся из многочисленных окон, падает на большой стол. На стене висит портрет мужчины с широким лицом и задумчивыми глазами. Это Кемаль Ататюрк, основатель Турецкой республики. Много можно было бы написать об этом человеке, которого можно считать одним из самых выдающихся политических деятелей XX века. Но заниматься героями современности, даже если их деяния открыли целую новую эпоху, не мое дело. Я шумеролог и должен всецело посвятить себя забытым героям далекого прошлого.

Передо мной на столе лежит глиняная табличка. Примерно 4000 лет назад неведомый шумерский писец начертал на ней клинописные знаки. Табличка квадратная — 23 X 23 см, то есть меньше обычного листа бумаги для машинки. Однако писец разделил эту табличку на двенадцать столбцов и ухитрился уместить на ней крошечными

значками более 600 строк героической поэмы. Поэму эту можно назвать «Энмеркар и правитель Аратты». Хотя описываемые в ней события происходили почти пять тысячелетий назад, поэма звучит удивительно современно, ибо в ней описывается международный конфликт, живо напоминающий о некоторых приемах поборников «политики с позиции силы».

Поэма повествует о том, как в давние времена, за много столетий до рождения нашего писца, городом-государством Уруком, расположенным в Южной Месопотамии между реками Тигром и Евфратом, правил славный шумерский герой Энмеркар. А далеко на севере от Урука, в Персии, находился другой город-государство, называвшийся Аратта. Он был отделен от Урука семью горными хребтами и стоял так высоко, что добраться до него было почти невозможно.

Аратта славилась своими богатствами — всевозможными металлами и строительным камнем, то есть именно тем, чего так не хватало городу Уруку, расположенному на плоской низменной равнине Двуречья. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Энмеркар с вожделием взирал на Аратту и ее сокровища. Он решил во что бы то ни стало подчинить себе народ Аратты и ее правителя и с этой целью начал против них своего рода «войну нервов». Ему удалось настолько запугать правителя Аратты и ее жителей, что те подчинились Уруку. «Война нервов» была выиграна.

Обо всем этом повествуется спокойным, неторопливым слогом, со множеством всяких околичностей, короче — в традиционном стиле эпической поэзии всех времен и народов.

Поэма начинается прославлением величия Урука и Куллаба. (Куллаб — часть города Урука или поселение близ него). Автор подчеркивает, что покровительство богини Инанны давало Уруку преимущество перед Араттой. После этого введения начинается собственно повествование.

Однажды Энмеркар, сын бога солнца Уту, решив подчинить себе Аратту, воззвал к своей сестре, богине Инанне, — всемогущей шумерской богине любви и войны, — и попросил ее сделать так, чтобы жители Аратты принесли ему золото, серебро, лазурит и драгоценные камни, а также построили святилища и храмы, в частности священный храм Абзу для бога воды Энки в городе Эриду.

Выслушав Энмеркара, Инанна советует ему выбрать подходящего посланца, способного пересечь высокие горы Аншан, отделявшие Урук от Аратты. Она обещает, что народ Аратты покорится Энмеркару и построит ему то, что он хочет. Энмеркар выбирает посланца и отправляет его к правителю Аратты, угрожая разрушить и опустошить город, если народ Аратты не пришлет с гор золото и серебро и не выстроит богато украшенный храм для бога Энки. Чтобы произвести на правителя Аратты еще большее впечатление, Энмеркар приказывает своему посланцу произнести «заклинание Энки». В нем идет речь о том, как Энки положил конец «золотому веку» человечества еще в те времена, когда над землей и ее обитателями единолично властвовал бог Энлиль.

Преодолев семь горных хребтов, посланец Энмеркара прибывает в Аратту, передает правителю все, что приказал передать его господин, и требует ответа. Однако правитель Аратты не собирается уступать Энмеркару. Он тоже объявляет себя любимцем Инанны и утверждает, что богиня сама возвела его на трон Аратты. Тогда посланец сообщает правителю, что Инанна теперь — «царица Эанны» в Уруке и что она обещала Энмеркару господство над Араттой.

Правитель Аратты, ошеломленный этим сообщением, передает Энмеркару через его посланца ответ, осуждая его за то, что он хочет прибегнуть к силе оружия. Правитель предпочитает, чтобы вопрос был решен поединком двух воинов, представляющих каждый свою страну. Вместе с тем, поскольку Инанна от него отвернулась, он готов подчиниться Энмеркару, при условии, что тот пришлет ему много зерна. Посланец возвращается в Урук и передает этот ответ Энмеркару.

Прежде чем принять решение, Энмеркар совершает ряд обрядов, очевидно, составлявших часть какого-то ритуала. Посоветовавшись с богиней мудрости Нидабой, он нагружает зерном вьючных животных и поручает своему посланцу отвести караван в Аратту. Но вместе с тем посланец несет ответ Энмеркара, в котором Энмеркар провозглашает свое могущество и славу и требует от правителя Аратты сердолика и лазурита.

Достигнув Аратты, посланец сгружает зерно на дворцовой площади и вручает ответ Энмеркара. Народ Аратты, обрадованный присылкой зерна, готов послать Энмер-

кару сердолик (лазурит здесь не упоминается) и поручить своим «старейшинам» построить ему «божественный дом». Однако вспыльчивый правитель Аратты, провозгласив в свою очередь свое могущество и славу, ставит Энмеркару такие же точно условия, требуя от него сердолика и лазурита.

По возвращении посланца Энмеркар, по-видимому, обращается к различным оракулам. В частности, он берет тростник «сушима», который он переносит «из света во тьму, из тьмы на свет»; под конец, «когда проходит пять лет, когда проходит десять лет», Энмеркар срезает этот тростник. Затем он вновь отправляет посланца в Аратту, однако на сей раз вместо всякого ответа вручает ему свой скипетр. Вид этого символа власти почему-то приводит правителя Аратты в трепет. Он совещается со своим «шатамму» (очевидно, советником, обязанности которого не совсем ясны). С горечью говорит он о тяжелом положении, в которое поставила его и весь народ немилость Инанны, и склоняется к тому, чтобы уступить Энмеркару. Тем не менее он еще раз бросает Энмеркару вызов. Возвращаясь к первоначальному плану, он снова предлагает решить дело поединком двух воинов. Тогда «станет ясно, кто сильнее».

Вызов составлен в весьма туманных выражениях. В нем говорится, что выбранный для поединка воин не должен быть «ни черный, ни белый, ни желтый, ни коричневый, ни крапчатый»,— во всем этом, если речь идет о самом воине, трудно уловить какой-либо смысл.

Посланец вновь возвращается в Урук. Тогда Энмеркар отправляет его в Аратту со своего рода ультиматумом, состоящим из трех пунктов:

1) Энмеркар принимает вызов правителя Аратты и готов послать одного из своих приближенных, чтобы тот сразился с воином Аратты;

2) Энмеркар требует, чтобы правитель Аратты собрал для храма Инанны в Уруке золота, серебра и драгоценных камней;

3) Энмеркар вновь грозит сравнять Аратту с землей, если ее правитель и народ не доставят «горных камней», чтобы воздвигнуть и украсить святилище в Эриду.

Начало ультиматума Энмеркара до какой-то степени проясняет смысл условий правителя Аратты относительно цвета избранного для поединка воина. Здесь слово «воин»

заменено словом «одеяние». По-видимому, речь идет об одежде, а не о внешности бойца.

Следующая далее часть поэмы представляет особый интерес. Если мы правильно понимаем текст, в нем говорится, что Энмеркар, владыка Куллаба, был, по мнению автора поэмы, первым, кто начал писать на глиняных табличках: он якобы избрал этот способ потому, что его «косноязычный» посланец не смог точно передать ответ (может быть, из-за его чрезмерной длины).

Однако вернемся к рассказу. Итак, посланец передает табличку правителю Аратты и ожидает ответа. Но тут происходит нечто непредвиденное. Правитель Аратты вдруг получает помощь! Ишкур, шумерский бог дождя и грозы, неожиданно приносит ему дикорастущую пшеницу и бобы. При виде пшеницы к правителю Аратты возвращается мужество. Вновь обретя уверенность, он говорит посланцу, что Инанна вовсе не покинула «ни дом свой, ни ложе свое в Аратте».

Дальнейший текст состоит из отрывков, и установить последовательность событий становится все труднее. Ясно лишь одно: народ Аратты в конечном счете принес для Инанны в Урук и золото, и серебро, и лазурит и сложил все это во дворе храма Эанны. Так завершается самая длинная из обнаруженных в Шумере эпических поэм — первое произведение этого жанра в истории мировой литературы.

Текст поэмы «Энмеркар и правитель Аратты» был восстановлен по 20 табличкам и фрагментам, из которых самой полной до сих пор остается табличка в 12 столбцов из стамбульского Музея Древнего Востока. Она была скопирована мной в 1946 г., о чем уже упоминалось выше. Научное издание поэмы для специалистов — шумерский текст с переводом и комментариями — опубликовано Музеем Пенсильванского университета в 1952 г. Но даже неспециалиста должен заинтересовать этот первый образец героической эпической поэзии, обладающий рядом бесспорных достоинств. Поэтому ниже я привожу буквальный перевод наиболее сохранившихся отрывков из первой половины поэмы, который дает представление о ее специфическом стиле, настроении и духе.

Среди этих отрывков — обращение Энмеркара к Инанне и ответ богини, затем указания, которые Энмеркар дает своему посланцу и которые тот передает правителю Арат-

ты; ответ возмущенного правителя Аратты; второе послание Энмеркара с пояснением, что теперь Инанна на его стороне, и, наконец, описание замешательства правителя Аратты.

Обращаю внимание читателя на то, что количество точек в тексте обозначает количество опущенных по той или иной причине слов (две, три и четыре точки означают, соответственно, пропуск одного, двух и более двух слов).

Однажды Инанна избрала в своем божественном сердце царя, Инанна избрала в своем божественном сердце царя из страны Шуба, Избрала Энмеркара, сына Уту.

К сестре своей, доброй владычице...

К божественной Инанне обратился (царь) с мольбой:

«О сестра моя Инанна! Сделай так, чтобы жители Аратты

Искусно выделявали золото и серебро для Урука,

Чтобы они приносили благородный лазурит, извлеченный из скал,

Чтобы они приносили драгоценные камни и благородный лазурит;

Пусть на священной земле Урука...

Где стоит твой дом Аншан, в коем ты пребываешь,

Пусть они построят...;

Священный гипар*, который ты избрала своим жилищем,

Пусть народ Аратты искусно украсит его изнутри.

Тогда я сам вознесу в нем молитвы...

Пусть Аратта подчинится Уруку,

Пусть жители Аратты

Принесут со своих высот горные камни

И построят для меня большой храм, большое святилище,

Воздвигнут для меня большое святилище, святилище богов,

Заставят признать мои божественные законы в Куллабе,

Воздвигнут мне Абзу, как священную гору,

Заставят воссиять Эриду, как вершину,

Возведут для меня большой храм Абзу, подобный пещере.

Когда я, находясь в Абзу, буду петь гимны,

Когда я принесу божественные законы из Эриду,

Когда я прославлю благородный сан владыки, подобно...,

Когда я возложу на себя корону в Уруке, в Куллабе,

Да будет.. большого храма перенесено в гипар,

Да будет.. гипара перенесено в большой храм,

И пусть народ взирает на это с восхищением,

И пусть Уту смотрит на это радостно!»

* Г и п а р — святая святых храма.— Прим. пер.

Та, кто... услада небесного (бога) Ана, владычица, взирающая
на горную страну,

Госпожа, чей супруг — Ама-ушум-галь-анна,

Инанна, повелительница всех стран,

Ответила Энмеркару, сыну Уту:

«Внимай, Энмеркар, я дам тебе совет, последуй моему совету;

Я скажу тебе слово, внимли ему,

Выбери мудрого посланца из числа...,

И да будут вещие слова мудрой Инанны вложены ему в .. (уста?).

Пусть он поднимется на.. горы,

Пусть он спустится с.. гор

Перед.. Аншана,

Пусть падет ниц, как юный певец,

Устрашенный мощью великих гор,

Пусть идет по дороге, попирая прах,—

Аратта подчинится Уруку.

Жители Аратты,

Спустив со своих высот камни гор,

Построят для тебя большой храм, воздвигнут для тебя

большое святилище,

Воздвигнут для тебя большое святилище, святилище богов,

Они признают твои божественные законы в Куллабе,

Воздвигнут тебе Абзу, как священную гору,

Заставят воссиять Эриду, как вершину,

Возведут большой храм Абзу, подобный пещере.

И когда, находясь в Абзу, ты запоешь гимны,

И когда ты принесешь божественные законы из Эриду,

И когда ты прославишь благородный сан владыки, подобно...

Когда возложишь на себя корону в Уруке, в Куллабе,

.. большого храма будет перенесено в гипар,

.. гипара будет перенесено в большой храм,

И народ будет взирать на это с восхищением.

И Уту будет смотреть на это радостно!

Жители Аратты

(Здесь опущены четыре строки)

Преклонят перед тобою колени, как овцы с гор.

О святая „грудь" храма, чье появление подобно восходу солнца,

Ты, Энмеркар, ее возлюбленный кормилец,

... слава тебе, Энмеркар, сын Уту!»

Царь внял словам божественной Инанны,

Он избрал словомудрого посланца из числа...,

Он вложил вещие слова Инанны ему в.. (уста?):

«Поднимись на горы.,
Спустишь с гор.,
Перед.. Аншана
Пади ниц, как юный певец,
Устрашенный мощью великих гор,
Иди по дороге, попирая прах,
О посланец, обратись к правителю Аратты и скажи ему:
„Я обращаю в бегство жителей города, и они разлетятся подобно
птицам, покидающим свое дерево,
Я обращаю их в бегство, и они улетят, как улетает птица
в другое гнездо,
Я опустошу ее (Аратту), как место...,
Я разрушу без всякой пощады город,
И Аратта покроется пылью, как город, проклятый богом Энки.
Да, я разрушу город, и он обратится в ничто!
Инанна ополчилась против Аратты,
Она послала ей (Аратте) свое слово, но та отвергает ее слово.
Как насыпают холм праха, так я скрою ее (Аратту) под прахом.
Когда они добудут... золото из руды,
Когда добудут... серебро из пыли,
Изготовят серебряные...,
Укрепят вьюки на горных ослах,—
... дом юного Энлиля в Шумере,
Избранный владыкой Нудиммудом * в священном сердце своем,
Жители горной страны по божественным чистым законам да
построят мне!
Чтобы он расцвел для меня, как самшит,
Чтобы он засиял для меня, как Уту, выходящий из «гануна», **
И пусть украсят мне его порог!"»
(Здесь опущено двадцать семь строк).
Посланец выслушал слова своего царя.
Ночью он шел при свете звезд,
Днем он шел вместе с небесным Уту,
Вещие слова Инанны... были вложены ему в.. [уста?],
Он поднялся на.. горы,
Он спустился с.. гор,
Перед.. Аншана
Он пал ниц, как юный певец,
Устрашенный мощью великих гор,
Он пошел по дороге, попирая прах.

* Нудиммуд — одно из имен Энки.— *Прим. пер.*

** Г а н у н — огороженное место.— *Прим. пер.*

Он преодолел пять хребтов, шесть хребтов, семь хребтов.

Он поднял взор и приблизился к Аратте,
Радостно вступил он на площадь дворца Аратты,
Восславил могущество своего царя

И почтительно передал слова, заключенные в его сердце.

Посланец сказал правителю Аратты:

«Мой царь, твой отец, направил меня к тебе,
Владыка Урука, владыка Куллаба направил меня к тебе».
«Что сказал твой царь, какие сказал он слова?»

«Вот что сказал мой царь, вот его слова.

Мой царь, достойный короны со дня рождения,
Владыка Урука, великий дракон Шумера, который... подобен..,
Овен, чья царственная мощь достигает крепостей горной страны,
Пастырь, который....,

Рожденный от верной Коровы * в сердце горной страны,—

Энмеркар, сын Уту, послал меня к тебе.

Вот что сказал мой царь:

„Я обращаю в бегство жителей этого города, и они разлетятся
подобно птицам, покидающим свое (дерево,
Я обращаю их в бегство, и они улетят, как улетает птица в другое
гнездо,

Я опустошу ее (Аратту), как место...,

Я разрушу без всякой пощады город,

И Аратта покроется пылью, как город, проклятый богом Энки.

Да, я разрушу город, и он обратится в ничто!

Инанна ополчилась против Аратты.

Она послала ей (Аратте) свое слово, но та отвергает ее слово.

Как насыпают холм праха, так я скрою ее (Аратту) под прахом,

Когда они добудут... золото из руды.

Когда добудут... серебро из пыли,

Изготовят серебряные...,

Укрепят вьюки на горных ослах,—

... храм юного Энлиля в Шумере,

Избранный владыкой Энки в священном сердце своем,

Жители горной страны по божественным чистым законам да построят
мне!

Чтобы он расцвел для меня, как самшит,

Чтобы он засиял для меня, как Уту, выходящий из гануна,

И пусть украсят мне его порог!"»

(Здесь опущены две строки).

* Имеется в виду богиня в образе коровы.— *Прим. пер.*

«Прикажи, что я должен на это ответить
Достойному владыке с длинной бородой из лазурита,
Тому, кого могучая Корова.. страну божественных чистых законов,
Тому, чье семя оплодотворило пыль Аратты,
Тому, кто пил молоко в загоне верной Коровы,
Тому, кто удостоен чести царствовать в Куллабе, стране всех великих
божественных законов,
Энмеркару, сыну Уту.

Я передам твои слова, как добрые слова, в храме Эанна,
В гипаре, отягощенном плодами, как зеленеющее.. растение,
Я передам их моему царю, владыке Куллаба».

Когда посланец сказал так, правитель ответил:

«О посланец, обратись к царю своему, владыке Куллаба,
и скажи ему:

„Я, правитель, достойный чистой руки той,
Кто есть царственная.. небес, царица небес и земли.
Владычица всех божественных законов, небесная Инанна,
Привела меня в Аратту, страну чистых божественных законов,
Заставила меня закрыть лицо горной страны, как огромные ворота.
Как же может Аратта подчиниться Уруку?
Нет, Аратта не покорится Уруку". Ступай и так ему скажи!»

Когда он (правитель Аратты) так сказал,

Посланец ответил правителю Аратты:

«Великая царица небес, которая владеет внушающими трепет
божественными законами,

Обитающая в горной стране, в стране Шуба,
Украшающая террасы горной страны, страны Шуба,—
Мой повелитель, мой царь и ее слуга
Сделал ее „царицей Эанны",
А потому правитель Аратты покорится!
Так она обещала ему в кирпичном дворце Куллаба!».

Правитель был удручен и огорчен глубоко,

Он не знал, что ответить, он долго искал ответ,

Он взглянул себе под ноги омраченным взглядом и нашел ответ...

Древние правители Шумера, независимо от своих военных побед, все же не были единовластными тиранами или абсолютными монархами. Во всех наиболее важных государственных делах, в частности в вопросах о войне и мире, они совещались с наиболее влиятельными горожанами на

своего рода торжественных собраниях. Один из таких «парламентов» был созван на заре истории Шумера, около 5000 лет назад, о чем рассказывает другая героическая поэма, созданная гораздо позднее. Об этом первом в истории «парламенте» и пойдет речь в следующей главе.

5. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Первый двухпалатный «парламент»

Общественное и духовное развитие человечества зачастую идет медленно и таким извилистым путем, что его нелегко проследить. Могучие деревья вырастают порой за тысячи километров от того места, где зрели семена, из которых они поднялись — иногда через тысячи лет после того, как эти семена созрели. Возьмем, к примеру, демократию как форму общественной жизни с ее основным учреждением — политическим собранием, или ассамблеей. Казалось бы, монополия на демократию целиком принадлежит западной цивилизации, да и учреждения ее возникли лишь за последние столетия. Кто бы мог подумать, что такие политические ассамблеи собирались тысячи и тысячи лет назад, да еще в такой стране, которая никак не связывается в нашем сознании с представлением о демократии! Однако терпеливый археолог уходит все дальше в глубь веков, охватывает все более широкие области и зачастую сталкивается с самыми удивительными открытиями. И вот в результате неутомимой работы «рыцарей кирки и лопаты» мы сегодня читаем о политическом собрании, имевшем место около пяти тысяч лет назад в самом неожиданном месте — на Ближнем Востоке!

Итак, около 2800 г. до н. э. торжественно открылась сессия первого известного истории политического собрания. Подобно современным парламентам, оно состояло из двух «палат»: верхней палаты, «сената», или собрания старейшин, и нижней палаты, в работе которой могли принимать участие все граждане мужского пола, способные носить оружие. Это был «парламент военного созыва», собранный для решения основного вопроса: быть войне или миру. Ему предстояло выбрать либо «мир любой ценой», либо войну за независимость. «Сенат», состоявший из консерва-

тивных старейшин, высказался за мир на любых условиях, однако царь наложил на их решение свое «вето» и затем представил вопрос на рассмотрение «нижней палаты». Эта палата высказалась за войну во имя свободы, и царь утвердил ее решение.

Где же был созван первый известный истории «парламент»? Отнюдь не на Западе и не в Европе, как можно было бы предположить; политические собрания «демократической» Греции и республиканского Рима возникли много позднее. Как ни странно, наш древнейший парламент собрался в той части Азии, которая ныне называется Ближним Востоком — на прародине всяческих тиранов и деспотов, где о подобных политических собраниях, казалось бы, вообще не могло быть и речи. Он был созван в III тысячелетии до н. э. в стране, именовавшейся в древности Шумером и расположенной к северу от Персидского залива между реками Тигр и Евфрат. В те дни страна Шумер, чье местоположение приблизительно соответствует южной части современного Ирака, была населена народом, обладавшим, пожалуй, для своего времени наиболее высоко развитой культурой.

Четыре-пять тысячелетий назад Шумер славился своими многолюдными городами, в центре которых возвышались великолепные общественные здания. Города вели широкую сухопутную и морскую торговлю со всеми соседними странами. Талантливейшие художники и мыслители Шумера создали систему религиозно-философских представлений, которая свято чтилась не только на их родине, но и во многих странах Ближнего Востока. Одаренные поэты Шумера воспевали своих богов, героев и царей. И, наконец, в Шумере постепенно развилась письменность (писали тростниковыми палочками по сырой глине), впервые в истории позволившая человеку подробно и надежно запечатлеть свои дела и мысли, свои мечты, надежды, суждения и верования. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Шумер далеко продвинулся вперед и в области политических учреждений. Именно здесь был сделан первый шаг к созданию демократического правительства: ограничение власти царя и признание прав народного собрания.

Политическую ситуацию, потребовавшую созыва первого в истории «парламента», можно охарактеризовать следующим образом.

Подобно Греции гораздо более поздних времен, Шумер в III тысячелетии до н. э. представлял собой объединение нескольких городов-государств, соперничавших между собой за власть над всей территорией страны. Одним из наиболее значительных городов был Киш, который, согласно шумерской легенде, получил «верховную власть» от богов сразу же после «потопа». Впоследствии возвысился другой город-государство, Урук, расположенный много южнее Киша. Урук начал всерьез предъявлять претензии на главенство в Шумере. Царь Киша, осознав опасность, пригрозил Уруку войной, если тот не признает его верховным властителем. В этот решающий момент и были созданы две палаты урукского «парламента» — совет старейшин и совет мужчин города, способных носить оружие. Они должны были решить, что делать дальше — подчиниться Кишу и сохранить мир или же взяться за оружие и сражаться за свою независимость.

История борьбы между Уруком и Кишем изложена в форме эпической шумерской поэмы. Главными действующими лицами ее являются Агга, последний правитель I династии Киша, и Гильгамеш, царь Урука, «властитель Куллаба».

Поэма начинается с прибытия в Урук посланцев Агги. Они вручают царю Гильгамешу ультиматум. Прежде чем дать им ответ, Гильгамеш обращается к «собранию старейшин города», заклиная их не покоряться Кишу, а вооружиться и сражаться до победного конца. Однако «сенаторы» не разделяют его чувств: они предпочитают уступить и сохранить мир. Подобное решение не по душе Гильгамешу. Он повторяет свою речь перед «собранием мужчин города». Члены этого второго собрания решают сражаться: никаких уступок Кишу! Гильгамеш доволен. В благоприятном исходе борьбы он, по-видимому, нисколько не сомневается.

Впрочем, борьба продолжалась недолго: «прошло не пять дней, прошло не десять дней», — говорит шумерский поэт. Агга осадил Урук и нагнал ужас на его обитателей. Конец поэмы не совсем ясен, однако можно предположить, что Гильгамеш каким-то образом завоевал расположение Агги и заставил его снять осаду, не доводя дело до сражения.

Вот отрывок из этой поэмы, где речь идет о «парламенте» Урука. Мы приводим текст шумерского поэта

дословно, опуская лишь строки, которые не удалось расшифровать.

Посланники Агги, сына Энмебараггеси,
Покинули Киш дабы явиться к Гильгамешу в Урук.
Властитель Гильгамеш перед старейшинами своего города
Изложил дело и ждет такого ответа:
«Не покоримся дому Киша! Ударим на него с оружием!»

Созванное собрание старейшин города
Ответило Гильгамешу:
«Покоримся дому Киша, не ударим на него с оружием!»

Гильгамеш, властитель Куллаба,
Совершивший много геройских подвигов в честь богини Инанны,
Не мог принять сердцем слова старейшин своего города.

Во второй раз Гильгамеш, властитель Куллаба,
Перед воинами своего города изложил дело и ждет такого ответа:
«Не покоримся дому Киша! Ударим на него с оружием!»

Созванное собрание воинов города
Ответило Гильгамешу:
«Не покоримся дому Киша! Ударим на него с оружием!»

И Гильгамеш, властитель Куллаба,
Услышав ответ воинов своего города, возрадовался сердцем
и просветлел душой.

Как видите, шумерский поэт предельно лаконичен. Он только упоминает о «парламенте» Урука, состоявшем из двух палат, не приводя ни одной детали. А нам бы, конечно, хотелось знать, из скольких представителей состояла каждая палата, каким образом она избиралась, и прочие подробности. Имел ли каждый представитель право выступать? Как достигалось согласие между двумя палатами? Каким образом члены обеих палат выражали свое мнение, и было ли у шумеров что-либо аналогичное нашим методам голосования? Имелся ли у них «председатель», который следил за ходом дебатов и выступал от имени собрания перед царем? Благородное и сдержанное повествование поэта не касается этих подробностей, но можно предположить, что и среди наших древних парламентариев кипели закулисные страсти и пускались в ход всяческие ин-

триги. В городе-государстве Урук явно существовали две враждующие партии: партия войны и партия мира. И нетрудно представить, что и в те времена проводилось немало закулисных совещаний, похожих на наши совещания в прокуренных кулуарах, прежде чем лидеры каждой «палаты» объявляли окончательные и якобы единодушные решения «депутатов».

Вряд ли мы когда-либо найдем документальные подтверждения всех этих древних политических споров и компромиссов. Шансы на то, что нам в руки попадут подробные «исторические» хроники времен Агги и Гильгамеша, практически равны нулю, ибо письменность в ту эпоху была еще недостаточно развита. Что же касается нашей эпической поэмы, то она была зафиксирована на глиняных табличках через много веков после описываемых в ней событий — может быть, даже через тысячу лет после созыва достопамятной сессии «парламента» в древнем Уруке.

К настоящему времени обнаружены одиннадцать табличек и фрагментов с записями этой историко-политической поэмы. Четыре таблички были скопированы и изданы за последние сорок лет. Однако их значение для истории развития политической мысли и политических учреждений было установлено лишь в 1943 г., когда вышла работа Т. Якобсена (Восточный институт Чикагского университета) «Древняя демократия». Затем мне посчастливилось отыскать в Стамбуле и Филадельфии и скопировать остальные семь отрывков. Таким образом, в настоящее время эта поэма в 115 строк известна нам полностью. Научное издание всего текста вместе с исправленным переводом опубликовано в *American Journal of Archaeology* в 1949 г.

Два политических события, описанных в этой и предыдущей главах, относятся примерно к 2800 г. до н. э. Нам они известны не по историческим свидетельствам очевидцев, а из эпических поэм, записанных много позднее и к тому же содержащих лишь какую-то долю истины. Записи, непосредственно относящиеся к социальным и политическим событиям, появились только через шесть столетий. Эти записи уже можно рассматривать как первые опыты историографии.

Описание и анализ одного из таких документов приводится в следующей главе; при этом мы постарались

разъяснить интеллектуальную и психологическую ограниченность наших первых «историков». Этот документ связан с трагической междоусобицей между двумя шумерскими городами-государствами, которая завершилась временным и шатким перемием. Единственными победителями в этой войне оказались опустошение и смерть.

6. ГРАЖДАНСКАЯ ВОИНА В ШУМЕРЕ

Первый историк

Надо сразу сказать: в Шумере не было историографов в общепринятом смысле этого слова. Ни один из шумерских авторов не представлял себе историю так, как мы ее понимаем сегодня, то есть как определенную последовательность событий, которые определяются общими закономерностями. Связанные узкими рамками своего мировоззрения, шумеры рассматривали исторические явления как нечто вполне законченное и готовое, а не как следствие развивающихся взаимоотношений человека с окружающей средой.

Шумерские мыслители, например, полагали, что их страна с ее процветающими городами и селениями, обладающая развитой системой политических, религиозных и экономических учреждений, извечно была примерно такой, какой они ее знали. Извечно — это значит с того момента, когда боги, создав вселенную, вознамерились создать Шумер. Вряд ли кому-либо из шумерских мудрецов, даже самым прозорливым, приходило в голову, что некогда их страна была заболоченной пустынной равниной с редкими бедными поселениями и что Шумер стал таким, каким они его знали, лишь постепенно, в результате усилий многих поколений, в результате неустанного, целенаправленного труда его обитателей, которые с удивительным упорством и мужеством добивались все новых достижений.

Распространенный ныне метод классификации и обобщения явлений, которого придерживаются большинство современных историков, был, по-видимому, совершенно незнаком шумерским педагогам и мыслителям. Во всяком случае, в их трудах он не получил ясного и сознательного выражения.

Это относится не только к истории. Так, например, нам известно множество табличек с бесконечными перечнями грамматических форм, что говорит об использовании принципа грамматической классификации, но мы не знаем ни одной таблички с четкими грамматическими правилами или определениями. То же самое и в области математики. Найдена масса табличек с примерами, задачами и решениями, но ни одной — с обобщающими правилами, аксиомами или теоремами.

В области «естественных наук» шумерские преподаватели также ограничивались длинными списками названий деревьев и других растений, животных и минералов. До сих пор неясно, каким принципом они руководствовались, устанавливая порядок перечисляемых предметов, однако совершенно очевидно, что они не только не знали законов ботаники, зоологии, минералогии, но и не имели хотя бы приблизительного представления о них. Наконец, у шумеров было немало сводов законов, которые состояли из сотен отдельных законов, но мы нигде не встречаем упоминания об общих принципах права.

Что касается истории, то здесь дело обстояло следующим образом. Писцы храмовых и дворцовых архивов заносили на свои таблички те или иные сведения о событиях политического, военного или религиозного характера, которые казались им заслуживающими внимания. Однако, эти записи не привели к созданию связного, последовательного и обоснованного изложения истории страны. Впрочем, человечество лишь сравнительно недавно поняло, что исторический процесс подвержен постоянным изменениям. Шумерские же мыслители, по-видимому, не владели даже зачаточной методологией логического обобщения, а потому вряд ли могли создать исторические труды в современном значении этого понятия. Но если отсутствие в Шумере историографии в современном значении этого слова никого не удивляет, то весьма странным представляется следующее: шумерам явно был неизвестен даже самый жанр исторической литературы в том виде, в каком он был распространен у древних евреев и греков. Ни один из шумерских писцов и авторов, насколько нам известно, даже не пытался создать что-либо похожее на описание политической или общей истории Шумера (или какого-нибудь из его городов-государств), не говоря уже об истории остальной известной им части мира.

Однако шумерские авторы создали целый ряд литературных жанров, в которых достигли немалых успехов: мифы и эпические сказания, гимны богам и плачи, пословицы и поучения.

Разумеется, во многих из них, особенно в эпических сказаниях и плачах, они в какой-то степени опирались на исторические факты. Но собственно исторического жанра в Шумере не существовало. Видимо, шумерским авторам и педагогам никогда не приходило в голову создать последовательную историю своей страны в научных или хотя бы пропагандистских (как мы бы сейчас сказали) целях. Поэтому единственные шумерские документы, которые можно с натяжкой назвать историческими,— это посвятельные надписи на статуях, стелах, сосудах, глиняных конусах, цилиндрах и табличках. Однако и здесь те или иные события фиксировались лишь для того, чтобы заслужить милость богов. К тому же эти записи, как правило, предельно лаконичны и относятся лишь к недавним, отдельно взятым событиям. Тем не менее среди них есть и такие, авторы которых ссылаются на предшествующие факты и обстоятельства, а это уже начатки исторического повествования. Для того времени (около 2400 г. до н. э.) это факт, не имеющий аналогии в мировой литературе.

Насколько мы можем судить по материалам, которыми мы располагаем, самые первые «историки» жили в Лагаше, на юге Шумера. Начиная примерно с 2500 г. до н. э. этот город-государство стал играть главенствующую роль в политическом и военном отношении. Здесь царствовала энергичная династия, основанная Ур-Нанше. Среди ее представителей следует отметить победоносного внука Ур-Нанше, Эаннатума, которому на короткий срок удалось стать правителем почти всего Шумера, его брата Энаннатума и сына последнего, Энтемену. Звезда Лагаша окончательно закатилась лишь в царствование Урукагины, восьмого правителя династии Ур-Нанше. Урукагину победил Лугальзаггиси из Уммы, который был в свою очередь разгромлен великим Саргоном Аккадским.

Безвестные «историки» донесли до нас политическую историю Лагаша от времен Ур-Нанше до царствования Урукагины. Она представлена рядом различных документов той эпохи. Люди, составившие их, были, видимо, писцами дворцового или храмового архива и получали сведения об описываемых событиях из первых рук.

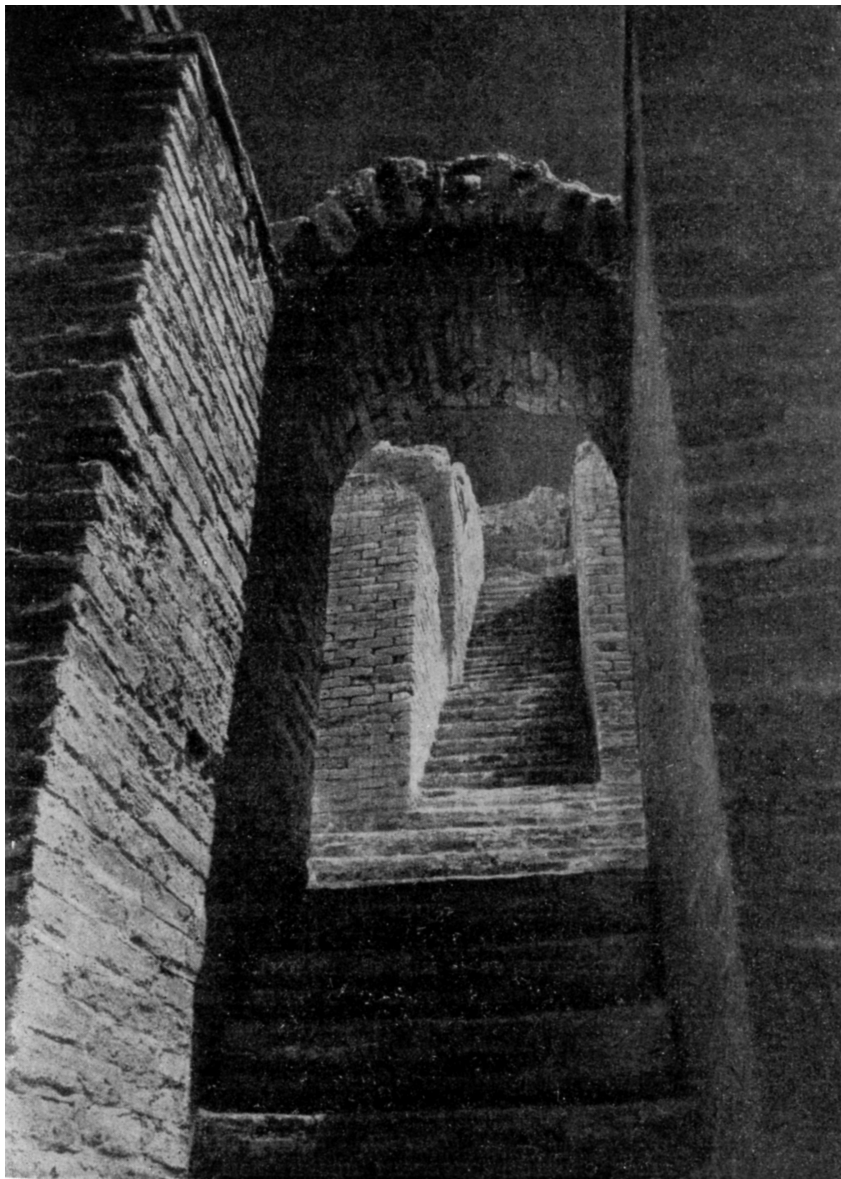

Рис. 1. Лестница зиккурата в Чога-Замбиле (Западный Иран)

Один из таких документов выгодно отличается от прочих ясностью изложения и богатством деталей. Он был составлен архивным писцом Энтемены, пятого правителя Лагаша из династии Ур-Нанше. Первоначальным назначением этого документа было отметить восстановление пограничного рва между Лагашем и Уммой, разрушенного в период борьбы этих двух городов-государств. Однако наш писец, желая осветить события в исторической перспективе, счел нужным раскрыть их политическую подоплеку. Он рассказывает — разумеется, не вдаваясь в подробности, — о наиболее значительных эпизодах борьбы за главенство между Лагашем и Уммой начиная с самого отдаленного периода, о котором он располагал письменными сведениями, то есть со времен Месилима, правившего Шумером около 2600 г. до н. э.

Следует отметить, что наш писец не придерживается объективной, основанной на фактах манеры изложения, подобающей историку. Он подгоняет исторические события под традиционную схему своего теократического мировоззрения. Отсюда весьма оригинальный стиль этого исторического документа, в котором подвиги людей так тесно переплетены с деяниями богов, что порой трудно отделить одно от другого. Вот почему подлинные исторические события нелегко выделить из текста документа — для этого приходится «продельвать большую работу, привлекая дополнительные сведения, почерпнутые из других источников шумерологии.

Однако освобожденный от богословской оболочки и политеистической фразеологии, этот документ последовательно рассказывает о многих политических событиях, достоверность которых зачастую подтверждается другими имеющимися источниками. Вот о чем он рассказывает.

Во времена, когда всем Шумером — хотя бы формально — правил царь Киша Месилим, между двумя городами-государствами, Лавашем и Уммой, возникла пограничная распря. Оба города, по-видимому, признавали Месилима своим верховным правителем.

Чтобы урегулировать конфликт, Месилим обратился к оракулу Сатрана (бог, который ведал разрешением споров), и якобы в соответствии с его ответом определил границу между Лагашем и Уммой. Дабы споры больше не повторялись, на том месте была поставлена памятная стела с надписью.

Однако, хотя обе стороны и согласились с решением оракула, в общем-то, видимо, оно было выгоднее для Лагаша, чем для Уммы. Поэтому вскоре — время точно не обозначено, но можно считать, что речь идет о периоде, непосредственно предшествовавшем основанию лагашской династии Ур-Нанше, — ишакку (верховный жрец-правитель) Уммы по имени Уш нарушил соглашение. Он поверг стелу Месилима в знак того, что не считает себя связанным этим обязательством, перешел границу и захватил северную часть территории, принадлежавшей Лагашу и известной под названием Гуэдинна.

Эта земля оставалась под властью Уммы до царствования Эаннатума — «внука Ур-Нанше и умелого полководца, который настолько возвысился благодаря своим победам, что даже претендовал какое-то время на титул «царя Киша», то есть верховного правителя всего Шумера. По словам нашего летописца, Эаннатум напал на Умму, разгромил ее войско и заключил новое пограничное соглашение с тогдашним ишакку Уммы Энакалли. Он приказал вырыть параллельно новой границе канал, дабы земля Гуэдинна была плодородной, вновь поставил памятную стелу Месилима, а также ряд новых стел от своего имени и соорудил множество зданий и алтарей, посвященных главным шумерским богам. Чтобы предупредить возникновение новых конфликтов, Эаннатум оставил вдоль пограничного канала со стороны Уммы полосу невозделанной территории — своего рода «ничейную землю».

Наконец, Эаннатум разрешил жителям Уммы обрабатывать земли Гуэдинны и даже земли, расположенные южнее, очевидно, желая в какой-то степени примириться со своими соседями, чтобы развязать себе руки для завоеваний в другом направлении. Но при этом он поставил условие: жители Уммы должны были часть урожая отдавать правителю Лагаша за пользование землей. Это обеспечивало ему и его преемникам довольно значительный доход.

До сих пор писец архива Энтемены вел речь о предшествовавших распрях между Лагашем и Уммой. Далее он начинает повествовать о новой борьбе между этими городами-государствами, очевидцем которой он, вероятно, был. Он описывает сражение между Ур-Луммой — сыном незадачливого Энакалли, которому пришлось принять «позорные» условия Эаннатума, — и Энтемой, сыном Эаннатума, племянником Эаннатума.

Несмотря на решительную победу Эаннатума, жителям Уммы понадобилось всего одно поколение, чтобы вновь обрести веру в свои силы, а может быть и прежнюю мощь. Ур-Лумма расторг оскорбительный договор с Лагашем и отказался платить возложенную на Умму дань. Кроме того, он «осушил» пограничный канал, поверг и сжег стелы Месилима и Эаннатума с их обидными надписями, а также разрушил здания и алтари, построенные Эаннатумом вдоль границы в виде предупреждения жителям Уммы, чтобы они не вздумали посягать на земли Лагаша. После этого он решил перейти границу и вторгнуться в Гуэдинну. Чтобы обеспечить себе победу, Ур-Лумма обратился за военной помощью к одному из чужеземных правителей, чьи земли лежали на север от Шумера, и получил от него поддержку.

Обе армии встретились на территории Гуэдинны, под Гана-угиггой, немного южнее границы. Соединенными отрядами Уммы и ее союзника командовал сам Ур-Лумма. Войско Лагаша возглавлял Энтемена: должно быть, его отец Эаннатум в то время был уже стариком. Лагаш снова одержал победу. Ур-Лумма бежал, преследуемый по пятам Энтеменой. Множество его воинов попали в засаду и были перебиты.

Однако победа Энтемены оказалась недолговечной. Вскоре после разгрома (а возможно и гибели) Ур-Луммы у Лагаша появился новый враг. Врага этого звали Иль, и был он верховным жрецом города Забалам, расположенного немного севернее Уммы. Хитроумный Иль выжидал своего часа, пока Энтемена и Ур-Лумма боролись не на жизнь, а на смерть. Но едва сражение закончилось, как Иль напал на победителя Энтемену.

Вначале ему сопутствовал успех, и он даже проник глубоко на территорию Лагаша. Ему не удалось удержать земли, расположенные южнее лагашской границы, но он закрепился в Умме и объявил себя ишакку этого города-государства.

С этого момента Иль отвечал на притязания Лагаша примерно так же, как его дерзкий предшественник. Он лишил пограничные каналы притока воды, столь необходимой для орошения близлежащих полей, и согласился выплачивать лишь незначительную часть дани, возложенной на Умму старым договором с Эаннатумом. А когда Энтемена отправил к нему посланцев, требуя объяснения столь враждеб-

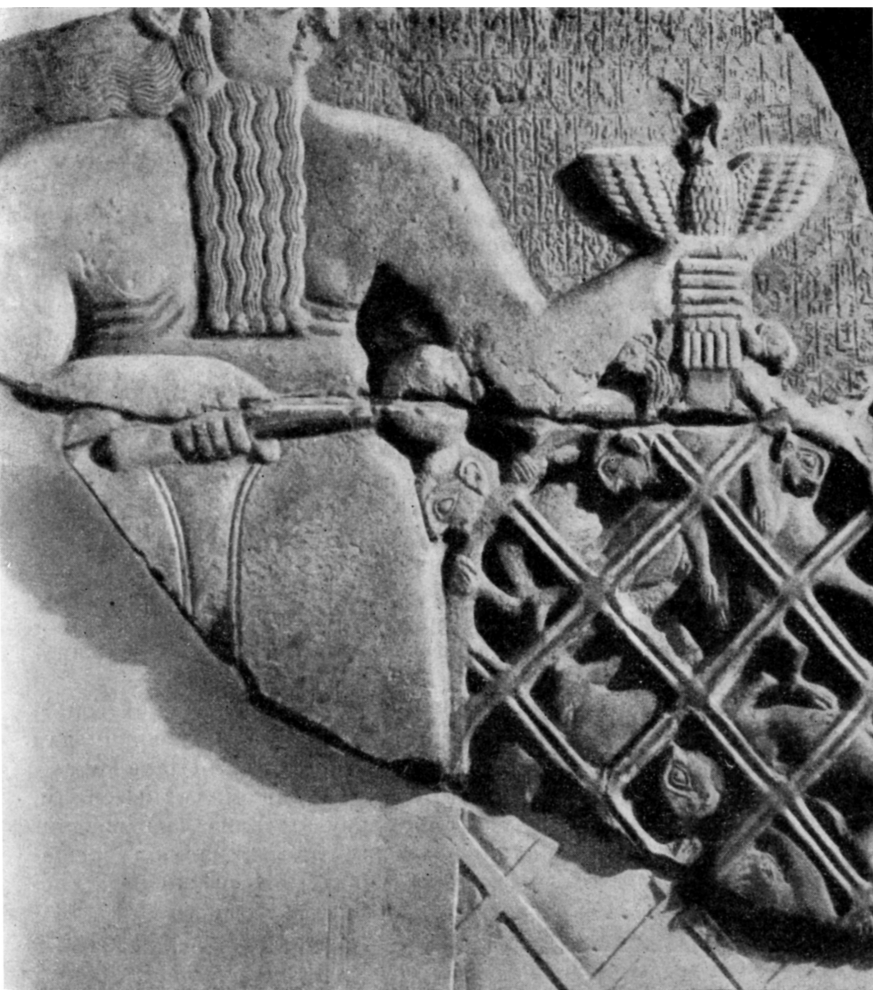

Рис. 2. «Большая сеть»

ных поступков, Иль высокомерно заявил, что вся земля Гуэдинна является его территорией и владением.

Тем не менее конфликт между Илем и Энтеменой был решен мирным путем. Вместо того чтобы затевать новую войну, оба правителя пошли на компромисс, видимо, под нажимом третьей стороны, скорее всего — северного «чужеземного правителя», претендовавшего на верховную власть над всем Шумером. В целом новое соглашение было в пользу Лагаша, так как старая линия Месилима — Эаннатума сделалась постоянной границей между Лагашем и Уммой. С другой стороны, в новом соглашении не было речи ни о какой компенсации за невыплаченную жителями Уммы дань. Кроме того, они были, по-видимому, избавлены и от необходимости снабжать Гуэдинну водой — отныне эта обязанность переходила к Лагашу.

Все эти исторические события, из которых складывались отдельные этапы борьбы за господство между Лагашем и Уммой, не так-то просто выделить из оригинального текста нашего документа. Многие из того, о чем шла речь в этой главе, приходится читать между строк. Ниже приводится буквальный перевод документа, который дает представление о том, как из подобных текстов извлекают подлинные исторические факты. Одновременно этот подстрочный перевод познакомит читателя с образчиком оригинального историографического стиля, который сложился у шумерских авторов.

«Энлиль (главное божество шумерского пантеона), царь всех земель, отец всех богов, определил границу для Нингирсу (бог — покровитель Лагаша) и для Шара (бог — хранитель Уммы) своим нерушимым словом, (и) Месилим, царь Киша, отмерил ее по слову Сатрана (и) воздвиг там стелу. (Однако) Уш, ишакку Уммы, нарушил решение (богов) и слово (договор между людьми), вырвал (пограничную) стелу и вступил на равнину Лагаша.

(Тогда) Нингирсу, лучший воин Энлиля, сразился с (людьми) Уммы, повинувшись его (Энлиля) верному слову. По слову Энлиля он набросил на них большую сеть и нагромоздил по равнине здесь и там их скелеты (?). (В результате) Эаннатум, ишакку Лагаша, дядя Энтемены, ишакку Лагаша, определил границу вместе с Энакалли, ишакку Уммы; провел (пограничный) ров от (канала) Иднун в Гуэдинну; надписал стелы вдоль рва; поставил стелу Месилима на ее (прежнее) место, (но) не вступил

на равнину Уммы. Он (затем) построил там Имдубба для Нингирсу в Намнунда-кигарре, (а также) святилище для Энлиля, святилище для Нинхурсаг (шумерской богини «матери»), святилище для Нингирсу (и) алтарь для Уту (бога солнца).

(Кроме того, по пограничному соглашению) люди Уммы могли есть ячмень (богини) Нанше (другого божества — покровителя Лагаша) (и) ячмень Нингирсу, не более одного «кару» (на каждого жителя Уммы) и только в качестве вознаграждения; (кроме того) он (Эннатум) обложил их данью (и таким образом) получил 144 000 «больших кару» (как доход).

Поскольку этот ячмень не был доставлен (и поскольку) Ур-Лумма, ишакку Уммы, лишил пограничный ров Нингирсу (и) пограничный ров Нанше воды, вырыл стелы (пограничного рва) (и) предал их огню, разрушил посвященные (?) святилища богов, воздвигнутые в Намнунда-кигарре, получил (помощь) из чужих стран и (наконец) пересек пограничный ров Нингирсу; Эннатум сразился с ним под Гана-угиггой, «(где находятся) поля и хозяйства Нингирсу, (и) Энтемена, возлюбленный сын Эннатума, разбил его. (Тогда) Ур-Лумма бежал, (а) он (Энтемена) истреблял (войска Уммы) до (самой) Уммы. (Кроме того), его (Ур-Луммы) отборный отряд из 60 воинов он истребил (?) на берегу канала Лумма-гирнунта. (А) тела его (Ур-Луммы) людей он (Энтемена) бросил на равнине (на съедение зверям и птицам) и (затем) нагромоздил их скелеты (?) в пяти (различных) местах.

(Однако) в это время Иль, верховный жрец Забалама, опустошил (?) (страну) от Гирсу до Уммы. Он назвал себя ишакку Уммы, лишил воды пограничный ров Нингирсу, пограничный ров Нанше, Имдуббу Нингирсу, часть (пахотной земли), входящей в земли Гирсу и простирающейся в сторону Тигра, (и) Намнунда-кигарру Нинхурсаг; (и) выплатил (только) 3600 «кару» ячменя, (причитавшегося) Лагашу. (И) когда Энтемена, ишакку Лагаша, неоднократно посылал (своих) людей к Илю из-за этих (пограничных) рвов, Иль, ишакку Уммы, грабитель полей и хозяйств, глашатай зла, говорил: „Пограничный ров Нингирсу (и) пограничный ров Нанше — мои". Он говорил (даже): „Я буду властвовать (над землями) от Антасурры до храма Димгаль-абзу". (Однако) Энлиль и Нинхурсаг не позволили ему этого.

Энтемена, ишакку Лагаша, чье имя изрек Нингирсу, провел этот (пограничный) ров от Тигра до (канала) Иднун по нерушимому слову Энлиля, по нерушимому слову Нингирсу (и) по нерушимому слову Нанше, (и) восстановил его для своего возлюбленного царя Нингирсу и своей возлюбленной царицы Нанше, соорудив из кирпича основание для Намнунда-кигарры. Пусть Шулутула, (личный) бог Энтемены, ишакку Лагаша, которому Энлиль дал скипетр, которому Энки (шумерский бог мудрости) дал мудрость, которого Нанше хранит в (своем) сердце, великий ишакку Нингирсу, получивший слово богов, будет заступником, (молясь) за жизнь Энтемены перед Нингирсу и Нанше до самых отдаленных времен!

Человек из Уммы, который (когда-либо) перейдет пограничный ров Нингирсу (и) пограничный ров Нанше, чтобы силой завладеть полями и хозяйствами — будь то (действительно) гражданин Уммы или чужеземец, — да поразит его Энлиль, да накинет на него Нингирсу большую сеть и опустит на него свою могучую длань (и) свою могучую стопу, да восстанут на него люди его города и да повергнут его ниц посередине его города!»

До нас дошли два почти совершенно идентичных экземпляра текста этого уникального исторического документа (на двух глиняных цилиндрах). Один из них был найден близ Лагаша в 1895 г. Его скопировал и перевел покойный Франсуа Тюрю-Данжен, который был ведущей фигурой в ассириологии на протяжении полувека. Второй цилиндр находится в вавилонской коллекции Иельского университета. Он был приобретен у какого-то антиквара. Этот текст опубликовали в 1920 г. Нис и Кайзер в своей работе *Historical, Religious and Economic Texts*. В 1926 г. появилось замечательное исследование выдающегося шумеролога Арно Пёбеля, который подробно проанализировал стиль и содержание этого документа. Именно на его работу я и опирался при разборе и переводе заинтересовавшего меня текста.

К счастью для нас, древние шумерские «историки» сообщали в своих посвященных надписях не только о сражениях и войнах, но также о наиболее значительных событиях общественного и экономического характера. Глава 7 посвящена одному из таких документов, бесценных для

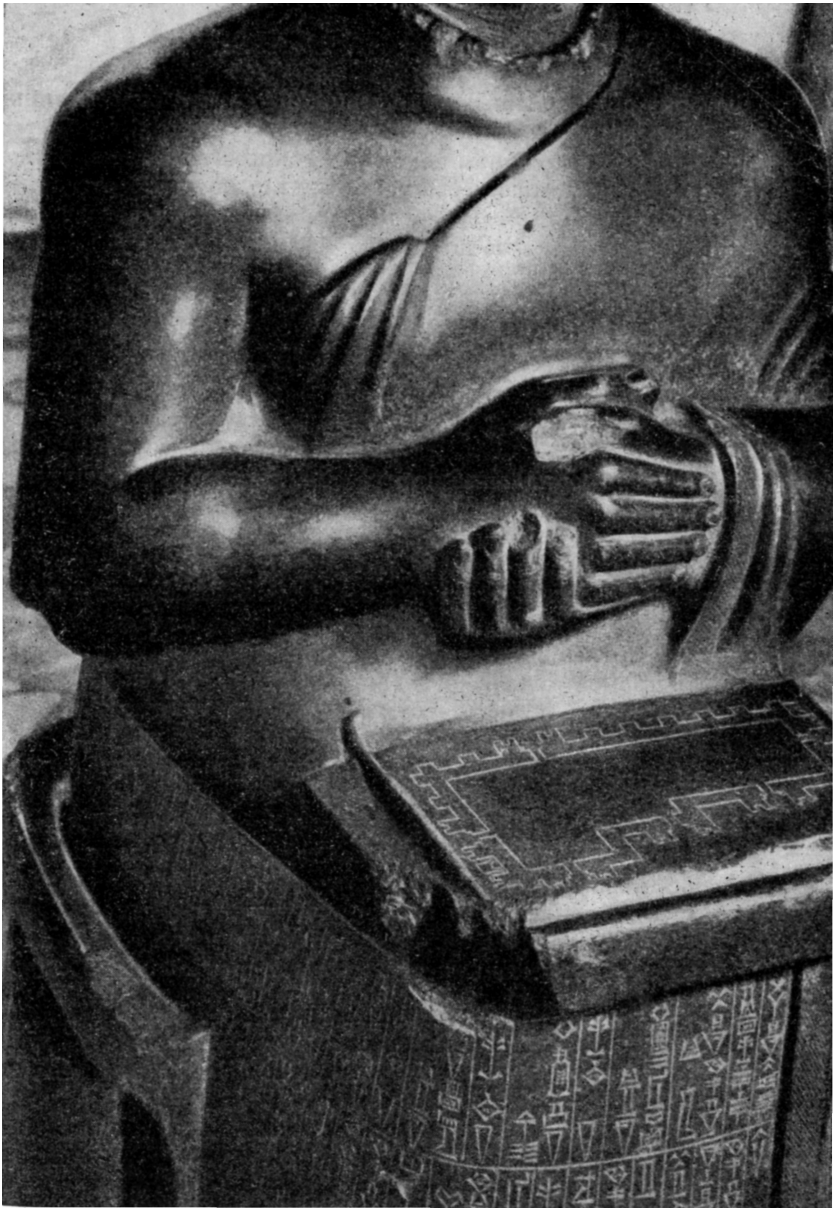

Рис. 3. «Строитель» Гудеа

истории общественных отношений. Это отчет современника о социальных реформах, в котором, в частности, говорится о весьма значительном снижении налогов в Лагаше, следовавшем примерно через тридцать лет после смерти Энтемены. В нем впервые в истории человечества встречается слово «свобода» (по-шумерски — «амарги»).

7. СОЦИАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ

Первый случай снижения налогов

Первые социальные реформы, о которых мы имеем письменное свидетельство, были осуществлены в шумерском городе-государстве Лагаше в XXIV в. до н. э. Эти реформы были направлены против злоупотреблений «прежних времен», виновниками которых были ненавистные вездесущие чиновники. Они произвольно повышали налоги, вводили бесчисленные новые подати и даже посягали на собственность храмов. В конечном счете жители Лагаша, будучи не в силах более терпеть этот гнет, свергли старую династию Ур-Нанше и избрали себе правителя из другого рода. Этот новый ишакку, Урукагина, восстановил законность и порядок и «признал свободу» граждан.

Об этом рассказывает документ, составленный и написанный одним из писцов архива Урукагины по случаю освящения нового канала. Чтобы понять и оценить по достоинству содержание этого памятника, не лишне ознакомиться хотя бы с наиболее важными общественными, экономическими и политическими явлениями, определявшими жизнь шумерского города-государства.

В начале III тысячелетия до н. э. на территории города-государства Лагаш существовало, помимо «столицы», несколько небольших процветающих городов, возникших вокруг того или иного храма. Номинально Лагаш, подобно прочим шумерским городам-государствам, находился под властью верховного правителя всего Шумера. Фактически же Лагашем правил ишакку, следуя повелениям бога — покровителя города, которому, согласно шумерским верованиям, Лагаш был отдан после его основания. Каким образом пришли к власти первые ишакку, до сих пор не вполне ясно. Возможно, что они были избраны свободными гражданами.

данами города, среди которых главенствующую роль играли храмовые начальники, так называемые санга. Так или иначе должность ишакку со временем стала наследственной. Наиболее честолюбивые и преуспевающие ишакку, разумеется, стремились усилить свою власть и увеличить свое состояние за счет храма, что приводило к борьбе между дворцом и храмом.

В основной своей массе жители Лагаша были земледельцами и скотоводами, лодочниками и рыбаками, торговцами и ремесленниками. Экономика этого города-государства носила смешанный характер: она была частично («общественной» и «планируемой», частично — «свободной»). Вся земля в принципе принадлежала богу города, вернее — храму этого бога, который распоряжался ею от имени всех граждан. Но в действительности, если служители храма и владели значительными земельными наделами, которые они сдавали в аренду издольщикам, большая часть земли все же принадлежала частным лицам. Даже бедные граждане владели участками земли, садами, домами и скотом. Однако из-за жаркого засушливого климата управление системой орошения и водоснабжения, от которой зависели жизнь и благосостояние всего города-государства, неизбежно должно было осуществляться на общественных началах.

Тем не менее в основном экономика была относительно свободной и ничем не регулируемой. Богатство или нищета, успех или разорение в какой-то мере зависели от предприимчивости и энергии каждого. Наиболее трудолюбивые ремесленники продавали свои изделия на свободном рынке города. Купцы-посредники вели активную торговлю по суше и по морю с соседними государствами. Вполне возможно, что среди них, помимо представителей храма, были частные лица. Граждане Лагаша оберегали свои права и встречали с недоверием любые действия властей, которые могли ущемить их экономические интересы или личную свободу, ибо эти исконные права составляли основу их жизни. Но согласно рассматриваемому нами древнему тексту, именно эта «свобода» и была ими утрачена в годы, предшествовавшие правлению Урукагины.

В нашем документе ничего не говорится о том, какие причины привели к такому разгулу произвола и беззакония. Однако мы можем предположить, что это стало возможно благодаря тем политическим и экономическим факторам, которые сложились во время правления деспотиче-

ской династии Ур-Нанше, пришедшей к власти около 2500 года до н. э. Некоторые ее представители, одержимые непомерным честолюбием, пускались ради прославления себя и своего государства в кровавые авантюры, развязывая войны. Временами им удавалось достичь значительных успехов. Один из них сумел даже распространить власть Лагаша на весь Шумер и на соседние земли. Но одержанные победы были недолговечны; менее чем за столетие владения Лагаша сократились до первоначальных границ и он занял свое прежнее положение рядового города-государства. К тому времени, когда к власти пришел Урукагина, Лагаш настолько ослабел, что стал легкой добычей для своего извечного соседа-соперника Уммы.

Во время этих жестоких войн с их пагубными последствиями граждане Лагаша и утратили свои политические и экономические свободы. Чтобы набирать и вооружать войско, правители города сочли необходимым урезать права своих подданных, увеличить до предела налоги и даже присвоить собственность храма. Пока страна находилась в состоянии войны, они почти не встречали противодействия. Но, однажды захватив в свои руки бразды правления, члены дворцовой клики не желали отказаться от них и в мирное время, ибо это давало им неисчислимые преимущества. В самом деле, древние чиновники ухитрялись изыскивать такие источники увеличения своих доходов, что им могли бы позавидовать даже их современные коллеги. Отчисления в казну, налоги, сборы, пошлины и обложения достигали в Лагаше невиданных размеров.

Но пусть историк, живший в Лагаше четыре с половиной тысячи лет назад, своими словами расскажет о событиях, очевидцем которых ему довелось стать.

Смотритель над лодочниками захватывал лодки. Смотритель над скотом захватывал крупный скот и захватывал мелкий скот. Смотритель над рыбными угодьями захватывал рыбу. Когда житель Лагаша приводил во дворец овцу для стрижки, он должен был платить пять шекелей * (если овца была белой). Когда муж разводился с женой, ишакку получал пять шекелей, а его визирь — один шекель. Когда торговец благовониями составлял благовония для умащений, ишакку получал пять шекелей, его визирь — один,

* Ш е к е л ь — мера веса и, следовательно, денежная единица. Здесь речь идет, по-видимому, о серебряном шекеле (примерно 8 г серебра).— *Прим. пер.*

а управляющий дворцом — еще один. Что же до храма и его имущества, ишакку завладел всем. Наш рассказчик говорит: «Быки бога пахали луковые наделы ишакку; луковые и огуречные наделы ишакку занимали лучшие земли бога».

Самые уважаемые служители храма и прежде всего «санга» вынуждены были отдавать ишакку большое количество своих ослов, быков и зерна.

Даже смерть не избавляла горожан от налогов и поборов. Когда покойника приносили на кладбище для погребения, там уже ожидали многочисленные чиновники и их прихлебатели, чтобы выманить у родственников покойника как можно больше ячменя, хлеба, пива и всевозможных предметов домашнего обихода.

По всей стране, от края до края, с горечью замечает рассказчик, «всюду были сборщики налогов». Не удивительно, что при таком положении вещей дворцовая клика благоденствовала. Земли и владения правителей сливались в сплошные огромные поместья. В тексте документа сказано: «Дома ишакку и поля ишакку, дома дворцового гарема и поля дворцового гарема, дома дворцовой семьи и поля дворцовой семьи простирались из конца в конец».

В таком плачевном положении, рассказывает наш историк, находился Лагаш в момент прихода нового богобоязненного правителя по имени Урукагина, который вернул пострадавшим гражданам их права и свободу. Он отозвал смотрителей над лодочниками. Он отозвал смотрителей над крупным и мелким скотом. Он отозвал смотрителей над рыбными угодьями. Он отозвал сборщиков серебра, которые взимали плату за стрижку белых овец. Когда муж разводился с женой, ни ишакку, ни его визирь не получали ничего. Когда торговец благовониями составлял благовония для умащений, ни ишакку, ни его визирь, ни управляющий дворцом не получали ничего. Когда покойника приносили на кладбище, сборщики получали гораздо меньшую долю его имущества, иногда значительно меньше половины. Теперь владения храма стали неприкосновенными. И по всей стране, от края до края, уверяет рассказчик, «не осталось ни одного сборщика налогов». Урукагина «признал свободу» граждан Лагаша.

Однако Урукагина не ограничился отзывом вездесущих сборщиков налогов и чиновников-паразитов. Он положил конец несправедливостям и угнетению, которым подвергались бедняки со стороны богачей. Рассказчик поясняет:

«Дом простого человека был рядом с домом „большого человека“. „Большой человек" сказал ему: „Я хочу купить твой дом". Если простой человек, когда он („большой человек") захочет купить его дом, скажет: „Заплати мне ту цену, которую я считаю справедливой", и если он („большой человек") не купит дом, этот „большой человек" не должен „вымещать зло" на простом человеке».

Кроме того, Урукагина очистил город от ростовщиков, воров и убийц. Например, «если сын бедняка соорудит рыбный садок, никто не украдет теперь его рыбу». Ни один богатый чиновник не посмеет больше врываться в сад «матери бедняка», отрясать деревья и уносить плоды, как было прежде. Урукагина заключил особый договор с богом Лагаша Нингирсу, чтобы сироты и вдовы не страдали больше от произвола «сильных людей».

Мы не знаем, насколько эффективны были эти реформы, насколько они помогли Лагашу в его борьбе за власть с Уммой. К несчастью, эти меры уже не могли вернуть Лагашу былую мощь и не привели к победе. Урукагина и его реформы вскоре были забыты. Подобно большинству других реформаторов он, очевидно, пришел слишком поздно и успел сделать слишком мало. Правление Урукагины продолжалось менее десяти лет, а затем он и его город были побеждены честолюбивым правителем Уммы Лугальзаггиси, который, пусть на короткий срок, сумел подчинить себе весь Шумер и соседние государства.

Реформы Урукагины и их социальное значение произвели глубокое впечатление на наших древних «историков». Текст этого документа известен в четырех более или менее отличающихся друг от друга вариантах — на трех глиняных конусах и одной овальной пластине. Все они были найдены французскими археологами в Лагаше в 1878 г. Впервые их скопировал и перевел Франсуа Тюрю-Данжен, тот самый неутомимый ассириолог, который расшифровал документ, описанный нами в главе 6. Однако в нашем анализе реформ Урукагины мы опирались на еще не опубликованный новый перевод этого документа, сделанный одним из ведущих шумерологов нашего времени Арно Пёбелем.

Итак, очевидно, что в III тысячелетии до н. э. шумеры уже имели представление о правах, гарантированных законом. До сих пор неясно, существовали ли у них писанные

законы и своды законов во времена Урукагины. Нам пока неизвестен ни один свод законов той эпохи, хотя, впрочем, это ничего не доказывает. Долгое время древнейшим сводом законов считался текст, относящийся примерно к 1750 г. до н. э., и лишь недавно были обнаружены три более ранних документа. Древнейший из этих кодексов — свод законов шумерского правителя Ур-Намму, относящийся к концу III тысячелетия до н. э. Он был обнаружен при раскопках в 1889—1900 гг., но расшифрован и переведен лишь в 1952 г., да и то по счастливой случайности. Законам Ур-Намму и посвящена глава 8.

8. СВОДЫ ЗАКОНОВ

Первый «Моисей»

До 1947 г. древнейшим сводом законов считался кодекс законов Хаммурапи, прославленного вавилонского царя, вступившего на трон около 1750 г. до н. э. Начертанный клинописными знаками на семитическом (вавилонском) языке, этот документ содержит почти 300 законов, которым предшествует славословие царю и за которыми следует заключение, состоящее из проклятий тем, кто осмелится нарушить его законы. Диоритовая стела с высеченными на ней законами Хаммурапи сегодня торжественно и величаво «возвышается в одном из залов Лувра. Стела эта до сих пор остается самым значительным из дошедших до нас юридических документов древности благодаря подробной и хорошо сохранившейся надписи. Но это не самый древний документ. В 1947 г. был обнаружен свод законов, изданный царем Липит-Иштаром на 150 с лишним лет раньше Хаммурапи.

Законы Липит-Иштара начертаны не на каменной стеле, а на глиняной табличке, высушенной затем на солнце. Это все та же клинопись, но язык надписи не семитический, а шумерский. Табличка с законами Липит-Иштара была найдена в самом конце прошлого века, однако по различным причинам долгое время оставалась нерасшифрованной и неопубликованной. Наконец ее восстановил и перевел с моей помощью Фрэнсис Стил, в то время помощник хранителя Музея Пенсильванского университета. Она состоит

из введения, множества законов, из которых 37 сохранились полностью или частично, и заключения.

Однако Липит-Иштару недолго довелось пользоваться славой первого в мире законодателя. В 1948 г. Таха Бакир, хранитель Иракского музея в Багдаде, вел раскопки тогда еще малоизвестного холма Хармал, где ему посчастливилось откопать две таблички с законами, по-видимому, еще более древними. Как и законы Хаммурапи, эти таблички были на вавилонском языке. В том же году они были изучены и переписаны Альбрехтом Гётце, известным ассириологом из Иельского университета.

В кратком введении, предшествующем законам (заключение отсутствует), упоминается имя царя Билалама, который жил, должно быть, лет за семьдесят до Липит-Иштара. Таким образом, пальма первенства, вернее — древности, была присуждена Билаламу. Но сохранял он ее только до 1952 г.

В тот год мне выпала честь скопировать и перевести табличку, на которой начертана часть свода законов, изданного шумерским правителем Ур-Намму.

Ур-Намму был основателем хорошо известной в настоящее время III династии Ура и, согласно самым осторожным предположениям, царствовал около 2050 года до н. э., то есть по крайней мере на 300 лет раньше вавилонского законодателя Хаммурапи.

Табличка с законами Ур-Намму принадлежит к богатой коллекции Музея Древнего Востока в Стамбуле, где я работал в 1951—1952 гг. Я бы, наверное, не обратил на эту уникальную табличку никакого внимания, если бы не письмо специалиста по клинописи Ф. Р. Крауса, ныне профессора Лейденского университета в Голландии. С Краусом мы познакомились за несколько лет до этого, когда я только начинал свои изыскания в Стамбульском музее: он был тогда его хранителем. Узнав, что я снова в Стамбуле, Краус прислал мне письмо, где личные воспоминания переплетались с мыслями относительно нашего общего дела — шумерологии. В частности, он сообщил мне, что несколько лет назад, когда он был хранителем Стамбульского музея, он обнаружил там два обломка шумерской таблички с текстом законов. Он соединил оба фрагмента и занес их в каталог Ниппурской коллекции под номером 3191. Краус предполагал, что эта табличка меня заинтересует и что я захочу ее скопировать.

Рис. 4. Иди-Нарум, чиновник из Мари

Поскольку «законодательные» таблички встречаются чрезвычайно редко, я немедленно попросил принести «№ 3191». Это оказалась высушенная на солнце табличка светло-коричневого цвета размером 10 X 12 см. Больше половины знаков было стерто, а то, что сохранилось, сначала показалось мне совершенно непонятным. Но через несколько дней напряженной работы текст начал проясняться, обретать какую-то форму, и наконец я с волнением понял, что держу в своих руках копию самого древнегр в мире свода законов.

Писец разделил табличку на восемь колонок: четыре с лицевой стороны и четыре на обороте. В каждой колонке, было примерно по 45 маленьких разлинованных строк, из которых поддавалось прочтению меньше половины. На лицевой стороне находилось длинное введение, понять которое можно лишь частично из-за многочисленных пробелов в тексте. Вот его краткое содержание.

Когда мир был создан и судьба страны Шумер и города Ура определена, Ан и Энлиль, два главных шумерских божества, назначили царем Ура бога луны Нанну. Тот в свою очередь избрал своим земным наместником Ур-Намму и сделал его правителем Шумера и Ура. Первые шаги нового правителя были направлены на обеспечение военной и политической безопасности. Он счел нужным начать войну против соседнего города-государства Лагаша, который стал возвышаться за счет Ура. Он победил правителя Лагаша Намхани и предал его смерти, а затем, опираясь на «могущество Нанны, царя города», восстановил старые границы Ура.

Теперь наступило время заняться внутренними делами и провести социальные и этические реформы. Ур-Намму отстранил обманщиков и взяточников, или, как их называет древний писец, «вымогателей», захватывавших быков, овец и ослов граждан. Он учредил справедливую и неизменную систему мер и весов. Он позаботился о том, чтобы «сирота не становился жертвой богача», «вдова — жертвой сильного», «человек одного шекеля — жертвой человека мины» *.

Хотя соответствующая часть текста на табличке отсутствует, в ней, очевидно, говорилось о том, что следующие ниже законы установлены во имя справедливости и ради блага всех граждан.

* М и н а — шестьдесят шекелей.— Прим. пер.

Изложение собственно законов начинается, по-видимому, на оборотной стороне таблички. Здесь текст поврежден так сильно, что только запись пяти законов можно восстановить с большей или меньшей степенью достоверности.. В первом устанавливается «испытание водой» для подсудимых; во втором речь идет о возвращении раба хозяину. Три остальных закона, несмотря на всю их запутанность и фрагментарность, необычайно важны для истории развития общественных отношений и этических норм. Они доказывают, что более чем за 2000 лет до н. э. закон «око за око, зуб за зуб», который является «одним из основных библейских законов и, значит, продолжал существовать в гораздо более позднее время, уступил место в Шумере более гуманному праву, заменившему телесные наказания денежными штрафами. Ввиду их особого исторического значения эти три закона заслуживают дословного воспроизведения на том языке, на котором они были сформулированы. Вот их шумерский текст в латинской транскрипции, параллельно с дословным переводом:

tukum-bi	Если
(lu-lu-ra	(человек человеку
gish-...-ta)	орудием...)
...-a-ni	его...
gir in-kud	отрезал ногу,
10-gin-ku-babbar	10 шекелей серебром
i-la-e	он должен заплатить.

tukum-bi	Если
lu-lu-ra	человек человеку
gish-tukul-ta	оружием
gir-pad-du	кости
al-mu-ia-ni	
in-zi-ir	перебил,
1-ma-na-ku-babbar	1 мину серебром
i-la-c	он должен заплатить.

tukum-bi	Если
lu-lu-ia	человек человеку
geshpu-ta	орудием «гешпу»
ka-...in-kud	отрезал нос (?)
$\frac{2}{3}$ -ma-na-ku-babbar	$\frac{2}{3}$ мины серебром
i-la-c	он должен заплатить.

Сколько времени будет Ур-Намму сохранять свой титул первого в мире законодателя? Вряд ли это продлится долго. Есть сведения, что в Шумере существовали другие законодатели, гораздо более древние, чем Ур-Намму. Рано или поздно какой-нибудь удачливый археолог натолкнется на текст законов, которые окажутся древнее законов Ур-Намму на сто, а может быть и более, лет.

Закон и правосудие были основополагающими понятиями для древних шумеров как в теории, так и на практике: на них зиждилась вся общественная и экономическая жизнь Шумера. В XIX в. археологи обнаружили тысячи глиняных табличек со всевозможными юридическими текстами: договоры, соглашения, завещания, векселя, расписки, судебные постановления.. В древнем Шумере ученики старших групп посвящали немало времени изучению законов и усердно осваивали трудные и специфические юридические формулы, а также переписывали своды законов и судебных решений, которые стали юридическими прецедентами. Полный текст одного такого решения был опубликован в 1950 г. Об этом документе, который можно назвать «делом жены, хранившей молчание», и пойдет речь в главе 9.

9. ПРАВОСУДИЕ

Первый юридический прецедент

Около 1850 г. до н. э. в стране Шумер было совершено убийство. Три человека: цирюльник, садовник и еще один мужчина, профессия которого не указывается,— убили храмового чиновника по имени Лу-Инанна. По неизвестным причинам преступники затем уведомили Нин-даду, жену чиновника, о том, что ее муж убит. Как это ни странно, она предпочла об этом умолчать и ничего не сообщила властям.

Однако у правосудия были длинные руки и в те отдаленные времена, во всяком случае в таком высокоцивилизованном государстве, как Шумер. О преступлении стало известно царю Ур-Нинурте, резиденцией которого был город Исин. Он приказал разобраться в этом деле собранию

граждан Ниппура, которое выполняло функции верховного суда.

На заседании выступили девять человек, требуя казни обвиняемых. При этом они утверждали, что следует казнить не только трех убийц, но и жену убитого. Видимо, они считали, что, поскольку она предпочла хранить молчание, узнав об убийстве, ее поведение надо рассматривать как соучастие в уже совершённом преступлении.

Однако два члена собрания встали на защиту обвиняемой. Они доказали, что та не принимала участия в убийстве и, следовательно, не заслуживает наказания.

Члены собрания согласились с доводами защиты. Они объявили, что у жены убитого были основания хранить молчание, ибо ее супруг, насколько можно понять, не исполнял по отношению к ней своего долга — не обеспечивал ее всем необходимым. Решение суда заканчивается словами: «Достаточно покарать тех, кто действительно убил». Таким образом, были осуждены только трое мужчин.

Отчет об этом уголовном процессе записан на глиняной табличке на шумерском языке. Обнаружили его во время совместных раскопок, организованных Восточным институтом Чикагского университета и Музеем Пенсильванского университета. Т. Якобсен и автор этой книги изучили текст и перевели его. Значение отдельных слов и выражений не вполне ясно, однако общий смысл текста понять можно. Один угол таблички отбит, но нам удалось восстановить недостающие строки благодаря маленькому фрагменту другой копии этого же текста, найденному в Ниппуре первой экспедицией Музея Пенсильванского университета. Тот факт, что в нашем распоряжении оказались две копии одного и того же судебного отчета, доказывает, что это решение собрания граждан Ниппура по делу о «молчаливой жене» было хорошо известно шумерским юристам и имело силу юридического прецедента, какую сегодня имеют, скажем, решения Верховного суда США.

Вот этот документ:

«Нанна-сиг, сын Лу-сина; Ку-Энлиль, сын Ку-Нанны, цирюльник, и Энлиль-эннам, раб Адда-каллы, садовник, убили служителя нишакку Лу-Инанну, сына Лугаль-апинду.

После того как Лу-Инанна, сын Лугаль-апинду, был убит, они сказали Нин-даде, дочери Лу-Нинурты, жене Лу-Инанны, что ее муж Лу-Инанна убит.

Нин-дада, дочь Лу-Нинурты, не отверзла уст, губы (ее) остались сомкнутыми.

Об этом деле (тогда) доложили царю (города) Исина, (и) царь Ур-Нинурта повелел, чтобы это дело рассмотрело собрание Ниппура.

(Там) Ур-Гула, сын Лугаль...; Дуду, птицелов; Али-эллати, клиент; Бузу, сын Лу-сина; Элутти, сын... -Эа; Шеш-калла, носильщик (?); Лугаль-кан, садовник; Лугаль-азида, сын Син-андуля, (и) Шеш-калла, сын Шара-..., обратились (к собранию) и сказали:

„Те, которые убили человека, недостойны жить. Эти трое мужчин и эта женщина должны быть преданы смерти в храме перед сидением служителя нишаку Лу-Инанны, сына Лугаль-апинду“.

(Тогда) Шу...-лилум,... служитель Нинурты, (и) Убар-син, садовник, обратились (к собранию) и сказали:

„Пусть муж Нин-дады, дочери Лу-Нинурты, был убит, (но) что сделала (?) женщина, чтобы ее убивать?“

(Тогда) (члены) собрания Ниппура обратились (к ним) и сказали:

„Женщина, которую муж не обеспечивает (?) — пусть даже она знала врагов своего мужа и (когда) ее муж был убит, узнала, что ее муж убит,— почему бы ей не хранить (об этом) молчание (?) Разве это она (?) убила своего мужа? Достаточно покарать тех (?), кто действительно убил“.

Согласно решению (?) собрания Ниппура, Нанна-сиг, сын Лу-сина, Ку-Энлиль, сын Ку-Нанны, цирюльник, и Эн-лиль-эннам, раб Адда-каллы, садовник, были отданы (палачу) для казни.

(Это) дело было рассмотрено собранием Ниппура».

После того как перевод текста был завершен, нам показалось нелишним выяснить, каким было бы решение современного суда в аналогичном случае. Для этого мы послали наш перевод ныне покойному Оуэну Дж. Робертсу, в то время — декану факультета права Пенсильванского университета; в 1930—1945 гг. Робертс был членом Верховного суда США. Нам очень хотелось узнать его мнение, и ответ его действительно оказался весьма интересным. Робертс заявил, что современные судьи полностью согласились бы с судьями древнего Шумера и вынесли бы точно такой же приговор. Вот что он писал:

«Согласно нашим законам, эта женщина не может быть

признана виновной в соучастии после совершения преступления. Соучастником после преступления можно считать лишь того, «то не только узнал о преступлении, но также принимал и укрывал преступника или помогал ему каким-либо другим способом».

За последнее время были обнаружены другие интересные шумерские документы, уже не относящиеся к юриспруденции. В 1954 г. в предварительном сообщении, включавшем перевод наиболее понятных отрывков, был описан медицинский текст, представляющий, собой первый сборник рецептов — первую в мире книгу по фармакопее.

Профессия врача появилась в Шумере уже в III тысячелетии до н. э. Например, врач по имени Лулу практиковал в Уре — библейском Уре халдеев — около 2700 г. до н. э. Однако медицинские тексты Месопотамии, известные до 1954 г., относились главным образом к I тысячелетию до н. э. и содержали в основном формулы заклинаний, а не настоящие медицинские советы. Поэтому вновь переведенная табличка вдвойне интересна. Во-первых, она относится к последней четверти III тысячелетия до н. э., а во-вторых, в ней даются рецепты, не имеющие ничего общего с магией или волшебством. Этой табличке, первому в мире медицинскому документу, и посвящена глава 10.

10. МЕДИЦИНА

Первая фармакопея

В 1889 г., ровно семьдесят пять лет тому назад, Пенсильванский университет направил в Ирак археологическую экспедицию, которая производила раскопки в Ниппуре (примерно в 160 км к югу от современного Багдада). Как выяснилось впоследствии, Ниппур был религиозным и культурным центром шумеров. В ходе последующего десятилетия экспедиция обнаружила тысячи глиняных табличек и фрагментов, относящихся к периоду от первой половины III тысячелетия до н. э. вплоть до начала нашей эры (примерно 3000 лет). Содержание табличек охватывает практически все фазы развития шумерской культуры и

цивилизации: политическую и социальную жизнь страны, ее экономику и государственное устройство, религию и мифологию, законы и литературу, систему образования и язык. В них представлены даже наука (если можно так назвать познания шумеров) и техника. Среди найденных табличек большое число посвящено математике, метрологии (учению о мерах и весах); найден «календарь земледельца» и лексикографическая классификация названий растений, животных и минералов. Однако одним из наиболее важных «научных» документов, найденных в Ниппуре, несомненно является глиняная табличка на шумерском языке размером примерно в 9,5 X 16 см, содержащая пятнадцать рецептов. Судя по размерам и изяществу значков, табличка была написана к концу царствования династии Саргона Аккадского, то есть, согласно последним хронологическим исследованиям, около 2300 г. до н. э. Этот шумерский документ несомненно является древнейшей фармакопеей в истории человечества.

Несмотря на то что табличка была найдена шестьдесят или семьдесят лет назад (год ее находки не зарегистрирован в записях экспедиции), она стала известной ученому миру лишь в 1940 г. В том же году профессор Леон Легрэн, бывший куратор вавилонского отдела Музея Пенсильванского университета, опубликовал первую транслитерацию и перевод этого текста в бюллетене, издаваемом музеем. Это была смелая, но несколько преждевременная попытка проникнуть в смысл документа, изобилующего лингвистическими трудностями. В 1955 г. я подготовил новую транслитерацию и перевод текста с помощью химика Мартина Леви, который в то время только что получил докторскую степень по истории науки. Краткое изложение содержания таблички, основанное на этом переводе, появилось в 1955 г. в *Illustrated London News* (стр. 370—371), а также в 1956 г. в моем труде «Таблички Шумера» (*From the Tablets of Sumer*). Но и этот перевод был лишь предварительной попыткой, так как адекватный перевод и интерпретация текста таблички требовали прекрасного знания шумерской фармакологической и медицинской терминологии I и II тысячелетий до н. э. Только после сугубо специальной подготовки в Париже у Рене Ляба (одного из лучших современных специалистов по клинописной медицине) молодой ученый М. Сивил смог опубликовать новый и окончательный вариант текста нашей таблички. После месяцев упорного

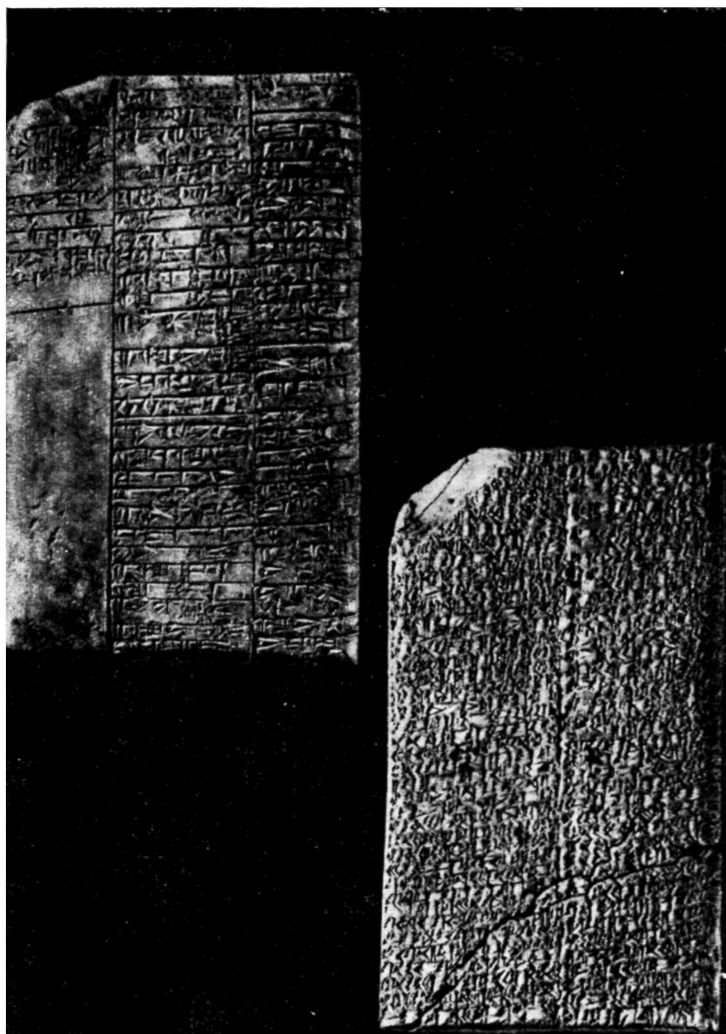

Рис. 5. Древнейшие в истории рецепты

труда, почти ежедневных консультаций и обсуждений Сивилу и мне удалось справиться с рядом трудностей и неясностей в тексте. В подготовленное Сивилом издание входили транслитерация и перевод текста, комментарии и примечания. Его работа была напечатана в одном из наиболее известных среди ассириологов журнале — *Revue d'Assyriologie* (LIV, стр. 57—72). Настоящая глава написана главным образом на основе этой новой публикации.

Документ состоит из 145 строк, или, лучше сказать, предложений. Первые 21 строк так сильно повреждены, что их содержание расшифровать не удалось. По аналогии с клинописными медицинскими документами I тысячелетия до н. э. можно было бы предположить, что в этих строках говорится: «Если человек страдает от...» и что далее следует название той или иной болезни. Однако немногие сохранившиеся знаки и слова, такие, как «корень... растения» (строки 1 и 2), «верхушка» (строки 3 и 5), «шерсть» (строки 9 и 10), «соль» (строка 15), не говорят в пользу такого предположения.

Рецептов как таковых в документе пятнадцать. Они начинаются с 22-й строки (в нижней части первой колонки таблички). Рецепты могут быть разбиты на три группы, в соответствии со способом применения данного средства. Первая группа состоит из восьми лекарств, представляющих собой припарки. Способ их приготовления изложен в следующем порядке: сначала идет список компонентов, необходимых для изготовления данного лекарства. Далее указывается, что эти компоненты должны быть растерты в порошок и смешаны с жидкостью до образования пастообразной массы, которая прикладывается в виде припарки к больной части тела, предварительно натертой маслом. Последнее, по-видимому, должно было оказывать лечебное действие само по себе либо предохранять кожу, не давая припарке прилипнуть к ней.

Привожу дословный перевод четырех рецептов «припарок» (остальные слишком плохо сохранились). В переводе курсивом выделены шумерские слова, означающие лекарственные травы, которые до сих пор не поддаются расшифровке. Слов, заключенных в скобки, в шумерском тексте нет, но они необходимы для уточнения смысла. Точками обозначены знаки, поврежденные на табличке.

«Рецепт № 4. Растереть в порошок растение *анадишша*, ветки колючего кустарника (вероятно, *Prosopis stephaniana*),

семена *дуашбура* (возможно, *Atriplex halimus* L.) (и); (названия по меньшей мере двух лекарственных трав не сохранились; влить в нее (в массу растертых в порошок лекарственных трав) разбавленное водой пиво, натереть (больное место) растительным маслом (и) привязать (пасту, приготовленную из растертых в порошок трав, смешанных с пивом) как припарку.

Рецепт № 5. Растереть сухой речной ил (и)....; замешать его на воде; натереть неочищенным маслом (и) привязать как припарку.

Рецепт № 6. Растереть груши (?) (и) растение манна; замешать на осадке от пива, натереть растительным маслом (и) привязать как припарку.

Рецепт № 8. Растереть корни... дерева,... и сухой речной асфальт; замешать на пиве, натереть маслом (и) привязать как припарку».

Вторая группа состоит из рецептов трех лекарств, принимаемых внутрь. Приготовление первого лекарства, для которого нужны пиво и жидкий асфальт, довольно сложно:

«Рецепт № 9. Влить крепкое пиво в смолу.... растения; нагреть на огне; влить эту жидкость в жидкий речной асфальт (и) дать (больному) выпить».

Способ приготовления двух других внутренних средств одинаков: предлагается растереть два компонента, растворить их в пиве и дать больному выпить.

«Рецепт № 10. Растереть груши (?) (и) корни растения манны; смешать (порошок) с пивом (и) дать (больному) выпить».

Рецепт № 11. Растереть семена овощей *нигнагар*, мирры (?) (и) тимьяна; высыпать в пиво (и) дать (больному) выпить».

Третья группа рецептов открывается трудным и, я бы сказал, загадочным предложением, которое читается так: «Обложить (?) камышом руки и ноги (больного)». Пока нам совершенно не ясно, к чему относится данная процедура и почему она записана именно, в этом месте. Но несмотря на всю ее неясность, эта строка необыкновенно важна, так как она показывает, какие именно части тела необходимо подвергнуть лечению.

За этим вступлением следуют собственно рецепты. Лекарств всего четыре, и их состав более сложен и менее однороден по сравнению с одиннадцатью предыдущими. В трех

первых случаях предлагается сначала омыть большую часть тела специально приготовленным раствором, после чего немедленно приложить (?) к этому месту некое вещество. В двух случаях это, кажется, зола. Четвертый и последний рецепт, первые строки которого не сохранились, состоит, видимо, только из названия ряда лекарственных трав, после чего сразу же следует указание приложить (?) полученное лекарство. Возможно, автор пропустил по невнимательности по крайней мере одну промежуточную операцию. Вот перевод этих последних четырех рецептов:

«Рецепт № 12. Просеять и тщательно перемешать растолченный панцирь черепахи, побеги (?) растения *нага* (из него добывают соду и другие щелочи), соль (и) горчицу; омыть (больное место) крепким пивом (и) горячей водой; растереть (больное место) этим (приготовленным составом), после чего натереть растительным маслом (и) обложить (?) растертыми в порошок иглами пихты.

Рецепт № 13. Развести водой порошок из высушенной и растертой водяной змеи, растения *амашумкаskal*, корней колючего кустарника, размельченной *наги*, пихтового скипидара (и) омыть (больное место) этой жидкостью, после чего натереть растительным маслом (и) приложить *шаки*.

Рецепт № 14. Развести водой смесь, приготовленную из высушенного (и) растертого в порошок подшерстка (?) коровы, ветвей колючего кустарника, „звездного“ растения, корней „морского“ дерева, сушеных фиг (и) соли *иб*; подогреть (и) омыть (больное место) этой жидкостью, после чего приложить (?) золу (?) тростника.

Рецепт № 15.....добытых из ивы, осадка (?) *гирби*, винного осадка, растения *нигми*, корней и ствола растения *арина* (и) приложить (?) золу (?)».

Из текста явствует, что шумерский врач, так же как и его современный коллега, пользовался для изготовления лекарств продуктами растительного, животного и минерального происхождения. Его излюбленными минеральными компонентами для составления лекарств были поваренная соль, речной асфальт и неочищенное масло. Из продуктов животного происхождения он использовал шерсть, молоко, панцирь черепахи, водяных змей. Но большинство лекарств изготовлялось из растений, таких, как тимьян, горчица, сливовое дерево, груши, фиги, ива, *Atriplex halimus L.*, *Prosopis stephaniana*, растение манна, пихта, сосна. Для разбав-

ления лекарств употреблялись пиво, вино, растительное масло.

Следует отметить, что в нашем древнем документе полностью отсутствуют какие-либо магические заклинания и заговоры, которые нередко встречаются в клинописных медицинских текстах более позднего периода. Ни одно божество, ни один демон не упоминаются в этом тексте. Совершенно очевидно, что врач, составивший его, строил свою деятельность на эмпирических и рациональных основах. Конечно, трудно предположить, чтобы он применял средства, сознательно проверенные путем серии экспериментов, но надо полагать, что лечение, которое он предписывал, оказывало благоприятное воздействие: ведь он ставил на карту свою профессиональную репутацию! Поэтому не исключено, что эти рецепты могут представлять собой некоторый практический интерес и для современных медицинских исследований.

Жаль, что древняя фармакопея не дает нам хоть сколько-нибудь ясного представления о характере недугов, для лечения которых предназначались эти лекарства. Вступление, предшествующее рецептам и занимающее почти всю первую колонку таблички, сильно повреждено. Впрочем, судя по нескольким сохранившимся знакам, оно не содержало названий болезней. В первом рецепте, почти полностью уничтоженном, мы нашли шумерские слова, означающие: «спина», «ягодицы», но, к сожалению, в отрывочном, малопонятном контексте. В предисловии к третьей группе рецептов можно разобрать слова: «руки» и «ноги», но и здесь контекст непонятен и загадочен. Мы даже не знаем, предназначался ли для излечения одной определенной болезни один рецепт или сразу несколько. Однако вполне возможно, что эти подробности наряду со многими другими излагались устно. А это невольно заставляет нас задуматься над целями и мотивами, побудившими древнего врача составить список рецептов.

Следует подчеркнуть, что древние врачи, в том числе и автор нашей фармакопеи, были не только лекарями, замкнувшимися в рамках своей профессии. Это были культурные, образованные люди, «гуманисты». Для того чтобы научиться правильно и красиво писать клинописью, овладеть сотнями знаков, имевших тысячи различных значений, такой человек должен был провести большую часть своей юности в шумерской школе или «академии», известной под

названием эдубба (то есть «дом табличек»). Там он приобретал знания и по тем «научным» предметам, которые были известны в древности. «Учебники» тогда состояли в основном из списков соответствующих слов, выражений и отрывков. Весь материал подготавливал уммиа, или «профессор» академии, ученики же должны были переписывать текст до тех пор, пока не запоминали его наизусть. Эти лаконичные, сухие тексты несомненно дополнялись устными объяснениями, или «лекциями». Вполне возможно, что наша древняя фармакопея представляет собой не что иное, как такой конспект, подготовленный врачом, который читал в академии «лекции» по медицине. Если эта догадка верна, то наш шумерский документ можно рассматривать как «страничку» из древнейшего в истории медицины «учебника».

Находка относящейся к концу III тысячелетия до н. э. таблички с медицинским текстом была сюрпризом даже для специалистов по клинописи. Логичнее было бы ожидать находки какого-нибудь «справочника» по сельскому хозяйству, а не по медицине, ибо основой экономики шумеров, главным источником их жизненного благополучия было именно сельское хозяйство. Оно было высокоразвитой отраслью еще до III тысячелетия до н. э., однако единственный известный нам «календарь земледельца» относится к началу II тысячелетия до н. э. Об этом календаре и пойдет речь в главе 11.

11. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Первый «Календарь земледельца»

Наиболее значительные из достижений шумеров в области техники относятся к ирригации и сельскому хозяйству, Создание сложной системы каналов, плотин, запруд и водохранилищ требовало высокого инженерного мастерства и знаний. Для проведения земельной съемки и подготовки плана работ требовались нивелировочные и измерительные инструменты, чертежи и карты. Земледелие превратилось в сложную отрасль хозяйства, требующую предусмотрительности, усердия и умения. Поэтому не удивительно,

что шумерские учителя составили «Календарь земледельца», в который входили разнообразные советы, призванные помочь земледельцу в проведении всех полевых работ, начиная с затопления поля в мае — июне и кончая веянием зерна, созревавшего в апреле — мае следующего года.

Текст этого документа состоит из 107 строк и содержит различные советы. Кроме того, имеется вступление (одна строка) и концовка (три строки). Текст этот был собран и составлен более чем из десятка табличек и фрагментов, наиболее важным из которых является не опубликованный до сих пор фрагмент, найденный в Уре покойным Леонардом Вулли более четверти века назад. Недавно этот отрывок был скопирован Г. Д. Гэддом, в прошлом одним из хранителей Британского Музея, который проделал большую работу по реставрации текста в целом. Перевод текста был сопряжен с большими трудностями, в основном из-за технической терминологии, и его не следует рассматривать как окончательный. Перевод был выполнен совместно Т. Якобсеном и Б. Ландсбергером — сотрудниками Восточного института при Чикагском университете, и М. Сивилом, сотрудником Музея Пенсильванского университета, занимающимся изучением техники древнего Двуречья.

«Календарь» начинается так: «Во время оно землепашец поучал своего сына».

Поучения касаются всех важнейших полевых и других работ, которые должен проделать земледелец, чтобы получить хороший урожай. Поскольку ирригация совершенно необходима для опаленной солнцем земли Шумера, наш древний ментор прежде всего говорит о затоплении поля: следует позаботиться о том, чтобы уровень воды не поднялся слишком высоко. Когда вода спадет, на мокрое поле надо выпустить волов с обвязанными копытами; они вытопчут сорняки и выровняют поверхность поля. Окончательное выравнивание поля следует доделать маленькими мотыгами. Поскольку волы оставят на влажной земле следы, человек, вооруженный мотыгой, должен пройти по всему полю и сравнять следы копыт. Рывины нужно сравнять бороной.

Пока поле просыхает, земледельцу и его домочадцам должно заняться подготовкой инвентаря. Особо подчеркивается необходимость привести в порядок бичи, стрекала и другие средства «дисциплинарных взысканий», для того чтобы заставить как людей, так и скотину усердно трудить-

ся. Автор нашего «Календаря» советует также запастись лишним быком для пахоты, так как в итоге это всегда себя окупает. При этом условии земледелец сможет посеять на одном буру* земли довольно много зерна — около трех гуров.

Прежде чем окончательно возделывать землю, предлагается предварительно дважды вспахать поле двумя длиннолемешными плугами (плуги *шукин и бардиль*), трижды проборонить его, разровнять граблями и, наконец, разбить комья земли молотком.

Во время проведения этих работ автор «Календаря» настоятельно советует земледельцу держать работников под неусыпным надзором, чтобы они ни на минуту не ослабляли своих усилий. Но и сам он должен служить образцом дисциплины и не должен требовать, чтобы рабы прислуживали ему, как в обычное время.

Затем можно приступить непосредственно к севу. Сев производится одновременно с пахотой, при помощи плуга со специальным приспособлением, через которое семена попадают в борозды. Землепашцу советуют делать восемь борозд на каждом гаруше**. Он должен следить за тем, чтобы семена попадали в землю на глубину «в два пальца». Если семена не попадают достаточно глубоко, землепашец должен переменить лемех — «язык плуга». По классификации нашего древнего агронома существует несколько видов борозд, но, за исключением того отрывка, где он описывает прямые и косые борозды, это место в тексте непонятно. Приступая к севу, необходимо разбить все комья земли на поле и выровнять его поверхность, с тем чтобы ничто не препятствовало росту молодых всходов ячменя.

«После того как молодые побеги пробьются сквозь (поверхность) земли», — продолжает древний автор, земледелцу следует вознести молитву богине Нинкилим, покровительнице полевых мышей и прочих вредителей, дабы они не испортили всходы. Земледелец должен также отгонять от поля птиц. Когда ячмень подрастет и сравняется с узкой нижней частью борозды, это значит, что наступило время для его полива. Когда ячмень «стоит высоко, словно (солома) циновки в середине лодки», наступает время для второго полива. В третий раз земледелцу предлагается

* Буру — 6,35 га.— Прим. пер.

** Гаруш — полоса земли шириной в 6—7 м.— Прим. пер.

полить «царский» ячмень — то есть ячмень, достигший полной высоты. Если при этом земледелец увидит, что влажные зерна ячменя начинают краснеть, это означает появление опасной болезни (*самана*), которая может погубить урожай. Если же ячмень в хорошем состоянии, земледелец должен полить его в четвертый раз; тем самым он увеличит урожай примерно на десять процентов.

Наступает время сбора урожая. Земледельца предостерегают, чтобы он не ждал, пока ячмень склонится под собственной тяжестью, а приступал к жатве «в день его силы», не упустив нужный момент. Работников надо распределить по три человека, чтобы один жал, второй вязал снопы, а третий складывал их. Далее следует абзац, который (если перевод его сделан правильно) имеет большое значение в этическом отношении и перекликается с Библией. Автор призывает землепашца оставить на поле некоторое количество упавших колосков ячменя для «малых» и «подбирающих колосья» (см. Библию, Левит, 19, 9—10 и Руфь, 2, 3 и сл.). За этот акт благотворительности бог вознаградит землепашца.

Молотьба, которая начинается сразу же после уборки урожая, производится в два приема. Сначала (пять дней подряд) по колосьям возят взад и вперед повозку, а потом молотилку в виде салазок, сделанную из брусчатых перекладин и зубьев, которые привязываются ремнями и скрепляются битумом. Они предназначены для «открывания ячменя». В этом месте приходит на память другая параллель из Библии. Автор трогательно увещевает землепашца накормить быков до отвала перед молотьбой, дабы не мучил их вкусный запах свежего зерна.

Наступает пора веяния ячменя. Его веют два «поднимателя ячменя». Начиная с этого места текст не вполне ясен, но можно предположить, что процесс веяния заключался в подбрасывании вилами или лопатой «грязной» смеси зерна с соломой и шелухой, чтобы очистить его от этих примесей.

Текст заканчивается тремя строками, имеющими цель произвести впечатление на читателей и учеников. В них говорится, что те советы, которые земледелец дает своему сыну, в сущности исходят не от него, а от бога Нинурты, важного божества шумерского пантеона. Согласно учению шумерских богословов, Нинурта был «верным земледельцем Энлиля».

Автор этого уникального сельскохозяйственного документа, несмотря на его уверения в противном, сам не был земледельцем. Землепашцы, вероятнее всего, были людьми неграмотными, да и трудно предположить, чтобы у кого-нибудь из них нашлось время и желание написать «руководство» по сельскому хозяйству. Совершенно очевидно, что написал его один из преподавателей — уммиа — шумерской школы (эдуббы). Об этом свидетельствует и литературная манера автора. «Календарь» был создан в педагогических целях и предназначался для обучения учеников эдуббы — в первую очередь для наиболее хорошо подготовленных, с тем чтобы подробно ознакомить их с искусством земледелия. Такая догадка подтверждается многочисленными копиями и отрывками из этого произведения, найденными при раскопках. Наверняка, большая часть их все еще покоится под развалинами Шумера. Мы можем сделать вывод, что это сочинение пользовалось одинаковым успехом как у учителей, так и у учеников. Оно и не удивительно; возможно, именно эти знания помогали выпускнику эдуббы получить хорошее место и удержать его.

Ниже дается перевод «Календаря земледельца» в том виде, в каком он воссоздан сейчас:

«Во время оно землепашец поучал своего сына (как следует далее). Когда ты начнешь заниматься своим полем (приступишь к его возделыванию), зорко следи за шлюзами плотин, рвов и запруд, (чтобы), когда ты затопишь поле, уровень воды не поднялся слишком высоко. Когда ты спустишь с поля воду, следи за тем, чтобы пропитанная водой земля сохранила нужное тебе плодородие. Пусть волы с обвязанными копытами топчут его для тебя, (и) после того как сорняки будут вытоптаны (ими) (и) поверхность поля выровнена, подровняй его окончательно маленькими мотыгами, весящими (не более чем) две трети фунта каждая. (Исполнив это), заставь работника разбить мотыгой следы копыт для тебя (и) разровнять их. Заровняй рывтины бороной, и пусть он обойдет все четыре стороны поля с мотыгой (строки 1—12).

Пока поле просыхает, пусть послушные тебе (домочадцы) подготовят инструменты для тебя, укрепи ярмо, развесь на гвоздях свои новые бичи, и пусть ремесленники починят попорченные рукоятки твоих старых бичей. Пусть бронзовые.... твои инструменты будут послушны твоей руке. Пусть ремень для головы, стрекало, «открыватель рта» (и)

бич поддержат тебя (там, где требуется повиновение и надзор). Пусть твоя корзина *банду* ломится от (Все это) принесет тебе замечательную прибыль (строки 13—21).

Когда твое поле будет снабжено всем необходимым, зорко следи за работами. Когда подпряжешь второго быка к плугу — если один бык подпряжен к другому, то они напашут больше по сравнению с (обычным) — заставь их... один буру; они сделают для тебя... подобно урагану, так что три гура ячменя будут посеяны на одном буру. Средства к существованию дает плуг! (Таким образом) обработав поле плугом *бардиль* — (да), плугом *бардиль*, (а потом) обработав его плугом *шукин*, повтори (процесс). После того как его (поле) пробороновили (и) трижды разровняли граблями и мелко раздробили комья земли молотком, пусть рукоятка твоего бича поможет тебе. Будь нетерпим к лени. Стой над ними (работниками) во время их работы (и) не допускай остановки. Не (отвлекай) работающих в поле. Раз они должны работать в течение десяти (дней) днем и при свете звезд, все их силы должны быть положены на работу в поле (и) они не должны прислуживать тебе (строки 22—40).

Когда ты приступаешь к возделыванию поля, пусть твой плуг поднимет для тебя стерню. Оставь свой «закрыватель рта» на плуге... (и) повесь свой.... на тонкий гвоздь. Установи отвал плуга, проложи борозды — восемь борозд проложи на одном гаруше. Чем глубже борозда, тем выше вырастет на ней ячмень (строки 41—47).

Когда ты приступаешь к пахоте поля, не спускай глаз с человека, который будет бросать семена ячменя в землю. Пусть он бросает семена на одинаковую глубину в два пальца (я) высевает по одному шекелю ячменя на каждый гаруш. Если семена ячменя не попадают на должную глубину, перемени лемех, «язык плуга». Если..., (тогда) паши на том месте, где ты пахал прямые борозды, косые борозды, (а) на том месте, где пахал косые борозды — прямые борозды. Пусть прямые борозды превратят границы в границы *лу*; пусть борозды *лу* выпрямят твои границы (и) пропаши там борозды аб.... (Потом) пусть уничтожат все комья, все возвышенные места перепахают бороздами (и) все впадины перепахают мелкими бороздами. (Все это) хорошо повлияет на всходы (строки 48—63).

Когда ростки пробьются сквозь (поверхность) земли, вознеси молитву богине Нинкилим (и) прогони с поля птиц. Когда ростки ячменя заполнят узкую нижнюю часть

борозды, полей верхние семена. Когда ячмень встанет так высоко, как (солома) циновки в середине лодки, полей его (второй раз). Полей (в третий раз) „царский" ячмень. Если политый ячмень покраснеет, ты скажешь: „Его поразила болезнь самана". Но если ячмень в хорошем состоянии и зерна его наливаются, полей его (в четвертый раз), (и) он принесет тебе одну лишнюю меру зерна на каждые десять (стр. 64—72).

Когда подойдет время уборки урожая, не давай ячменю склониться под собственной тяжестью, (а) начинай его жать в момент его (полной) силы. Жнец, вязальщик снопов и тот, кто (складывает снопы),— эти трое (работающие вместе) снимут для тебя урожай. Собиратели колосьев не должны наносить тебе ущерба; они не должны раздирать снопы. Пусть земля твоя в каждый день уборки урожая, как „в дни нужды", дает хлеб насущный детям и собирателям колосьев, согласно их числу [по-видимому, имеется в виду, что земледелец должен оставить на поле некоторое количество колосков для нуждающихся детей и подбирающих колосья], (и) разреши им спать (на твоём поле) как (на открытой) болотистой местности. (Если ты исполнишь это), твой бог будет всегда милостив к тебе. После того как ты получишь.... не, (а) поджарь (немного) сжатого ячменя (для того, чтобы) люди каждый день возносили за тебя „молитву сжатого ячменя" (стр. 73—86).

Готовясь приступить к молотье ячменя, вели тем, кто взвешивает для тебя ячмень, (приготовить) для тебя (корзины по) тридцать гуров. Пусть выровняют твоё гумно и расставят в порядке корзины, готовые к отправке. Когда орудия для тебя будут (подготовлены) (и) повозки расставлены по местам, вели катать эти повозки по разложенному на гумне ячменю. Эта „молотья" (займет) пять дней. Перед тем как приступить к „открыванию" ячменя, испеки хлеб *appa*. Приступая к „открыванию" ячменя, привяжи ремнями к молотильным салазкам зубья и скрепи асфальтом... Перед тем как впрягать быков, вели людям, которые будут „открывать" ячмень, подойти с кормом для них (для быков) (стр. 87—99).

Когда ты сгребешь ячмень в кучу, прочти „молитву (еще) не очищенного ячменя". Когда приступаешь к веянию ячменя, обрати внимание на людей, которые будут поднимать ячмень. Его должны поднимать два „поднимателя ячменя". В день, когда приступаешь к очистке ячменя,

разложи ячмень на настиле (и) прочти молитву вечером и ночью. (Потом) „отдели" ячмень (от мякины) как бы (с помощью) сильного ветра, (и) „освобожденный" ячмень будет убран для тебя (строки 100—108).

(Это) советы Нинурты, сына Энлиля. О Нинурта, верный земледелец Энлиля, хвала тебе!» (строки 109—111).

Источником экономического богатства Шумера были не только его поля, но и сады и огороды. Одним из наиболее значительных достижений в области садоводства в Шумере издревле были защитные насаждения, то есть насаждения деревьев, дающих густую тень для предохранения садовых культур от солнца и ветра. Об этом мы узнаем из древней шумерской поэмы, изложение которой читатель найдет в следующей главе.

12. САДОВОДСТВО

Первые защитные насаждения

В 1946 г. я побывал в Стамбуле и Багдаде, куда я был приглашен как профессор Американской школы исследования Востока и как представитель Музея Пенсильванского университета в Филадельфии.

В Стамбуле я провел около четырех месяцев, скопировав там более сотни табличек и фрагментов с записями шумерских мифов и эпических сказаний. Большинство этих отрывков представляло собой фрагменты — совсем маленькие и средней величины. Однако среди них оказалось несколько более полных табличек (например, табличка в двенадцать столбцов, повествующая о «войне нервов», о которой уже шла речь в главе 4). Кроме того, там была табличка в восемь столбцов с надписью о споре между Зимой и Летом (см. гл. 20), а также неизвестный до последнего времени миф, который я назвал «Инанна и Шукаллитуда, или смертный грех садовника».

Первоначально это была табличка размером примерно 15 X 18 см. Сейчас от нее уцелела только часть (10,6 X 17,5 см). Первый и последний столбцы, — а их всего было шесть, — почти полностью разрушены. Однако четыре

оставшихся позволяют восстановить около 200 строк, из которых более половины сохранилось полностью.

По мере того как содержание мифа прояснялось, я начал понимать, что оно является весьма оригинальным. К тому же две его детали показались мне весьма важными.

Прежде всего в тексте идет речь о богине, которая, желая отомстить оскорбившему ее человеку, превратила все воды страны в кровь. Эта тема «кровавого моря» не встречается в древней литературе нигде, кроме Библии, в книге Исход. Напомним этот эпизод. Иегова говорит: «Из этого узнаешь, что я — господь: вот я ударю жезлом, который в руке моей, по воде, которая в реке, и она превратится в кровь» (Исход, 7, 17).

Что касается второй своеобразной детали, то она относится к технике «защитных насаждений»: по-видимому, в мифе делается попытка объяснить происхождение таких насаждений. Во всяком случае из этого мифа можно сделать вывод о том, что посадка густолиственных деревьев для защиты растений от ветра и солнца была известна и распространена в Шумере уже тысячелетия назад.

Вот краткое содержание этого мифа.

Некогда жил садовник по имени Шукаллитуда. Он был хорошим садовником, трудолюбивым и опытным, но все его усилия были тщетны. Он заботливо поливал растения, однако сад его засыхал. Яростные ветры беспрестанно покрывали его лицо «пылью гор». Несмотря на все его старания, растения погибали. Тогда он возвел взор к небу, усеянному звездами, изучил знамения и постиг законы богов. Обретя таким образом новую мудрость, наш садовник посадил у себя в саду дерево «сарбату» (установить, что это за дерево, пока не удалось).. Его густая тень укрывала сад с восхода до заката. В результате всевозможные огородные культуры стали приносить Шукаллитуде отменный урожай.

Но вот однажды богиня Инанна (шумерская Афродита), пройдя по небесам и по всей земле, утомилась и прилегла отдохнуть близ сада Шукаллитуды. Он заметил ее из своего сада, а затем воспользовался усталостью богини и ночью овладел ею. Когда пришло утро, оскорбленная Инанна решила во что бы то ни стало узнать, какой смертный посмел над нею надругаться. Для этого Инанна обрушила на шумеров три напасти: она превратила в кровь всю воду в источниках страны, так что пальмы и виноградники

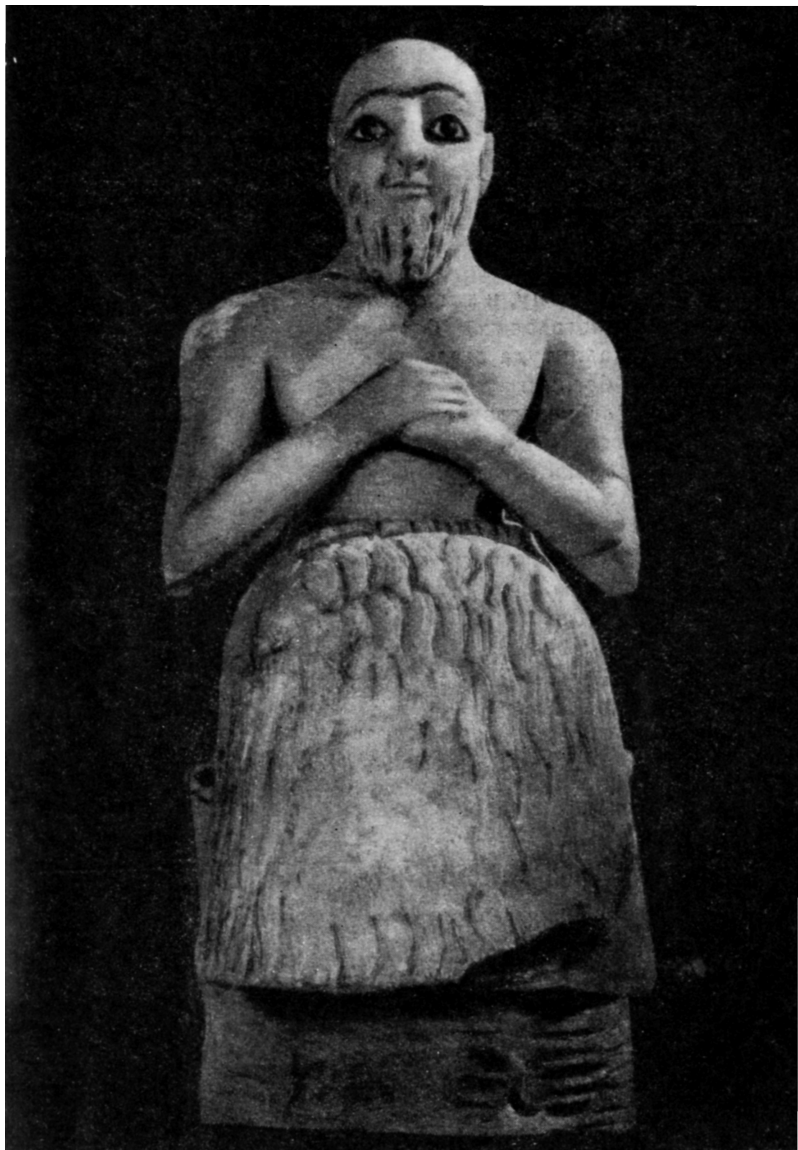

Рис. б. Ибих-иль, управляющий

сочились кровью, и наслала опустошительные вихри и бури. Что касается третьей напасти, то здесь можно только строить предположения, потому что соответствующие строки текста сильно повреждены.

Несмотря на столь решительные меры, Инанне не удалось обнаружить своего оскорбителя. Каждый раз, когда страну поражала напасть, Шукаллитуда обращался за помощью к своему отцу, и тот советовал ему смешаться с толпой его «черноголовых» братьев* и держаться вблизи городов. Шукаллитуда следовал совету отца и каждый раз избегал кары богини.

Далее текст повествует о том, как богиня Инанна, не сумев отомстить насильнику, с горечью решает отправиться в Эриду и просить совета и помощи у бога мудрости Энки в его храме. Здесь миф обрывается, потому что край таблички, как уже говорилось, отбит.

Я попытался перевести основные и наиболее понятные строки этой поэмы, но хочу предупредить читателя, что это перевод приблизительный:

Шукаллитуда.....

Когда он наполнял водой борозды,
Когда он копал колодцы возле гряд....,
Он спотыкался о корни, они царапали его.
Яростные ветры со всем, что они несут,
Ветры с пылью гор секли ему лицо.
Его лицо.. и ..руки,
Ветры вздымали пыль, он не знал....

(Тогда) он обратил взор к землям внизу, **

Он посмотрел на звезды на востоке,
Он обратил взор к землям наверху,
Он посмотрел на звезды на западе.
Он созерцал благоприятные небесные знаки.
Созерцая их, он постиг знамения,
Он узнал, как применять законы богов,
Он изучил решения богов.
В своем саду в пяти, в десяти недоступных местах,
В каждом из этих мест, он посадил по дереву для защитной тени
Защитная тень этого дерева «сарбату» с густой листвой,
Тень, которую оно дает на заре,

* Шумеры называли себя «черноголовым народом». — Прим пер.

** «Земли внизу» — юг, «земли наверху» — север. — Прим. пер.

В полдень и в сумерках,— никогда не исчезает.

Однажды моя царица пересекла небо, пересекла землю,
Инанна пересекла небо, пересекла землю,
Пересекла Элам и Шубур,
Пересекла....

Иеродула*, охваченная усталостью, приблизилась (к саду)
и крепко уснула.

Шукаллитуда увидел ее из угла своего сада....

Он овладел ею, он целовал ее,
Он вернулся в угол своего сада.

Пришла заря, взошло солнце.

Женщина с ужасом взглянула на себя,
Инанна с ужасом взглянула на себя,
И тогда женщина из-за своего лона,— какое зло она сотворила!
Инанна из-за своего лона,— что же она сотворила?
Все источники в стране она наполнила кровью,
Все рощи и сады в стране она напоила кровью.
Рабы пришли за дровами, а что пить — одну кровь?
Рабыни пришли по воду, а что взять — одну кровь?
«Я должна найти того, кто овладел мною, среди (людей)
всех стран»,— сказала Инанна.

Но того, кто овладел ею, она не нашла,
Ибо юноша вошел в дом своего отца,
И сказал Шукаллитуда своему отцу:
«Отец, когда я наполнял водой борозды,
Когда я копал колодцы возле гряд....,
Я спотыкался о корни, они царапали меня.
Яростные ветры со всем, что они несут,
Ветры с пылью гор секли мое лицо,
Мое лицо.. и.. руки,
Ветры несли пыль, я не знал....

(Тогда) я обратил взор к землям внизу,
Я посмотрел на звезды на востоке,
Я обратил взор к землям наверху,
Я посмотрел на звезды на западе,
Я созерцал благоприятные небесные знаки,
Созерцая их, постиг знамения,

* И е р о д у л а — жрица.— Прим. пер.

Я узнал, как применять законы богов,
Изучил решения богов.

В своем саду, в пяти, в десяти недоступных местах,
В каждом из этих мест, я посадил по дереву для защитной тени.
Защитная тень этого дерева „сарбату" с густой листвой,
Тень, которую оно дает на заре,
В полдень и в сумерках,— никогда не исчезает.

Однажды моя царица пересекла небо, пересекла землю,
Инанна пересекла небо, пересекла землю,
Пересекла Элам и Шубур,
Пересекла....,

Иеродула, охваченная усталостью, приблизилась (к саду)
и крепко уснула.

Я увидел ее из угла своего сада,
Овладел ею, целовал ее,
И вернулся в угол своего сада.

Пришла заря, взошло солнце.

Женщина с ужасом взглянула на себя,
Инанна с ужасом взглянула на себя.

И тогда женщина из-за своего лона,— какое зло она сотворила!
Инанна из-за своего лона,— что же она сотворила?

Все источники в стране она наполнила кровью,
Все рощи и сады в стране она напоила кровью.

Рабы пришли за дровами, а что пить — одну кровь?

Рабыни пришли по воду, а что взять — одну кровь?

„Я должна найти того, кто овладел мною, среди (людей)
всех стран",— сказала Инанна».

Но того, кто овладел ею, она не нашла,

Ибо отец ответил юноше,

Отец ответил Шукаллитуде:

«Сын, отправляйся к городам твоих братьев,

Направь стопы свои к твоим братьям, черноголовому народу,

И женщина (Инанна) не найдет тебя среди (людей) всех стран».

Он (Шукаллитуда) отправился к городам своих братьев,

Он направил стопы свои к своим братьям, к черноголовому народу.

И женщина не нашла его среди (людей) всех стран.

Тогда женщина из-за своего лона,— какое зло она сотворила!

Инанна из-за своего лона,— что же она сотворила?....

(И далее повествуется о второй напасти, которую богиня

наслала на Шумер).

Несмотря на то что основную роль в экономике Шумера играли земледелие и скотоводство, скромная мотыга, неразлучный спутник забрызганного грязью работника, пользовалась у шумеров большим почетом, нежели плуг, любимец царей, придворных и зажиточных горожан, работавший всего четыре месяца в году. Во всяком случае такой вывод можно сделать из текста в 198 строк, совсем недавно составленного из 39 табличек и фрагментов моим молодым испанским коллегой М. Сивилом. Сивил в течение нескольких лет работал со мной в Музее Пенсильванского университета. Как видно из спора Мотыги и Плуга, первенство остается за Мотыгой. Авторы этого литературного произведения, посвященного технике древнего Шумера, которое проходили в шумерских школах, бесспорно отдают предпочтение мотыге.

13. МОТЫГА И ПЛУГ

Первые успехи в труде

Земля Шумера была расположена примерно в пределах южной части современного Ирака. Это плоская равнина наносного происхождения с чрезвычайно жарким, засушливым климатом. Невозделываемые земли, обдуваемые ветрами, в большинстве своем засушливы и бесплодны. По существу здесь нет ни полезных ископаемых, ни камня, ни какого-либо древесного строительного материала, за исключением зарослей гигантского тростника на болотах. Это была «богом проклятая земля», казалось бы, обреченная на нищету и запустение. Однако люди, населявшие эту страну и называвшиеся начиная с III тысячелетия до н. э. шумерами, были наделены способностью к созиданию и практическим складом ума. Они сделали замечательные технические изобретения и умели настойчиво и упорно трудиться, добываясь удовлетворения всех своих нужд. Несмотря на неблагоприятные природные условия, они превратили Шумер в истинный «сад Эдема». При помощи сети ирригационных каналов они направляли во время разлива рек Евфрата и Тигра их богатые илом воды на поля и сады, орошая и удобряя землю. За неимением камня, шумеры научились изготавливать из обожженной речной глины, запасы которой были неисчерпаемы, серпы, горшки, тарелки и

кувшины. Восполняя недостаток дерева, они начали сооружать хижины и загоны для скота из высушенного болотного тростника, связывая его в вязанки или сплетая из него циновки, которые затем скреплялись глиной. Позднее шумеры изобрели форму для выработки кирпича и окончательно разрешили проблему строительного материала. Они изобрели гончарный круг, колесо повозки, плуг-сеялку, парусную лодку, научились возводить арки, сводчатые постройки и купола, изготавливать литье из меди и бронзы, освоили пайку металлов, резьбу по камню, гравировку и инкрустацию.

Уровень материальной культуры и технических знаний древних шумеров, естественно, определяется на основании многочисленных предметов и орудий, найденных при раскопках за последние сто лет. Однако немало сведений можно почерпнуть и из шумерской художественной литературы, которая, как отмечалось в главе 1, состоит из мифов, эпических поэм, гимнов, надгробных плачей, «летописей» и поучений. В настоящее время нам известны целиком или в большей своей части двадцать шумерских мифов, повествующих о сотворении и устройстве вселенной, о рождении богов, об их дурных и добрых деяниях, о сотворении человека, о потопе, ниспосланном в наказание людям, о тайнах смерти и подземного царства. Сейчас восстановлено (целиком или в большей части) девять шумерских эпических поэм, повествующих о трех героях — Энмеркаре, Лугальбанде и Гильгамеше, которые, вероятно, жили в начале III тысячелетия до н. э.

Одним из наиболее популярных видов литературного жанра в Шумере были гимны. В настоящее время известно много гимнов, посвященных богам, царям и храмам, и надо полагать, что это только небольшая часть гимнов, существовавших в древнем Шумере. Имеется несколько надгробных плачей и историографических документов, в которых говорится о разрушении таких известных городов, как Ур, Ниппур, Агаде (Аккад). И, наконец, за последние десять-двенадцать лет окончательно установлено, что у шумеров была большая и разнообразная группа назидательных произведений: споры, поучения, сборники наставлений и пословиц, содержащие сотни афоризмов, поговорок, кратких изречений и даже нечто вроде басен Эзопа.

С первого взгляда может показаться, что из мифов, легенд и эпических поэм, являющихся плодом вымысла, а так-

же из гимнов богам, вряд ли удастся почерпнуть много сведений. Однако при умелом и правильном подходе можно получить немало интереснейших фактов о повседневной жизни шумеров и их практической деятельности.

Великолепным примером этому может служить миф о Шукаллитуде, помещенный в предшествующей главе, который является единственным доказательством того примечательного факта, что шумеры пользовались защитными древонасаждениями. Возьмем другой характерный пример — небольшую и необычную мифологическую поэму, в которой рассказывается о том, как изготовили покрывало для брачной постели богини Инанны. Эта легенда шаг за шагом знакомит нас с техникой ткачества шумеров, которой они пользовались около четырех тысяч лет назад. Большая часть поэмы представляет собой диалог между Инанной и ее братом, богом солнца Уту:

«Сестра моя, я принесу тебе надерганный (?) лен,
Инанна, я принесу тебе надерганный (?) лен».

«Брат, когда ты принесешь мне надерганный (?) лен,
Кто расчешет его для меня, кто расчешет его для меня?
Этот лен, кто расчешет его для меня?»

«Сестра моя, я принесу тебе его чесаным,
Инанна, я принесу тебе его чесаным».

«Брат, когда ты принесешь его чесаным,
Кто ссучит его для меня, кто ссучит его для меня?
Этот лен, кто ссучит его для меня?»

«Сестра моя, я принесу тебе его ссученным,
Инанна, я принесу тебе его ссученным».

«Брат, когда ты принесешь его ссученным,
Кто спрядет его для меня, кто спрядет его для меня?
Этот лен, кто спрядет его для меня?»

«Сестра моя, я принесу тебе его спряденным,
Инанна, я принесу тебе его спряденным».

«Брат, когда ты принесёшь его спряженным,
Кто натянет его на основу для меня, кто натянет его
на основу для меня?
Этот лен, кто натянет его на основу для меня?»

«Сестра моя, я принесу тебе его натянутым на основу,
Инанна, я принесу тебе его натянутым на основу».

«Брат, когда ты принесешь его натянутым на основу,
Кто соткет его для меня, кто соткет его для меня?
Этот лен, кто соткет его для меня?»

«Сестра, моя, я принесу тебе его сотканным,
Инанна, я принесу тебе его сотканным».

«Брат, когда ты принесешь мне этот сотканный лен,
Кто окрасит его для меня, кто окрасит его для меня?
Этот лен, кто окрасит его для меня?»

«Сестра моя, я принесу тебе лен крашеным,
Инанна, я принесу тебе лен крашеным».

«Брат, когда ты принесешь мне лен крашеным,
Кто разделит ложе со мной, кто разделит ложе со мной?»

«Он разделит ложе с тобой, он разделит ложе,
Твой муж разделит ложе с тобой,
Ушум-галь-анна разделит ложе с тобой.
Кули-Энлиль разделит ложе с тобой.

Тот, кто был порожден плодоносящим чревом, разделит
ложе с тобой,
Семя, царское семя, разделит ложе с тобой».

Существует небольшой гимн богине Нинкаси, верховному божеству крепких напитков, в котором поэт подробно описывает несколько процессов, относящихся к изготовлению пива, включая варку различных видов сусла. Во многих поэтических текстах шумеров можно найти немало слов, фраз и отрывков, представляющих огромный интерес для изучения техники древнего Двуречья.

Однако литературный жанр, с наибольшей полнотой раскрывающий различные стороны производства и техни-

ки у шумеров, а также показывающий отношение к ним шумеров,— это жанр поучений. Лучшим примером тому может служить «Календарь земледельца» (см. гл. 11), содержание которого неоченимо, так как он проливает свет на основы земледелия в древнем Шумере. Не меньшую важность представляют собой так называемые диспуты, которые пользовались большой популярностью у шумерских педагогов и авторов. Аргументы, выдвигаемые героями этих литературных споров, дают различные сведения о технике, которые невозможно получить из других источников. Некоторые из этих диспутов проанализированы в главе 20 («Диспуты. Первые литературные споры»). Здесь я привожу содержание спора между Мотыгой и Плугом, из которого мы узнаем весьма удивительную подробность — как высоко оценивали шумеры роль работников в экономике и технике вообще и в частности в таких важных областях, как ирригация, дренажные работы, сельское хозяйство, строительство, починка мостовых. Мы также узнаем из этого документа, что для работавших в поле строились специальные «башни», где они могли отдохнуть после целого дня утомительного труда.

«Спор между Мотыгой и Плугом» начинается не с обычного мифологического вступления, а с описания Мотыги:

Вот смотри! Мотыга, Мотыга, носящая узел, *
Мотыга (из) шелковицы, зубья которой из кизила,
Мотыга (из) тамариска, зубья которой из «морского» дерева,
Мотыга (с) двумя зубьями, (с) четырьмя зубьями,
Мотыга, сын бедного человека, опора человека в лохмотьях,
Мотыга бросает вызов Плугу.
(И) в споре Мотыги с Плугом
Мотыга говорит Плугу.

Здесь начинается первый аргумент Мотыги, в котором она перечисляет свои обязанности и преимущества, косвенным образом — утверждая, что Плуг неспособен выполнить ни одной из ее обязанностей:

«Я приумножаю, (но) что приумножаешь ты?
Я расширяю, (но) что расширяешь ты?

* Имеется в виду мотыга, острие которой привязано к ручке узлом.— *Прим. пер.*

Когда воды хлынут (через размытую плотину), ты не запружаешь ее,
Ты не наполняешь корзину илом,
Ты не наполняешь переметных сум глиной, ты не делаешь кирпич,
Ты не кладешь фундамент, ты не строишь домов,
Ты не укрепляешь (шатающихся) старых стен,
Ты не прилаживаешь водосточных желобов на крышах
достоинных людей,
Плуг, ты не содержишь улицы в порядке,
Плуг, я приумножаю, (но) что приумножаешь ты?
Я расширяю, (но) что расширяешь ты?»

Далее следует ответ Плуга, в котором он прежде всего ссылается на любовь и уважение, которыми он пользуется «наверху и внизу», среди людей и зверей.

Плуг говорит Мотыге:

«Я Плуг, сделанный могучей рукой, собранный могучей рукой,
Я надзиратель Энлиля над полями,
Я верный землепашец человечества.
Когда мой праздник празднуют в поле в (месяце) Шунумун,
Царь (сам) режет быков для меня, убивает несчетное
множество овец для меня,
Разливает пиво в сосуды
(Здесь пропущены три строки).
Царь держит меня за рукоятку,
Запрягает моих быков в ярмо,
Вся знать идет рядом со мной,
Все страны обожают меня,
Все люди с радостью взирают на меня,
Мое присутствие среди борозд — украшение полей,
Перед колосьями, которые я выращиваю в полях,
Все звери Сумугана радостно, низко склоняются.
(Пропущено семь строк).
На горе зеленой и внушающей благоговение
Я наполняю для Энлиля силосные ямы и житницы,
Сгребаю для него в кучи эммер* и пшеницу.
(Пропущено девять строк).
Но ты, Мотыга, кто работает и копошится (?) в грязи,
Мотыга, чья голова увязла (?) в поле,
Мотыга и форма для выработки кирпича, которые проводят
(все свои дни) не очищенными от грязи,

* Эммер — один из видов пшеницы.— *Прим. пер.*

Колодцекопатель, ямокопатель,
Та..., негожа для царской руки,
Чья рукоятка пригодна только для руки раба,
Ты осмеливаешься бросать горькие оскорбления мне,
Осмеливаешься сравнивать меня с собой!
Убирайся отсюда в поле, я (достаточно) насмотрелся на тебя».

Далее следует ответ Мотыги, который занимает больше половины текста (строки 66—187). Мотыга подробно перечисляет свои обязанности, которые она выполняет на благо человечеству в таких жизненно важных отраслях хозяйства, как ирригация, строительство оград, подготовка к пахоте, градостроение, строительство хлевов и овчарен, садоводство. Мы приводим лишь наиболее понятные строки из этого отрывка.

Мотыга говорит Плугу:

«Плуг!... *(здесь одна неразборчивая строка)*,
В месте (жительства) Энлиля я превосхожу тебя,
В доме Энлиля я иду впереди тебя,
Я рою рвы, рою каналы,
Заполняю водой луга,
Когда вода заликает поля сахарного тростника,
Мои маленькие (наполненные глиной) корзины чинят (?)
размытые места (?),
Когда я пробиваю бреши в реке, бреши в каналах,
Заставляю воду течь в сторону поднявшейся Большой
Реки (Евфрата),
Осушаю болота,
Я, Мотыга, возвожу ограды,
(Для того, чтобы) ни южный ветер, ни северный, не могли
их повредить.
(Непотревоженный), птицелов собирает яйца,
Рыбак ловит рыбу,
Люди ставят силки для птиц,
Таким образом мое богатство наполняет страну.
После того как я удалю воду с лугов,
После того как я осушу землю,
Я иду впереди тебя, Плуг, на поле,
Разрыхляю для тебя открытые поля,
Выравниваю (?) для тебя борозды рвов,
Убираю перед тобой комья и корни с поля.

Приготовляю (?) поле для (твоей) работы,
Ты, у кого шесть быков, у кого четверо работников, ты сам
лишь одиннадцатый....

(Пропущено пятнадцать строк).

Мое рабочее (?) время двенадцать месяцев,
А ты работаешь (только) четыре месяца
И исчезаешь на восемь месяцев,
Следовательно, ты отсутствуешь в два раза дольше, чем работаешь....

(Пропущено десять строк).

Я всегда с царскими слугами,
Я строю дома царям,
Увеличиваю стойла, расширяю загоны для овец,
Наполняю переметные сумы глиной, делаю кирпичи,
Закладываю фундаменты, строю дома,
Укрепляю (шатающиеся) старые стены,
Делаю желоба на крышах достойных людей,
Я, Мотыга, содержу в порядке улицы,
Огораживаю города, строю их стены,
Я строю великолепные храмы великим богам,
Соразмеряю тщательно красную глину (и) зеленую глину
с (обычной) глиной,
Я строю (множество) городов с дворцами.

(Пропущено двенадцать строк).

Я разбиваю царские сады;
После того как я обнесу забором сады, огорожу их
и разрыхлю землю,
Люди опять берут меня, Мотыгу.

После того как я вырою им колодцы, сделаю столбы,
(И) построю водяные колеса, я чиню борозды-рвы,
Наполняю борозды-рвы водой
(Для того чтобы) яблони цвели, дали (свои) плоды.
Их плоды относят в храм богов, как подобает,
(А потом) я передаю их садовнику и (его) семье.
У реки, Плуг, я выравниваю берега, чиню тропинки,
Строю башни на ее берегу...
Человек, который проводит (свои) дни на полях,
Работник, который проводит ночи на полях,
Поднимается на эти башни,
Чтобы отдохнуть там, как в (хорошо) построенном городе».

Далее текст, в котором осталось еще сорок строк, непонятен. Однако в конце текста мы видим, что Энлиль благословляет Мотыгу. Самые последние строки читаются так:

Перейдем теперь из области чисто материальной в духовную сферу — от техники к философии.

Есть все основания считать, что у шумеров III тысячелетия до н. э. сложился ряд метафизических и теологических понятий, которые, хотя они не были четко сформулированы, со временем в большей или меньшей степени распространились на всем Ближнем Востоке и оставили заметный след даже в религии древних евреев и, впоследствии, христиан.

Наиболее существенные из этих представлений освещены в главе 14, где также рассматривается ряд весьма расплывчато сформулированных и неясно выраженных практических и логических выводов, которые вытекают из этих представлений. В этой же главе поднимается вопрос о том, в какой мере философские рассуждения и умозаключения шумеров были оторваны от действительности и связаны с эпосом и мифами, хотя в этих последних фантазия и воображение превалируют над логикой и разумом.

14. НАТУРФИЛОСОФИЯ

Первая космогония и космология

Шумеры не сумели создать философии в общепринятом смысле этого слова. Им никогда не приходило в голову, что истинная природа вещей или их представления о вещах могут быть поставлены под сомнение, а потому у них отсутствовала такая отрасль философии, как гносеология (теория познания).

Тем не менее шумеры размышляли и строили предположения о природе вселенной, и прежде всего о ее происхождении и устройстве, и о законах мироздания. Есть все основания предполагать, что уже в III тысячелетии до н. э. в Шумере были мыслители и педагоги, которые пытались ответить на подобные вопросы и для этого разработали свою космологию и теологию. Созданная ими система взглядов оказалась настолько убедительной, что ее безоговорочно приняло большинство стран Ближнего Востока.

Однако тщетно было бы искать в литературе шумеров систематического философского изложения их космологии и теологии. Мыслители Шумера еще не овладели тем незаменимым оружием познания, которое мы воспринимаем как нечто само собой разумеющееся: они не знали научного метода определения и обобщения, без которого наука никогда бы не достигла современного уровня. Возьмем хотя бы такую очевидную истину, как взаимозависимость причины и следствия. Мыслители Шумера, несмотря на то что повседневная жизнь давала им тысячи примеров такой взаимозависимости, так и не сумели вывести из них общего и всеобъемлющего закона: «Каждое следствие имеет свою причину». Не удивительно, что почти все сведения о шумерской философии, теологии и космологии приходится сегодня собирать по крохам из отдельных литературных произведений, в частности из мифов, эпических сказаний и гимнов.

Какими же «научными» данными располагали шумеры? Из чего они исходили в своих представлениях о мире, которые ложились в основу их философских построений и теологических доктрин?

Для шумерского философа или педагога главными элементами мироздания были земля и небо. Поэтому они называли вселенную «ан-ки», что означает «небо-земля». Земля, по представлениям шумеров, это плоский диск, а небо — пустое пространство, опирающееся наверху и внизу на твердую поверхность. Из какого материала была, по их мнению, эта поверхность, до сих пор неясно. Поскольку шумеры называли олово «небесным металлом», можно думать, что она считалась оловянной. Между землей и небом располагался третий элемент — «лиль»; это слово означает (приблизительно) «ветер» (воздух, дуновение, дух). Его главной отличительной чертой, очевидно, считалось движение и способность занимать пространство, что приблизительно соответствует нашему понятию «атмосфера». Солнце, луна, планеты и звезды созданы из того же вещества, что и атмосфера, но, кроме того, обладают способностью светиться. «Небо-земля» сверху, снизу и с обеих сторон окружены бесконечным океаном, в котором они каким-то образом сохраняют неподвижность.

Исходя из этих основных представлений, которые им казались очевидными и непреложными, шумерские мыслители и строили свою космогонию. Вначале, по их мнению,

был первозданный океан. Судя по некоторым данным, можно предположить, что шумеры считали этот океан своего рода «первопричиной», «первым двигателем», не задаваясь мыслью о том, что же предшествовало океану во времени и пространстве. В этом первозданном океане каким-то образом зародились небесный свод и плоская земля, отделенные друг от друга движущейся и всепроникающей «атмосферой». Затем из атмосферы были созданы светящиеся тела: солнце, луна, планеты и звезды. Далее, после отделения неба от земли и возникновения светоносных астральных тел, появились растения, животные и, наконец, человек.

Но кто же создал вселенную и кто заставляет ее совершать свой круговорот день за днем, год за годом, на протяжении бесчисленных веков? Насколько нам известно из наиболее древних письменных источников, шумерские теологи не сомневались в том, что существует целый пантеон живых существ, похожих на людей, однако бессмертных и наделенных сверхчеловеческим могуществом, которые незримо управляют ходом мироздания по непреложному плану, в соответствии с незыблемыми законами. Каждое из этих антропоморфных, но сверхъестественных существ ведет определенной частью мироздания и действует по строго определенным правилам. Одному поручено следить за землей, другому — за небом, остальным — кому за морем, кому за воздухом, кому за тем или иным крупным небесным телом (солнцем, луной, отдельными планетами и т. д.). В шумерском пантеоне были божества, ведавшие ураганами, бурями и ветрами в атмосфере; реками, горами и равнинами на земле. Были особые божества для каждого города, страны, плотины, канала, для каждого поля и хозяйства, и даже божки для таких орудий труда, как мотыга, плуг, форма для выработки кирпича.

К подобному непреложному для них убеждению шумерские теологи могли прийти только путем логических умозаключений, потому что никто из них, разумеется, никогда не видел ни одного из этих многочисленных человекоподобных божеств. Они исходили из структуры человеческого общества, каким они его знали, то есть судили о неведомом по хорошо известному. Они видели, что страны и города, дворцы и храмы, поля и уголья — короче, все в общественной жизни и сфере производства — управляется, содержится, контролируется и возглавляется живыми человеческими

существами, без которых страны и города обречены на запустение, дворцы и храмы обращаются в руины, а посевы засыхают. Поэтому, рассуждали они, и вселенная со всеми ее составными элементами тоже должна управляться, содержаться, контролироваться и возглавляться живыми существами, имеющими облик людей. Но поскольку вселенная неизмеримо больше всех поселений человека, поскольку строение ее неизмеримо сложнее, эти живые существа должны быть гораздо могущественнее простых людей. Прежде всего они должны быть бессмертными. Ибо если они умрут, во вселенной воцарится хаос и придет конец света — перспектива, которая, по вполне понятным причинам, не устраивала шумерских мыслителей. Этих антропоморфных, но в то же время сверхъестественных и бессмертных существ шумеры обозначали словом «дингир», которое мы переводим как «бог», «божество».

Какова была структура этого божественного пантеона? Прежде всего,— для шумеров такое предположение вполне естественно,— божества занимали в их пантеоне различные места в соответствии со значением каждого. Вряд ли божество мотыги или формы для выработки кирпича могло сравниться с богом солнца. Бог плотин и каналов тоже не мог быть одного ранга с богом, ведавшим всей землей. Вполне естественно, что, по аналогии с политической организацией своих государств, шумеры поставили во главе пантеона главного бога, которого остальные божества признавали своим правителем или царем.

Таким образом, шумерский пантеон представлял собой нечто вроде собрания под председательством верховного правителя. Следующими за ним по рангу были семь богов, «вершащих судьбы», и пятьдесят так называемых «великих богов». Однако самое любопытное подразделение, установленное шумерскими теологами, заключалось в том, что они различали божества созидательные и несозидательные. Это вытекало из их представления о вселенной. Поскольку главными ее элементами были небо, земля, море и атмосфера, все прочие явления могли существовать лишь в рамках этих четырех элементов. Отсюда нетрудно прийти к заключению, что четыре бога, ведавшие небом, землей, морем и воздухом, были созидательными богами и что они создали все сущее, каждый в своей области, в соответствии с заранее разработанным ими планом.

Что касается метода созидания, которым пользовались

эти боги, то здесь шумерские философы выдвинули доктрину, которая была впоследствии принята на всем Ближнем Востоке,— доктрину о созидательной силе божественного слова. По их учению, богу-творцу достаточно было что-либо задумать, а затем произнести слово и назвать имя. Вполне возможно, что представление о созидательной силе божественного слова возникло в результате наблюдений над человеческим обществом. Если человек, правитель, мог достичь почти всего, чего ему хотелось, силой приказа,— всего лишь силой слова, слетевшего с его уст,— почему бы сверхмогущественным бессмертным богам, правителям четырех стихий вселенной, не достичь своим божественным словом гораздо большего? Но возможно также, что столь «облегченное» решение проблем космологии, при котором единственное значение имели мысль и слово, просто отражало стремление уйти от реальности, подменить действительное желаемым, что характерно почти для всех людей в тяжелые периоды их жизни.

Одновременно шумерские богословы создали вполне удовлетворявшую их концепцию, которая объясняла, каким образом взаимодействовали природные и общественные явления после их создания. По их мнению, эти явления взаимодействовали гармонично и непрерывно, не вступая между собой ни в какие противоречия. Этому представлению соответствовало шумерское слово «ме», точный смысл которого до сих пор не установлен. Можно предположить, что данное слово обозначало комплекс правил и закономерностей, предписанный каждому явлению природы или общества создавшим их божеством, дабы эти явления всегда подчинялись заранее задуманному плану. Это был еще один — разумеется, неглубокий, но не столь уж нелепый — ответ на поистине неразрешимую загадку мироздания. Впрочем, такой ответ прикрывал труднейшую проблему космологии оболочкой малозначащих слов.

У шумеров не было литературного жанра, аналогичного ученым трактатам философского, космологического или богословского толка. Поэтому современному исследователю приходится «выкапывать» факты, относящиеся к их мировоззрению, из многочисленных мифов, дошедших до нас полностью или частично. Задача весьма нелегкая, потому что создателей и переписчиков мифов нельзя отождествлять с философами и богословами. С точки зрения психологии и темперамента, поэт и мыслитель — натуры прямо проти-

воположные. Впрочем, качества того и другого, конечно, могли соединяться и в одном человеке.

Мифы записывались писцами и поэтами, главной задачей которых являлось прославление богов и их деяний. В отличие от философов они не были заинтересованы в открытии каких-либо космологических или теологических истин. Они принимали на веру существовавшие в те времена теологические представления и нормы, не думая о том, как они возникли и утвердились. Целью творца какого-либо мифа было создать такую поэму, которая бы объясняла одно из общепринятых теологических представлений в живой, занимательной и убедительной форме. Ему не было дела до логических аргументов и доказательств. Он обращался не к разуму, а к чувствам. Поэтому основным его оружием были не логика, не обоснование, а воображение и выдумка. Создавая мифы, поэты, не колеблясь, придумывали для своих героев, исходя из поведения, людей, такие положения и побуждения, которые зачастую не имели ничего общего с логическим и теоретическим мышлением. Точно так же они без колебаний вводили в свой рассказ фольклорные сказочные мотивы, весьма далекие от рациональных космологических исследований и представлений.

Невозможность отличить шумерского философа от сказителя сбивала с толку многих исследователей Древнего Востока, особенно тех, кто в угоду широкой публике больше заботился о религиозных догматах, нежели об установлении истины. Такие исследователи либо недооценивают, либо переоценивают мыслителей древности, бросаясь из одной крайности в другую. Рассуждают они так: с одной стороны, древние по своему умственному развитию были неспособны логически мыслить и разрешить загадки мироздания. Но, с другой стороны, древние были наделены «не испорченным» логикой мифотворческим интеллектом и глубокой природной интуицией, что позволяло им проникать в тайны вселенной гораздо глубже, чем современному человеку с его аналитическим умом и сугубо рассудочным подходом к вещам. Такие рассуждения в основе своей вздорны.

Наиболее зрелые и вдумчивые мыслители Шумера обладали вполне достаточным интеллектом, чтобы логично и последовательно рассуждать о любых проблемах, в том числе о происхождении и устройстве вселенной. Камнем преткновения для них было отсутствие научных данных. Кро-

ме того, им не хватало такого незаменимого интеллектуального оружия, как метод определения и обобщения. Наконец, шумеры практически не учитывали фактора роста и развития, поскольку им было совершенно чуждо столь очевидное для нас понятие, как эволюция.

Не приходится сомневаться, что по мере накопления нового материала, по мере открытия новых, доселе неведомых методов познания, новых перспектив и горизонтов мы тоже когда-нибудь придем к выводу об ограниченности и близорукости философов и ученых наших дней. Но тут есть одно существенное различие: современный мыслитель обычно сам признаёт относительный характер своих выводов и весьма скептически смотрит на любые категорические утверждения. Про мыслителей древнего Шумера этого не скажешь. Они были убеждены, что их взгляд на вещи абсолютно правилен и что они совершенно точно знают, как возникла и как устроена их вселенная.

Что мы знаем о сотворении мира в представлении шумеров? В этом вопросе основным нашим источником является вступительная часть поэмы, которую я назвал «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство». О содержании поэмы речь пойдет в главе 26. В данном случае нас интересует не вся поэма, а только вступление, потому что именно в начале своих мифов и эпических сказаний шумерские поэты обычно приводят сведения космологического характера, зачастую не имеющие прямой связи с содержанием дальнейшего повествования.

Во вступлении к поэме «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство» есть следующие пять строк:

После того как небо отделилось от земли,
После того как земля отделилась от неба,
После того как человеку было дано имя,
После того как (бог неба) Ан поднял небеса,
После того как (бог воздуха) Энлиль опустил землю...

Переведя эти строки, я проанализировал их и пришел к выводу о том, что в них содержатся следующие космогонические представления:

- 1) когда-то небо и земля были едины;
- 2) некоторые боги существовали до отделения неба от земли;

3) после отделения неба от земли бог неба Ан поднял небеса, а бог воздуха Энлиль опустил землю. (В подлиннике — Ан «унес» небо, а Энлиль «унес» землю).

Этот отрывок ничего не говорит о следующих основных вопросах и не затрагивает их даже косвенно:

1. Если шумеры представляли себе землю и небо не извечно существовавшими, а когда-то созданными, то кто их создал?

2. Какова была в их представлении форма земли и неба?

3. Кто отделил небо от земли?

Покопавшись в доступных мне шумерских текстах, я нашел следующие ответы на эти три вопроса:

1. В табличке с перечнем имен шумерских богов богиня Намму, чье имя изображено пиктографическим значком, обозначающим первозданный океан, названа «матерью, породившей небо и землю». Таким образом, в представлении шумеров земля и небо были порождением первозданного океана.

2. Миф «Скот и зерно», описывающий рождение на небесах божеств скота и зерна, которые затем спускаются на землю, чтобы принести процветание роду человеческому (см. гл. 15), — этот миф начинается следующими строками:

На горе земли и небес
Ан зачал (богов) Ануннаков.

3. Поэма, описывающая изготовление и освящение мотыги, этого важнейшего земледельческого орудия, начинается следующим образом:

Владыка, дабы создать то, что полезно,
Владыка, чьи решения непреложны,
Энлиль, приносящий зерна «полей» с земли,
Решил отделить небеса от земли,
Решил отделить землю от небес.

На основании первой строки мифа «Скот и зерно» можно предположить, что, когда земля и небо представляли собой одно целое, они были горой, подножие которой было низом земли, а вершина — верхней частью неба. А поэма о мотыге отвечает на вопрос о том, кто отделил небо от земли: это сделал бог воздуха Энлиль.

После того как мои изыскания в шумерских текстах привели к таким заключениям, стало возможным суммировать космогонические представления шумеров, то есть их представления о сотворении мира.

Шумеры объясняли происхождение вселенной следующим образом:

1. Вначале был первозданный океан. О его происхождении или рождении ничего не говорится. Вполне вероятно, что в представлении шумеров он существовал вечно.

2. Первозданный океан породил космическую гору, состоявшую из земли, объединенной с небом.

3. Созданные как боги в обличье человека, бог Ан (небо) и богиня Ки (земля) породили бога воздуха Энлиля.

4. Бог воздуха Энлиль отделил небо от земли. В то время как его отец Ан поднял (унес) небо, сам Энлиль опустил (унес) землю, свою мать. Брак Энлиля со своей матерью-землей положил начало устройству мира — сотворению человека, животных, растений и созданию цивилизации.

Что касается происхождения и природы небесных тел — луны, солнца, планет и звезд, — то об этом нет почти никаких прямых сведений. Однако из того факта, что даже в самых древних письменных источниках шумеры называли бога луны, известного под двумя именами, Син и Нанна, сыном бога воздуха Энлиля, можно сделать вывод о том, что они считали луну ярким воздухоподобным телом, созданным каким-то образом из атмосферы. В свою очередь бог солнца Уту и богиня планеты Венеры, Инанна, во всех текстах именуется детьми бога луны. Вероятно, шумеры полагали, что эти два небесных тела были созданы лунной после того, как последняя возникла из атмосферы. Это относится и к остальным планетам и звездам, о которых в текстах образно говорится, что «крупные движутся возле (луны) подобно диким быкам», а «мелкие рассыпаны возле (луны) подобно зернам».

Относительно рождения бога луны Сина сохранился очаровательный, глубоко человеческий миф, созданный, видимо, для того, чтобы объяснить происхождение этого бога и трех других богов, осужденных влачить существование в подземном (темном) мире вместо восточного (светлого) неба, где обитают более счастливые божества. Моя первая попытка восстановить и перевести этот миф содержится

в книге «Шумерская мифология», вышедшей в 1944 г. Однако в моей расшифровке фабулы мифа были серьезные ошибки из-за пропусков в тексте, а также из-за некоторых неправильных выводов.

В 1946 г. Т. Якобсен опубликовал серьезную, убедительную статью (*Journal of Near Eastern Studies*, vol. V), в которой исправил текст и пояснил его. Кроме того, в 1952 г. совместная экспедиция Восточного института и Музея Пенсильванского университета обнаружила во время раскопок в Ниппуре хорошо сохранившуюся табличку с этим мифом, позволившую восполнить ряд пропусков в первой его части и значительно прояснившую смысл всей поэмы в целом. Учитывая замечания Якобсена и дополнения из новой таблички, найденной в Ниппуре, этот миф можно изложить следующим образом.

Когда человек еще не был создан, в городе Ниппуре обитали только боги: «его юношей» был бог Энлиль, «его девушкой» была богиня Нинлиль, «его старухой» была мать Нинлиль, Нунбаршегуну.

Однажды, склонившись сердцем и разумом к тому, чтобы поженить Нинлиль и Энлиля, Нунбаршегуну так сказала своей дочери:

В чистом потоке, женщина, в чистом потоке омойся,
Ступай, Нинлиль, вдоль берега потока Нунбирду,
Ясноглазый властелин, ясноглазый,
„Великая Гора“, отец Энлиль ясноглазый увидит тебя,
Пастырь... определяющий судьбы, ясноглазый увидит тебя
И тут же обнимет (?) тебя, поцелует тебя».

Нинлиль с радостью следует советам матери:

В чистом потоке омылась женщина, в чистом потоке,
Пошла Нинлиль вдоль берега потока Нунбирду,
Ясноглазый властелин, ясноглазый,
«Великая гора», отец Энлиль ясноглазый увидел ее,
Пастырь... определяющий судьбы, ясноглазый увидел ее.

Властелин хочет с нею сочетаться, (?) она не желает,
Энлиль хочет с нею сочетаться (?), она не желает:
«Мое лоно мало, оно не знает соития,
Мои уста малы, они не умеют целовать....

Энлиль обращается к своему визирю Нуску и говорит о своем желании обладать прекрасной Нинлиль. Нуску дает ему барку. Энлиль вместе с Нинлиль плывут по реке, и во время этого плавания Энлиль силой овладевает девушкой. Так был зачат бог луны Син. Но богов встревожил этот безнравственный поступок, и, несмотря на то что Энлиль был их властелином, они схватили его и изгнали из города в подземное царство.

Следующий отрывок весьма любопытен, он в какой-то мере объясняет устройство шумерского пантеона:

Энлиль направился в Киур*.
И когда Энлиль вошел в Киур,
Великие боги, числом пятьдесят,
Судьбу вершащие боги, числом семь,
Схватили Энлиля в Киуре, (сказав):
«Энлиль, нечестивец, уходи из города!
Нунамнир (эпитет Энлиля), нечестивец,
уходи из города!»

И вот Энлиль, подчиняясь решению богов, направился в шумерский ад. Однако Нинлиль, уже носившая во чреве его ребенка, не захотела оставить Энлиля и последовала за ним в подземное царство. Мысль о том, что сын его Син, предназначенный править самым крупным светящимся небесным телом, луной, будет прозябать в мрачном, темном подземном мире, вместо того чтобы сиять на небесах, встревожила Энлиля. Чтобы избежать этого, он придумывает довольно сложный план. По дороге от Ниппура к аду путникам встречаются три живых существа (по-видимому, это низшие божества): страж адских врат, «человек адской реки» и перевозчик — шумерский Харон, переправлявший мертвых в ад через реку. Что же делает Энлиль? Он поочередно принимает облик этих трех служителей ада — первый в истории пример «божественной метаморфозы»! — и трижды оплодотворяет Нинлиль, чтобы она родила три божества подземного царства, которые могли бы заменить своего старшего брата Сина и позволить ему вознестись на небо.

Вот несколько отрывков (хотя следует подчеркнуть, что смысл отдельных строк все еще неясен и значение этой

* Киур — храм богини Нинлиль. — *Прим. пер.*

части мифа может быть в дальнейшем истолковано по-иному):

Энлиль в соответствии с тем, что ему было предписано,
Нунамнир в соответствии с тем, что ему было предписано.
Энлиль пошел, и Нинлиль последовала за ним.
Нунамнир пришел, и Нинлиль вошла.

Энлиль сказал привратнику:
«Человек двери, Человек замка,
Человек засова, Человек серебряного замка,
Твоя царица пришла!
Если она спросит обо мне,
Не говори ей, где я!»

Нинлиль сказала привратнику:
«Человек двери, Человек замка,
Человек засова, Человек серебряного замка,
Энлиль, твой повелитель, куда....»

Энлиль ответил вместо привратника:

«Мой повелитель не., прекраснейшая, прекрасная,
Энлиль не., прекраснейшая, прекрасная.

Мое верное печальное сердце...,
Вот что приказал мне Энлиль, повелитель всех стран».

«Энлиль поистине твой повелитель, но я — твоя повелительница».
«Если ты — моя повелительница, позволь моей руке коснуться
твоей щеки (?)».

«Семя твоего повелителя, семя лучезарное у меня во чреве,
Семя Сина, семя лучезарное у меня во чреве!»
«Так пусть семя моего повелителя вознесется вверх на небо,
Пусть мое семя уйдет вниз, в землю,
Пусть мое семя вместо семени моего повелителя уйдет
вниз, в землю!»

Энлиль в образе привратника возлег с нею в опочивальне.
Он слился с нею, поцеловал ее.
Слившись с нею, он поцеловал ее,
Он оставил в ее чреве семя Месламтаза

Затем Энлиль направляется к «реке подземного царства» (шумерскому Стиксу). Нинлиль следует за ним, и точно такая же сцена повторяется между Энлилем, «человеком подземной реки» и Нинлиль. Здесь Энлиль в образе «человека подземной реки» оплодотворяет Нинлиль семенем Ниназу, другого божества подземного царства.

Далее Энлиль идет к шумерскому Харону, перевозчику мертвых. Та же сцена повторяется снова, и Энлиль, на сей раз в образе перевозчика, оплодотворяет Нинлиль семенем третьего бога, чье имя не сохранилось на табличке; однако несомненно, что речь шла об одном из богов, осужденных влачить существование в загробном мире. Заканчивается миф кратким гимном Энлилю, дарящему изобилие и процветание — великому, могущественному богу, чье слово нерушимо.

Этот миф ярко иллюстрирует антропоморфный характер шумерских богов. Даже самые мудрые и могущественные среди них своим обликом, помыслами и деяниями походили на человека. Подобно людям, боги строили планы, действовали, пили, ели, женились, обзаводились семьями, вели большое хозяйство и были подвержены человеческим слабостям и недугам. В общем и целом они предпочитали истину лжи, а справедливость — насилию. Однако их побуждения далеко не всегда ясны для простого смертного.

Считалось, что боги обитают «на горе небес и земли, там, где восходит солнце», или, во всяком случае, находятся там, пока их присутствие не потребует в какой-либо определенной части вселенной, порученной их заботам. Каким именно способом боги передвигаются в пространстве, тоже не ясно. По сохранившимся источникам можно заключить, что бог луны путешествовал в ладье, бог солнца — на колеснице или, по другой версии, пешком, а бог бурь — на облаках. Однако подобные практические вопросы не слишком затрудняли шумерских мыслителей, и поэтому мы не знаем, как боги проникали в свои многочисленные храмы и святилища, рассеянные по всему Шумеру. Ничего не говорится и о том, каким образом они вкушали пищу. Жрецы, надо полагать, имели дело с изваяниями богов, которые были окружены величайшей заботой и почитанием. Но каким образом каменные, деревянные или металлические статуи могли обретать черты живых существ из плоти и крови, — этот вопрос шумерских мыслителей никогда не тревожил, точно так же, как и неразрешимое противоречие

между бессмертием и антропоморфным характером богов. Хотя боги считались бессмертными, они тем не менее должны были получать пищу, могли болеть и даже находиться при смерти; они сражались, наносили раны, убивали и сами могли быть не только ранены, но и убиты.

Несомненно, шумерские мудрецы придумывали многочисленные теологические тонкости, тщетно пытаясь избавиться от несовершенства и внутренних противоречий своей политеистической религии. Но, судя по сохранившимся данным, они никогда не пытались систематизировать свои взгляды, а потому мы, по всей вероятности, никогда не сможем составить о них достаточно полного представления. Во всяком случае противоречия своей религии им вряд ли удалось разрешить. От морального и интеллектуального тупика шумеров спасало то, что многие вопросы, неизбежно возникающие на нашем уровне мышления, наверняка никогда не приходили им в голову.

В III тысячелетии до н. э. в Шумере можно насчитать — по крайней мере по именам — несколько сот богов. Большинство из них известны нам не только по спискам, составленным в школах, но также благодаря перечням даров и жертвоприношений, сохранившимся на некоторых табличках, найденных за последнее столетие. Наконец, имена некоторых богов известны потому, что они встречаются в таких сочетаниях, как «Х-пастух», «Х с добрым сердцем», «подобный Х», «слуга Х», «возлюбленный Х», «полученный от Х» и т. п. (в каждом случае «Х» — имя какого-либо божества). Большинство этих божеств, так сказать, боги второстепенные, то есть жены, дети или слуги главных богов, которыми наделяли этих последних по аналогии с людьми. Многие имена, возможно, представляют собой лишь прозвища или эпитеты уже известных нам богов, но разобраться в этом весьма сложно. Несомненно одно: у шумеров было множество богов, которым они постоянно приносили жертвы, постоянно поклонялись и молились. Главнейшими среди этих сотен божеств были бог неба Ан, бог воздуха Энлиль, водяной бог Энки и великая богиня-мать Нинхурсаг. Эти четыре божества обычно возглавляют перечень богов и зачастую действуют вместе. На собраниях и пирах богов им всегда отводятся почетные места.

Есть все основания полагать, что бог неба Ан некогда считался у шумеров главным божеством всего пантеона, хотя в дошедших до нас источниках, восходящих примерно

к 2500 г. до н. э., эта роль приписывалась уже богу воздуха Энлилю.

Городом-государством, где находилось главное святилище Ана, был Урук. Долгое время Урук играл главенствующую роль в политической истории Шумера. (Об этом говорят находки немецкой экспедиции, которая незадолго до второй мировой войны обнаружила во время раскопок Урука сотни маленьких глиняных табличек, покрытых полупиктографическими значками, относящимися примерно к 3000 г. до н. э., то есть к той эпохе, когда письменность вообще была только что изобретена). Правда, Ану продолжали поклоняться по всему Шумеру и в последующие тысячелетия, однако он утратил свое главенствующее положение в пантеоне и отошел на второй план. Со временем его имя все реже упоминается в хвалебных гимнах и мифах, а его власть и могущество все в большей степени переходят к Энлилю.

Итак, главенствующим божеством шумерского пантеона, которое в первую очередь упоминалось во время совершения обрядов, в мифах и молитвах, стал бог воздуха Энлиль. Мы не знаем, какие обстоятельства заставили шумеров признать его верховным божеством, однако уже в древнейших доступных нам документах он именуется «отцом богов», «царем неба и земли», «владыкой всех стран». Цари и правители похвалялись, что получили власть над той или иной страной от самого Энлиля, что это Энлиль ниспослал им процветание и победу над врагами. Именно Энлиль «называл имя царя», «вручал ему скипетр» и «взирал на него благосклонным взглядом».

Из более поздних мифов и гимнов мы узнаем, что Энлиль считался добрым богом-творцом, определившим строение вселенной и создавшим ее наиболее благотворные силы. Это он сотворил день, он сжалился над людьми, он способствовал росту всех злаков, растений и деревьев на земле. Он был источником процветания и изобилия страны, изобретателем мотыги и плуга — первых сельскохозяйственных орудий, которыми стал пользоваться человек.

Я намеренно подчеркиваю здесь благотворность деяний Энлиля, чтобы исправить неверное представление о нем как о свирепом, разрушительном божестве бурь, чьи слова и поступки почти всегда причиняли зло, — ложное представление, которое укоренилось почти во всех учебниках и энциклопедиях, где идет речь о шумерской культуре и религии.

Как это часто случается, такое Ложное Представление возникло главным образом в результате археологической случайности. Среди древнейших опубликованных шумерских произведений оказалось по сравнению с другими текстами слишком много так называемых «плачей», в которых на долю Энлиля выпадает печальная необходимость принести несчастья и разрушения, почему-либо предписанные другими богами. Так и получилось, что первые шумерологи, да и некоторые их современные последователи, стали считать Энлиля свирепым богом-разрушителем. Однако сегодня, анализируя шумерские гимны и мифы, особенно те, что были опубликованы после 1930 г., мы видим, что на самом деле Энлиль был добрым, дружественным богом, по-отечески заботившимся о сохранности и благоденствии всего рода человеческого и, в частности, обитателей Шумера.

Один из наиболее важных гимнов, посвященных Энлилю, был восстановлен в 1953 г. при помощи множества отдельных табличек и фрагментов. В 1951—1952 гг., когда я работал в стамбульском Музее Древнего Востока, мне посчастливилось отыскать нижнюю часть той самой таблички в четыре столбца, верхняя часть которой находится в Музее Пенсильванского университета в Филадельфии (ее опубликовал еще в 1919 г. покойный ассириолог Стефан Лэнгдон). В том же 1952 г. совместная экспедиция Восточного института Чикагского университета и Музея Пенсильванского университета Филадельфии обнаружила при раскопках Ниппура еще один большой отрывок этого гимна. Текст его все еще не полон, и перевод представляет значительные трудности.

Начинается гимн восхвалением самого Энлиля, главным образом как бога, карающего злодеяния. Далее прославляется великий храм Энлиля в Ниппуре, носящий название Экур. Заканчивается гимн поэтическим перечнем разных благ цивилизации, ставших возможными благодаря Энлилю.

Ниже приводятся наиболее понятные отрывки из этого гимна, насчитывающего 170 строк:

Энлиль, чьи повеления достигают самых
отдаленных пределов, чье слово свято,
Повелитель, чьи решения нерушимы, чьи предначертания вечны,
Тот, кто взором охватывает все земли,

Тот, чей свет проникает в сердца всех земель,
Энлиль, вольно восседающий на белом помосте,
на высоком помосте,
Совершенствующий законы власти, господства и царства,
Тот, перед кем склоняются в страхе все боги земли,
Перед кем ничтожны боги небес....

Город (Ниппур), чей облик внушает страх и смирение.....
Неправедный, злой, угнетатель
..., доносчик,
Высокомерный, нарушитель договоров,—
Он (Энлиль) не терпит их злодеяний в городе.
Большая сеть....
Он не допустит, чтобы злодей и преступник избежали ее пут.

Ниппур — святилище, где обитает Отец, «Великая Гора»,
Помост изобилия, Экур, который возвышается...,
Высокая гора, чистое место...,
Владыка его, «Великая Гора», Отец Энлиль,
Избрал своим тронном помост Экура, возвышенное святилище.
О, храм,— его божественные законы непоколебимы, как небо,
Его священные обряды так же незыблемы, как земля.
Его божественные законы подобны божественным
законам бездны,— они непостижимы,
Его «сердце» подобно недоступному святилищу,
неведомому, как зенит....,

Его слова — молитвы,
Его голос — мольбы....,
Его ритуал бесценен,
Его празднества, струящие молоко и жир, богаты изобилием,
Его хранилища приносят радость и счастье,....,
Дом Энлиля, гора изобилия....
Экур, дом из лазурита, высокое обиталище, внушающее страх,
Ужас и преклонение перед ним достигают небес,
Тень его простирается на все земли,
Высота его достигает сердца небес.
Все правители и владыки приносят сюда свои священные дары,
свои приношения,
Здесь произносят они молитвы, мольбы и просьбы.

О Энлиль, пастырь, на которого ты взглянул (благоклонно),
Которого ты призвал и возвысил в стране,....,
Он повергает в прах все чужие страны, куда ступает его нога.

Умиротворяющие возлияния отовсюду,
 Жертвы из богатой добычи
 Он приносит (тебе); по хранилищам
 И обширным дворам распределяет он приношения.
 Энлиль, пастырь достойный, вечно движущийся,
 Первого пастуха среди имеющих дыхание сделал царем.
 Создал царскую власть,
 Возложил священную корону на его голову....

Небеса — там Энлиль-владыка; земля — там он первый;
 Ануннаки — он их верховный бог.
 Когда он, грозный, определяет судьбы,
 Ни один бог не смеет смотреть на него.
 Лишь своему славному советнику, своему приближенному Нуску
 Повеления и слова своего сердца
 Открывает он, извещает о них,
 Поручает ему исполнить свои всеобъемлющие повеления,
 Доверяет ему все священные правила, все божественные законы.

Без Энлиля, «Великой Горы»,
 Не было бы возведено ни одного города, не было бы
 заложено ни одного селения,
 Не было бы построено ни одного хлева, не было бы
 устроено ни одного загона,
 Не возвысился бы ни один царь, не родился бы
 ни один верховный жрец;
 Ни один жрец «мах» и ни одна верховная жрица не были бы
 избраны гаданием по внутренностям овцы.
 У работников не было бы ни смотрителя, ни надсмотрщика.....
 Реки в паводок не разливались бы,
 Рыбы морские не метали бы икру в зарослях тростника,
 Птицы небесные не вили бы гнезд на земных просторах,
 В небе летучие облака не отдавали бы свою влагу,
 Растения и травы, украшения равнины, не могли
 бы произрастать,
 В полях и на лугах богатые посевы не давали бы зерна,
 Деревья, посаженные в горных рощах, не приносили бы плодов...

Третье место среди шумерских богов занимал Энки, бог «бездны» («бездна» по-шумерски — «абзу»).

Энки был богом мудрости. Именно он упорядочил жизнь на земле согласно воле Энлиля, который давал общие указания. Конкретные же детали и их воплощение были пре-

доставлены изобретательному, искусному, отважному и мудрому Энки.

Так, например, в мифе, который можно назвать «Энки и мироздание, или устройство жизни на земле и цивилизации», дается как бы отчет о созидательной деятельности Энки, связанной с естественными и культурными процессами, играющими первостепенную роль в развитии цивилизации. Содержание этого мифа впервые было кратко изложено в моей книге «Шумерская мифология» (стр. 59—62). Кстати, он может служить яркой иллюстрацией того, насколько поверхностными были представления шумеров о природе и ее загадках (разумеется, с нашей точки зрения). Этот миф никоим образом не является попыткой установить происхождение каких-либо природных явлений или культурных процессов. Все они просто-напросто приписываются созидательному гению Энки: «Это сделал Энки». В тех случаях, когда речь вообще заходит о способах созидания, все приписывается слову и велению божьему.

Миф «Энки и мироздание» — это поэма, насчитывающая около 450 строк. Поэма начинается гимном в честь Энки (по-видимому, от имени автора поэмы, который превозносит Энки как божество, пекущееся о благе богов и людей). Затем сам Энки прославляет себя в следующих строках:

«Мой отец, царь неба и земли,
Дал мне явиться во славе на небе и на земле;
Мой предок (?), царь всех стран,
Собрал воедино все божественные законы и вложил их в
мою десницу.

Из Экура, дома Энлиля,
Я перенес искусство ремесел в мой (храм) Абзу, в Эриду.
Я — истинное семя великого дикого быка, старший сын Ана,
Могучий ураган, низвергающийся в „великое подземное (царство)“,
великий правитель Земли,
Первый среди вождей, отец всех стран,
„Старший брат“ богов, ниспосылающий благоденствие,
Подводящий счета всей вселенной,
„Ухо“ и „разум“ всех стран,
Вершащий правосудие вместе с царем Аном в небесном святилище,
Определяющий судьбы вместе с Энлилем в стране мудрости,—
(Ибо) он (Энлиль) вложил в мои руки определение судеб того
места, где восходит солнце.

Меня истинно возлюбила богиня Нинту,
Я тот, кто получил доброе имя от Нинхурсаг,
Я глава Ануннаков (великих богов),
Первый сын, рожденный от божественного Ана....»

Далее следует короткая молитва — славословие великих богов Ануннаков, после чего Энки, «испытывая великую радость», еще раз восхваляет самого себя. Этот гимн начинается следующим строками:

«Я повелитель, твердый в своих решениях, в их исполнении,
По моей воле воздвигнуты хлева, огорожены загоны для овец,
Я приближаюсь к небесам, и дождь льет с высоты,
Я приближаюсь к земле, и разливается могучий паводок....»

Заканчивается это самовосхваление так:

«Страны... Маган и Дильмун взирали на меня (Энки),
Суда Дильмуна привозили (?) лес,
Суда Магана нагружены до неба,
Барки „магилум" из Мелуххи
Везут золото и серебро,
Привозят все в Ниппур для Энлиля, царя всех земель».

Затем следует краткий гимн от имени великих богов Ануннаков. Энки готовится «отправиться на свою землю», чтобы выполнить свой божественный долг. После сильно поврежденного, неясного отрывка, где речь идет о «повелителях», «вождях» и святых людях Эриду и Шумера, Энки определяет судьбы Шумера:

«О Шумер, великая земля среди всех земель вселенной,
Залитая немеркнущим светом, определяющая божественные законы
для (всех) народов от восхода до заката!
Твои божественные законы — славные законы и неизменные,
Твое сердце глубоко и неведомо,
Истинное знание, которое ты несешь..., недостижимо, как небеса.
Царь, порожденный тобою, навек увенчан диадемой,
Правитель, порожденный тобою, увенчан короной навсегда.
Твой правитель — почитаемый правитель вместе с владыкой Аном
он восседает на небесном помосте.
Твой царь — „Великая Гора", отец Энлиль,....,
Ануннаки, великие боги,

Избрали тебя своим обиталищем,
В твоих обширных рощах они вкушают пищу.
О дом Шумера, да будут хлева твои многочисленны,
да приумножатся твои коровы,
Да будут овчарни твои многочисленны, да будут овцы твои
бесчисленны,...,
Пусть твои нерушимые храмы возносят руки к небесам,
Пусть Ануннаки вершат судьбы здесь!»

После этого Энки направляется к Уру, который во время создания поэмы, очевидно, был главным городом Шумера, и благословляет Ур:

В Ур, святилище, он пришел,
Энки, царь бездны, и определил его судьбу:
«О город, всем обеспеченный, омываемый водами неиссякаемыми,
незыблемый бык,
Помост изобилия страны, колени раздвинутые, зеленая гора,
О лес «хашур», богатый тенью, более славный, чем..,
Да будут твои божественные совершенные законы направлены
на благо!
«Великая Гора» Энлиль произнес твое славное имя на небесах
и на земле.
Город, чьи судьбы определил Энки,
Святилище Ур, да вознесешься ты до небес!»

Затем Энки приходит в Мелухху, на «черную гору» [возможно, речь идет об Эфиопии (Нубии)]. Весьма примечательно, что Энки относится к этой стране почти так же благожелательно, как к самому Шумеру. Он благословляет здесь деревья и тростники, быков и птиц, золото и серебро, медь и бронзу, а также обитателей этой страны.

Из Мелуххи Энки возвращается на землю Тигра и Евфрата. Он наполняет обе реки искрящейся водой и поручает их заботам бога Энбилулу. Затем он пускает в реки рыбу и поручает следить за ними некоему божеству, названному «сын Кеша». Затем Энки обращает внимание на море — Персидский залив. Он определяет законы его движения и поручает его богине Сираре.

Далее Энки призывает ветры и ставит во главе их бога Ишкура, «который скачет на грозах и бурях». После этого

Энки определяет обязанности плуга, ярма, полей и растений:

Он направил плуг и ярмо,
Великий властитель Энки....
Провел священные борозды,
Заставил зерно произрастать на вечном поле.
Энки поручил (все это)
Повелителю, жемчужине и украшению равнины,
Впитавшему мощь земли землепашцу Энлиля,
Энкимду, богу каналов и рвов.
Потом повелитель воззвал к вечному полю
и заставил его выращивать зерно «гуну».
Энки заставил его давать в изобилии бобы мелкие и крупные.
....зерно он собрал для закромов.
Энки присоединил амбар к амбару,
Вместе с Энлилем он умножил изобилие.
Повелительницу, которая.., источник силы народа,
несокрушимую опору страны «черноголовых»,
Силу всего сущего, богиню Ашнан,
Энки сделал хранительницей (зерна).

Теперь Энки принимается за мотыгу и форму для выработки кирпича, которые он поручает богу кирпича Кабта. Затем он создает строительный инструмент «гугун», закладывает фундамент и строит дома,веряя их попечению Мушдаммы, «великого зодчего Энлиля». После этого Энки создает на равнине всякие формы животной и растительной жизни и поручает надзирать над ними «царю гор» Сумугану. Энки строит хлева и овчарни, наполняет сосуды молоком и сливками и назначает хранителем бога-пастуха Думузи.

Энки проводит границы в соответствии с договорами и поручает соблюдать их «во всей вселенной» солнечному богу Уту, «судье и посреднику богов». И, наконец, Энки «создал нить», усовершенствовал «ремесло женщины» и поручил его богине ткачества Утту.

Здесь сюжет мифа приобретает довольно неожиданный оборот. В дело вмешивается честолюбивая и воинственная богиня любви и войны Инанна. По-видимому, ее задело то, что, распределяя власть и права между женскими божествами, Энки совершенно обошел ее. И вот Инанна «вошла в

дом Энки» и «смиренно», как утверждает автор, изложила свои претензии.

Начала она так:

«Судьбы великих богов Ануннаков

Энлилль вручил тебе.

Почему ко мне, женщине, ты отнесся иначе?

Почему мне, божественной Инанне, не дал никакой власти?»

Далее Инанна называет других значительных богинь и перечисляет их привилегии. Так, богиня Аруру (она же Нинту) завладела «сосудом из лазурита» и получила право назначать «царей и правителей» в стране. Сестра Инанны Нинисинна завладела «драгоценными украшениями» и стала любимицей небесного бога Ана. Другая сестра — Нинмуг — завладела «золотым веретеном (?)» (но какую власть она получила, неизвестно, так как эта строка сильно повреждена). Наконец, третья сестра — Нидаба — завладела измерительной веревкой и следит за соблюдением границ и договоров, а также заведует «пищей и питьем богов». Что же касается самой Инанны, то ей остается лишь повторить свою жалобу:

«Почему ко мне, женщине, ты отнесся иначе?

Почему мне, божественной Инанне, не дал никакой власти?»

Энки отвечает весьма пространно и подробно. Очевидно, он дает Инанне большую власть и многочисленные права, но, к сожалению, последние 50 строк поэмы плохо сохранились, а потому смысл даже уцелевших строчек зачастую неясен. Предположительно, Энки наделяет Инанну «посохом овечьего пастыря», всевозможными одеяниями, любовью к битвам и разрушению и, наконец, способностью привлекать мужчин.

Четвертым созидательным божеством была богиня-мать Нинхурсаг, известная также под именем Нинмах («высокая госпожа»). Ранее, в более древние времена, она пользовалась еще большим почетом, и имя ее в различных списках богов часто ставилось даже впереди имени Энки. Есть основания предполагать, что прежде она звалась Ки («Земля») и считалась супругой Ана («Неба») и что эти два божества породили всех остальных богов. Кроме того, Нинхурсаг имела имя Нинту («госпожа, давшая жизнь»). Все ран-

ние правители Шумера любили говорить о себе, что они «вскормлены непогрешимым молоком Нинхурсаг». Она считалась прародительницей всех живых существ, богиней-матерью.

Один из мифов о Нинхурсаг приписывает этой богине важную роль в сотворении человека (см. гл. 15); согласно другому мифу, она породила ряд божественных потомков. Этот миф напоминает эпизод с «запретным плодом» (см. гл. 21).

Наконец, мы доходим до так называемых «ме», божественных законов и установлений, которые, по мнению шумерских философов, управляли вселенной со дня ее сотворения и поддерживали вечный круговорот мироздания. В данном случае у нас нет недостатка в прямых свидетельствах, особенно в отношении законов «ме», управлявших человеком и обществом.

Один из древних поэтов, создавая или просто редактируя очередной миф, счел необходимым перечислить все относящиеся к жизни общества законы «ме». Для этого он разделил цивилизацию своего времени на сто с лишним элементов. Из них пока расшифровано только шестьдесят наименований, да и то в ряде случаев из-за отсутствия контекста мы имеем весьма слабое представление об их истинном значении. Но и того, что расшифровано, достаточно для характеристики этой первой письменно зафиксированной попытки исследования культуры, выразившейся в перечне того, что сегодня определяется общим термином «атрибуты цивилизации». Этот перечень представляет собой список всевозможных учреждений, жреческих функций, ритуальных принадлежностей, эмоциональных и интеллектуальных состояний, различных верований и доктрин.

Вот наиболее понятные отрывки из этого перечня в той последовательности, в какой они стоят в древнем тексте: 1) верховная власть; 2) власть богов; 3) возвышенная и вечная корона; 4) царский трон; 5) возвышенный скипетр; 6) знаки царской власти; 7) возвышенное святилище; 8) власть пастыря; 9) царская власть; 10) вечная власть госпожи; 11) божественная госпожа (жреческий сан); 12) «ишиб» (жреческая должность); 13) «лумах» (жреческая должность); 14) «гутуг» (жреческая должность); 15) истина; 16) нисхождение в подземное царство; 17) восхождение из подземного царства; 18) «кургарру» (евнух); 19) «гирбадара» (евнух); 20) «сагурсаг» (евнух); 21) бое-

вое) знамя; 22) потоп; 23) оружие (?); 24) половая связь; 25) проституция; 26) закон (?); 27) клевета (?); 28) искусство; 29) ритуальный зал; 30) «небесная иеродула»; 31) «гусилим» (музыкальный инструмент); 32) музыка; 33) старейшинство; 34) героизм; 35) власть; 36) вражда; 37) прямота (честность); 38) разрушение городов; 39) сетования; 40) радость сердца; 41) ложь; 42) непокорная (восставшая) страна; 43) доброта; 44) правосудие; 45) искусство обработки дерева; 46) искусство обработки металлов; 47) искусство писца; 48) ремесло кузнеца; 49) ремесло кожевенника; 50) ремесло строителя; 51) ремесло корзинщика; 52) мудрость; 53) внимание; 54) священное очищение; 55) страх; 56) ужас; 57) раздоры; 58) мир; 59) усталость; 60) победа; 61) совет; 62) смущенное сердце; 63) приговор; 64) решение; 65) «лилис» (музыкальный инструмент); 66) «уб» (музыкальный инструмент); 67) «меси» (музыкальный инструмент); 68) «ала» (музыкальный инструмент).

Этот перечень дошел до нас благодаря тому, что он включен в ткань мифа об Инанне, одной из наиболее популярных богинь древнего Шумера. Список (в него входит более 100 культурных понятий) повторяется в мифе *четыре* раза, поэтому большую часть его и удалось восстановить, несмотря на многочисленные пробелы. Уже в 1911 г. Дэвид У. Мирмэн опубликовал фрагмент этого мифа, хранящийся в Музее Пенсильванского университета. Три года спустя Арно Пёбель опубликовал другую табличку из филадельфийского собрания с отрывком того же произведения. Это большая, хорошо сохранившаяся табличка в 6 столбцов, у которой отбит лишь верхний левый угол. Угол этот мне посчастливилось обнаружить в 1937 г. в Музее Древнего Востока в Стамбуле.

Хотя большая часть мифа была опубликована уже в 1914 г., долгое время никто не брался за его перевод, так как содержание этого произведения казалось бессмысленным и лишенным логической связи. Маленький отрывок, найденный мною в Стамбуле, дал ключ к пониманию прелестной сказки о богах Шумера, почти ничем не отличавшихся от людей. Сюжет ее, кратко изложенный и впервые проанализированный в «Шумерской мифологии», сводится к следующему.

Царица небес, покровительница Урука, богиня Инанна задумала умножить мощь и благосостояние своего города.

сделать его центром шумерской цивилизации и таким образом возвеличить свое имя и добиться всеобщего почитания. Для этого она отправляется в Эриду, древний очаг шумерской культуры, где Энки, Властелин Мудрости, «знающий самое сердце богов», пребывает в своей водяной бездне, храме Абзу. Энки владеет всеми божественными законами («ме»), на которых зиждется цивилизация. Если Инанне удастся добром или обманом заполучить эти законы и доставить их в свой город Урук, слава Урука и ее самой будет непревзойденной.

Когда Инанна приближается к Абзу, Энки, явно очарованный ею, зовет своего посланца Исимуда и говорит ему:

«Приблизься, мой посланец Исимуд, склони
ухо к моим словам.

Сейчас я выскажу повеление; внимай ему!

Юная девушка, совсем одна, направила стопы свои к Абзу,

Инанна, совсем одна, направила стопы свои к Абзу,

Впусти юную девушку в Абзу города Эриду,

Впусти Инанну в Абзу города Эриду.

Угости ее ячменной лепешкой с маслом,

Налей ей холодной воды, освежающей сердце,

Напои ее пивом из „львиной морды" *

За священным столом, за Столом Небес,

Встреть Инанну словами приветствия!»

Исимуд в точности выполняет повеление своего господина. Инанна и Энки садятся пировать. От крепких напитков они развеселились, и Энки восклицает:

«Клянусь моим могуществом, клянусь
моим могуществом,
Божественной Инанне, дочери моей, я подарю
божественные законы!»

Затем он дарит Инанне более ста «божественных законов», которые являлись неотъемлемой частью жизни шумерского общества. Инанне только того и надо: она с радостью принимает дары опьяневшего Энки, грузит законы на свою

* «Львиная морда» — очевидно, сосуд в форме львиной головы.—
Прим. пер.

Небесную барку и отплывает с драгоценной добычей в Урук.

Но едва опьянение после пиршества проходит, Энки замечает, что божественных законов «ме» нет на их обычном месте. Он спрашивает Исиму́да, который объясняет ему, что это он, Энки, подарил законы своей дочери Инанне. Энки горько сожалеет о своей неуместной щедрости и решает любой ценой помешать Небесной барке достигнуть Урука. Для этого он отправляет Исиму́да и несколько морских чудовищ вслед за Инанной.

На первой из семи стоянок, отделяющих Абзу города Эриду от Урука, морские чудовища должны захватить Небесную барку, а что касается Инанны, то ее Энки приказывает отпустить, — пусть возвращается домой пешком.

Отрывок, в котором Энки дает указания Исиму́ду, а также диалог между Исиму́дом и Инанной, которая порицает своего отца за то, что он требует возратить ему полученный Инанной дар, — в своем роде поэтические шедевры.

«Властитель призвал Исиму́да, своего посланца,
Энки отдал приказ Доброму Имени Небес:
„О Исиму́д, мой гонец, мое Доброе Имя Небес!“
„О мой царь, благословенный навеки, я здесь“.
„Где сейчас Небесная барка?“
„Она сейчас в гавани Идаль“.
„Поспеши туда, и пусть морские чудовища
отнимут ее у Инанны!“»

Исиму́д повинуется, догоняет Небесную барку и говорит Инанне:

«О моя царица, твой отец послал меня к тебе,
О Инанна, твой отец послал меня к тебе.
Твой отец, возвышенный в своих речах,
Энки, возвышенный в своих изречениях,—
Его пророческими словами нельзя пренебрегать».

Божественная Инанна отвечает:

«Мой отец, что сказал он, что повелел он?
Какие пророческие слова, которыми нельзя
пренебрегать, изрек он?»
«Мой царь сказал мне,

Энки повелел мне:

„Пусть Инанна возвращается в Урук,
Но ты приведи мне Небесную барку в Эриду!“»

Божественная Инанна говорит Исимуду, посланцу:

«Почему, скажи мне, мой отец изменил свое решение?
Почему он нарушил слово, которое дал мне?
Почему он унизил пророческое слово, которое мне сказал?
Мой отец дал мне ложное слово, дал мне ложное слово,
Он ложно поклялся своим могуществом и своим Абзу!»»

Едва она произнесла эти слова, как морские чудовища схватили Небесную барку. Тогда Инанна говорит своему посланцу Ниншубуру:

«Ко мне, верный посланец Инанны,
Мой вестник добрых слов,
Мой вестник истинных слов,
Чья рука не знает дрожи, чья нога не знает усталости,
Спаси Небесную барку и божественные законы,
подаренные Инанне!»»

Ниншубур исполняет приказ Инанны. Однако Энки не отступает. Он посылает Исимуду в сопровождении различных морских чудовищ на каждую из семи стоянок между Эриду и Уруком, чтобы завладеть Небесной баркой. Но Ниншубур каждый раз приходит на помощь Инанне. В конце концов Инанна со своей добычей благополучно добирается до Урука и там, среди всеобщего ликования, выгружает божественные законы один за другим.

Мыслители Шумера не создали четкого философского учения. Точно так же у них не было и достаточно ясной системы моральных принципов или заповедей. У шумеров не было специального свода этических норм, поэтому все сведения об их этике и морали приходится извлекать из самых различных литературных текстов древнего Шумера.

Следующая глава посвящена рассмотрению некоторых аспектов шумерской этики и соответствующих источников.

15. ЭТИКА

Первые моральные идеалы

Мыслители Шумера, в соответствии с их мировоззрением, не слишком верили в человека и его предназначение. Они были твердо убеждены, что человек вылеплен из глины и вообще создан богами только для того, чтобы приносить им еду и питье, строить для них святилища и всячески прислуживать им, дабы боги могли, ни о чем не заботясь, заниматься своими божественными делами. Жизнь, согласно такому мировоззрению, полна неопределенности и неожиданных опасностей, ибо человек не может знать заранее свою судьбу, которой распорядились боги в своей непостижимой премудрости. А когда человек умирает, его бесплотный дух спускается в темное и мрачное подземное царство, где влачит жалкое существование, являющееся лишь бледным отражением земной жизни.

Шумеров никогда не волновала сложная проблема свободы воли, одна из тех основных моральных проблем, которые больше всего занимают философов Запада. Совершенно убежденные в том, что боги создали человека только для собственного удовольствия, мыслители Шумера признавали подчиненную роль человека так же слепо, как и божественное предначертание, определившее, что конечным уделом людей является смерть, а уделом богов — бессмертие.

Шумеры считали, что все те высокие моральные качества и добродетели, которые, без сомнения, возникли в результате медленной и трудной эволюции на основе опыта общественного и культурного развития Шумера, были дарованы богами. По их мнению, всё предreshали боги, а человек лишь следовал божественным предначертаниям.

Согласно сохранившимся записям, шумеры высоко ценили истину и доброту, закон и порядок, справедливость и свободу, добродетель и откровенность, сочувствие и милосердие. И, естественно, они отвергали ложь и зло, беззакония и беспорядок, несправедливость и угнетение, порок и извращенность, жестокость и неумолимость. Цари и правители постоянно похвалялись тем, что они установили в стране законность и порядок, защитили слабого от сильного, бедного от богатого и положили конец злу и насилию. В уникальном документе, о котором уже шла речь в 7-й

главе, правитель Лагаша Урукагина, живший в XXIV в. до н. э., гордо сообщает, что он вернул правосудие и свободу многострадальным гражданам, расправился с ненасытными и жестокими чиновниками, положил конец несправедливостям и угнетению и защитил сирот и вдов.

Не прошло и 400 лет, как основатель III династии Ура Ур-Намму издал свои законы (см. гл. 8) и в свою очередь поведал о некоторых достижениях этического порядка. Во вступительной части свода законов Ур-Намму говорится о том, что он избавил народ от многих наиболее распространенных злоупотреблений со стороны чиновников, урегулировал систему мер и весов, чтобы торговля шла честно, позаботился о вдовах, сиротах и бедняках, запретив обманывать и обижать их.

Еще лет через 200 правитель Исина Липит-Иштар издал новый свод законов, в котором похвалялся, что великие боги Ан и Энлиль поставили его на царство, «дабы он установил на земле правосудие, устранил всякий повод для жалоб, изгнал силой оружия всех врагов и бунтовщиков и принес жителям Шумера и Аккада благоденствие».

Помимо этого, сохранилось множество гимнов, восхваляющих других шумерских правителей, которым приписываются не менее высокие моральные и этические качества.

По убеждению шумерских мудрецов, боги всегда предпочитают высоконравственные поступки аморальным. В шумерских гимнах почти все главные божества прославляются за их приверженность к добру, справедливости, истине и добродетели. Многие из них, например бог солнца Уту, специально наблюдали за соблюдением этических норм. Другое божество — богиня Нанше, почитавшаяся в Лагаше, — упоминается в некоторых текстах как богиня, приверженная к истине, правосудию и милосердию. Но мы только сегодня начинаем догадываться о том, какую значительную роль играла эта богиня в определении этических и моральных устоев шумерского общества.

В 1951 г. из девятнадцати табличек и фрагментов, найденных в Ниппуре, был составлен шумерский гимн, насчитывающий около 250 строк. В нем содержатся наиболее полные этические и моральные заповеди, когда-либо обнаруженные в шумерских текстах.

Богиня Нанше описывается в этом гимне в таких выражениях:

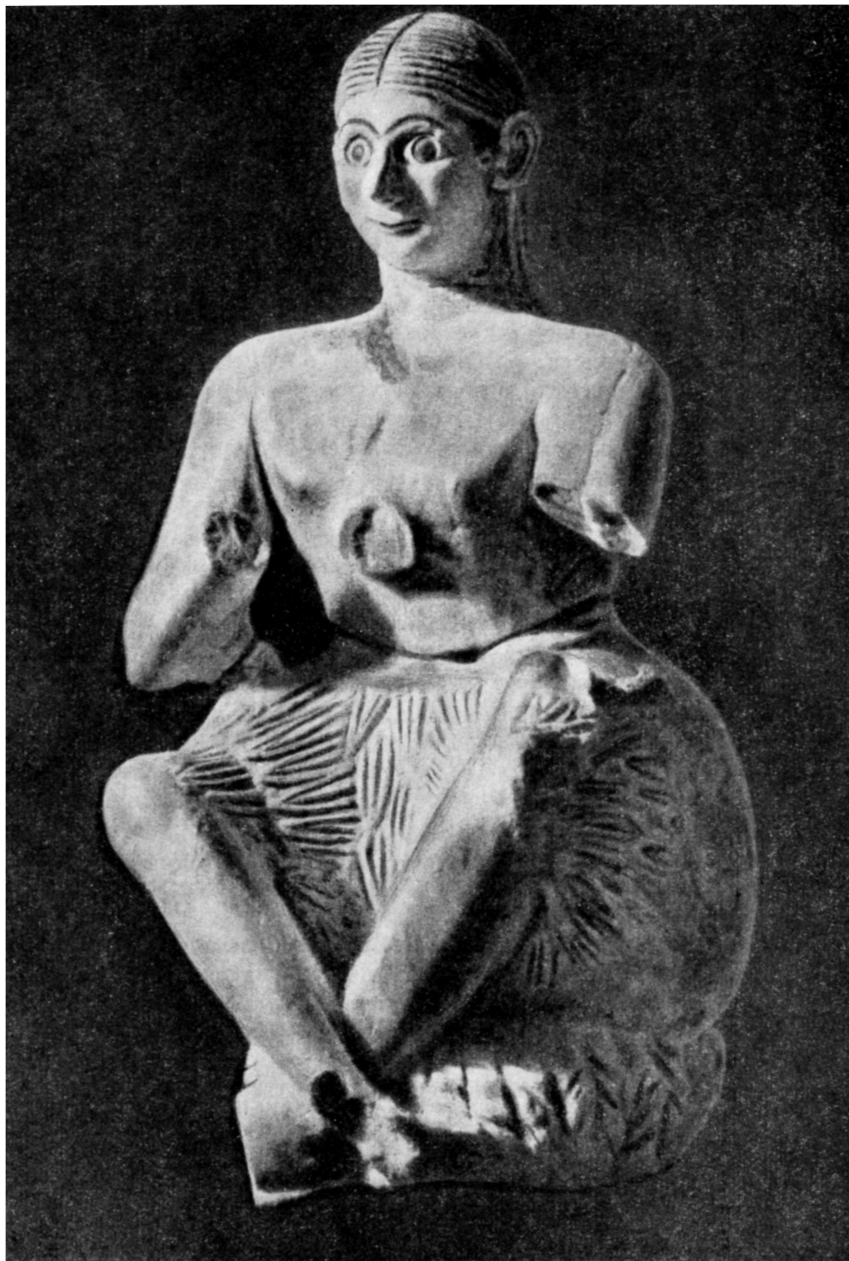

Рис. 7. Ур-Нанше, певец

Та, кто знает сироту, та, кто знает вдову,
Та, кто знает угнетение человека человеком,
та, кто мать сироте,
Нанше, заботится о вдове,
Доживаетея (?) правосудия (?) для последнего бедняка (?).
Царица, привлекающая беженца к себе на лоно,
Дающая убежище слабому.

В следующем далее отрывке, смысл которого все еще не вполне ясен, рассказывается о том, как Нанше судит род человеческий в первый день нового года. Рядом с нею восседают Нидаба, богиня письма и счета, муж Нидабы Хайа, а также многочисленные свидетели. Гнев богини вызывают люди неправедные:

Тот, кто идет путем порока, тяготеет к произволу...,
Тот, кто не выполняет установленные правила, нарушает договоры,
Тот, кто взирает благосклонно на места гибели,....,
Тот, кто подменяет тяжелую гирю легкой гирей,
Тот, кто подменяет большую меру малой мерой,....,
Тот, кто съев (нечто ему не принадлежащее), не говорит:
«Я это съел».

Тот, кто выпил и не говорит: «Я это выпил»,....,
Тот, кто говорит: «Я хочу съесть запретное»,
Тот, кто говорит: «Я хочу выпить запретное».

Социальные обязанности Нанше определяются в таких выражениях:

Чтобы утешить сироту, чтобы не было больше вдов,
Чтобы подготовить место, где будут уничтожены сильные,
Чтобы отдать сильных в руки слабым,....
Нанше проникает взором в сердца людей.

Итак, шумеры считали, что великие боги по природе своей добродетельны. Тем не менее они верили, что, создавая человеческую цивилизацию, эти же самые боги внесли в нее зло, угнетение, ложь, насилие,— короче, все пороки, свойственные человеческому обществу. Например, в списке «ме» — законов, установленных богами, дабы упорядочить ход мироздания, сделать его безостановочным и гармоничным,— фигурируют не только понятия «истина», «мир»,

«добро» и «справедливость», но также «ложь», «раздоры», «сетования» и «страх».

Для чего же боги сотворили грех, зло, страдания и несчастья? [Один шумерский мыслитель-пессимист (см. главу 16) даже сказал: «Ни одно дитя не рождается от женщины беспорочным»!] Судя по имеющимся в нашем распоряжении текстам, если шумеры и задавали себе такой вопрос, то ответа на него они не знали, да и не искали. Воля и замыслы богов зачастую оставались для них совершенно непостижимыми. Так, шумерский «Иов», вместо того чтобы роптать и жаловаться на незаслуженную кару, лишь стонет, проливает слезы и кается в грехах и прегрешениях, которые невольно совершил.

Но что же сами боги? Могли ли они обратить внимание на одинокого и ничем не замечательного смертного, когда он простирался перед ними и смиренно взывал к ним? Мыслители Шумера не очень-то в это верили. По их мнению, боги были подобны правителям земного мира, и, разумеется, у них находились дела поважнее. Имея дело с земными царями, необходимо было сначала обращаться к их приближенным; желая общаться с богами, простой смертный должен был прибегать к помощи особых посредников, к которым боги благоволили, только через них его мольба могла быть услышана. Отсюда у шумеров и возник культ «личных богов», своего рода ангела-хранителя, имевшегося у каждого человека и у каждой главы семьи и как бы давшего ему жизнь. Именно к ним, к своим личным божествам, обращались шумеры с мольбами и молитвами, и только через них надеялись получить помощь и спасение.

Как уже говорилось, в основе всех этических представлений шумеров лежало твердое убеждение в том, что человек был создан из глины для служения богам. Наиболее яркое свидетельство об этом содержится в двух древних мифах. Первый из них целиком посвящен сотворению человека. Второй повествует о споре двух низших божеств, но самому опору предшествует любопытное введение, в котором подробно объясняется, почему и для чего создан человек.

Текст мифа о сотворении человека сохранился на двух идентичных табличках. Одна из них обнаружена в Ниппуре и принадлежит Музею Пенсильванского университета в Филадельфии, а другая, приобретенная у какого-то торговца древностями, хранится в Лувре. Луврская табличка

и большая часть филиладельфийской были транскрибированы и опубликованы еще в 1934 г., однако содержание их долго оставалось неясным. Табличка Музея Пенсильванского университета, сохранившаяся лучше луврской, была доставлена в Филадельфию лет 40—50 назад, в виде четырех обломков. В 1919 г. два фрагмента удалось опознать и соединить; их транскрибировал и опубликовал Стефан Лэнгдон. В 1934 г. Эдуард Чиера опубликовал третий фрагмент, но не сумел определить, что его фрагмент примыкает к двум уже опубликованным в 1919 г. Лэнгдоном. Я обратил на это внимание лет десять спустя, когда пытался восстановить текст всего мифа для моей «Шумерской мифологии». Примерно в то же время я обнаружил в коллекции филиладельфийского музея четвертый, еще не изданный фрагмент, дополняющий три первых. Только после этого стало, наконец, возможным расположить все четыре отрывка в должном порядке и попытаться хотя бы приблизительно восстановить содержание всего мифа, хотя текст все еще продолжал оставаться весьма трудным для понимания из-за многочисленных пропусков *.

Поэма начинается с описания затруднений, которые по видимому испытывали боги, добывая для себя пищу,— особенно после того, как на свет появились женские божества. Боги жалуются на эти трудности, однако бог воды Энки, который мог бы им помочь, будучи одновременно и богом мудрости, спит глубоким сном на дне моря и не слышит их жалоб. Тогда его мать Намму, первородный океан, «мать, давшая жизнь всем богам», доносит до Энки жалобы богов и говорит ему:

«О мой сын, встань со своего ложа, со своего...,
сотвори то, что мудро,
Сотвори служителей для богов, дабы они
производили себе подобных (?)».

Энки обдумывает слова матери, потом становится во главе множества «превосходных и царственных мастеров» и отвечает ей:

«О моя мать, существо, имя коего ты назвала, уже есть,—
Запечатлей в нем образ (?) богов!

* См. S. N. Kramer, *Sumerian Mythology*, Philadelphia, 1944, pp. 68—72.

Замеси сердце глины, что над бездной,—
Превосходные и царственные мастера сделают глину густой.

Ты же дай рождение конечностям,
Нинмах (мать-земля) потрудится перед тобой,
Богини (рождения)... будут стоять подле тебя, пока ты лепишь.
О, моя мать, определи судьбу его (новорожденного)!

Нинмах запечатлит в нем образ (?) богов.
Это — человек...»

Здесь автор отвлекается от сотворения человека вообще и рассказывает о сотворении различных несовершенных человеческих типов, пытаясь объяснить существование уродов. Вот как это произошло. Энки устроил пир, очевидно в честь сотворения человека. На пиру Энки и Нинмах выпили лишнего и решили развлечься. Нинмах взяла немного глины и слепила шесть уродов, а Энки завершил ее труд: он определил их судьбы и «дал им вкусить хлеба». Что собой представляли первые четыре урода, трудно понять; пятой была бесплодная женщина, а шестым — существо, лишенное пола. Вот что о них говорится в тексте:

...Она (Нинмах) сделала женщину, неспособную рожать,
Энки увидев эту женщину, неспособную рожать,
Определил ее судьбу и решил, что она должна пребывать
в «женском доме».

...Она (Нинмах) сделала существо без мужских органов
и без женских органов.

Энки, увидев это существо без мужских органов и без
женских органов,
Определил его судьбу и решил, что оно должно предстать
перед царем.

Затем, чтобы не отстать от Нинмах, сотворившей шесть уродов, Энки решает что-нибудь создать в свою очередь. Как и что он делает, не совсем ясно, однако в конечном счете его постигает неудача: он создает существо слабое, скорбное духом и немощное телом. Тогда Энки обращается к Нинмах с просьбой помочь этому несчастному созданию:

«Я определил судьбу того, кто был слеплен твоей рукой,
Я дал ему вкушать хлеб.

Определи теперь ты судьбу того, кто слеплен моей рукой,
Дай ему вкушать хлеб!»

Нинмах готова помочь несчастному, но у нее ничего не выходит. Она заговаривает с ним, однако не получает ответа. Она дает ему хлеб, но тот его не берет. Он не может ни сидеть, ни стоять, ни преклонить колени.

Далее следует длинный разговор, между Энки и Нинмах, но в этом отрывке столько пропусков, таблички так повреждены, что разобрать смысл невозможно. В конце концов Нинмах, очевидно, проклинает Энки за то, что тот создал такое слабое, нежизнеспособное существо, а Энки воспринимает ее проклятие как должное.

Второй миф можно назвать «Скот и зерно». Он очень интересен для выяснения взглядов шумеров на сотворение человека. Это произведение относится к жанру литературных споров, который был весьма популярен среди авторов древнего Шумера.

Спорящими сторонами выступают бог скота Лахар и его сестра, богиня зерна Ашнан. Оба они, согласно мифу, были созданы в «зале созидания» богов для того, чтобы у великих богов Ануннаков, детей небесного бога Ана, было вдоволь еды, питья и одежды. Однако Ануннаки не знали, что делать со скотом и зерном, пока не был сотворен человек. Об этом рассказывается во вступительной части мифа:

Когда на горе небес и земли
Ан породил Ануннаков,
Имя Ашнан еще не было рождено, не было создано,
Утту (богиня ткачества) еще не была создана,
Святилище для Утту еще не было воздвигнуто,
А потому еще не было овец, не рождались еще ягнята,
Не было еще коз, не рождались еще козлята,
Овца еще не родила своих двух ягнят,
Коза еще не родила своих трех козлят.

Великие боги Ануннаки еще не знали
Имени мудрой Ашнан и имени Лахара,
А потому тридцатидневного зерна «шеш» еще не было,
Сорокадневного зерна «шеш» еще не было,
Мелких зерен, горных зерен, зерен благородных,
живых созданий еще не было.

Утту еще не родилась, растительная (?) корона
еще не была создана,
Повелитель... еще не родился,

Сумуган, бог равнины, еще не явился,
А потому, подобно роду человеческому в день его сотворения,
Они (Ануннаки) не вкушали хлеба,
Не прикрывались одеждой,
Жевали растения, как овцы,
И пили воду из канав.

В те дни в «зале созидания» богов
В их доме Дуку были созданы Лахар и Ашнан.
То, что давали Лахар и Ашнан,
Ануннаки из дома Дуку съедали, но не утоляли голода.
В своих превосходных овчарнях молоко «шум»
Ануннаки из дома Дуку выпивали, но не утоляли жажды.
И вот, чтобы следить за их превосходными овчарнями,
Человек получил дыхание жизни.

В следующем за введением отрывке повествуется о том,
как Лахар и Ашнан спускаются с небес на землю и приносят
человечеству дары цивилизации:

В те дни Энки сказал Энлилю:
«Отец Энлиль, пусть Лахар и Ашнан,
Созданные в доме Дуку,
Спустятся из дома Дуку!»

По священному повелению Энки и Энлиля
Лахар и Ашнан спустились из Дуку.
Для Лахара они (Энки и Энлиль) устроили овчарню,
Подарили ему растений и трав в изобилии.
Для Ашнан они построили дом,
Подарили ей плуг и ярмо.

Лахар в своей овчарне —
Это пастух, пекущийся об изобилии в овчарне.
Ашнан среди своих посевов —
Это дева приветливая и щедрая.

Изобилие, даруемое небесами,
Лахар и Ашнан являют (на земле).
Собранию (?) они приносят изобилие,
Стране они приносят дыхание жизни.
Они следят за выполнением божественных законов.
Они умножают содержимое хранилищ,
Они наполняют закрома доверху.

В дом бедняка, стоящий на праге,
Они входят и приносят изобилие.
Всюду, где пребывают они вдвоем,
Они приносят в дом полновесную прибыль.
Место, где они пребывают, они насыщают, место,
 где они восседают, они снабжают пищей,
Они радуют сердца Ана и Энлиля.

Но вот Лахар и Ашнан выпивают слишком много вина и начинают ссориться. Каждый из них восхваляет свои дела и старается преуменьшить заслуги противника. Наконец в спор вмешиваются Энлиль и Энки и объявляют победительницей богиню зерна Ашнан.

Мыслители Шумера верили и утверждали, что все несчастья людей происходят из-за их грехов и проступков и что нет на земле ни одного безгрешного человека. Они учили, что все людские страдания обусловлены той или иной причиной, что во всем виноваты сами люди, но никоим образом не боги. Однако в трудную минуту многие несчастные, видимо, забывали об этом и готовы были усомниться в справедливости и милосердии богов. Очевидно, для того чтобы смирить подобное недовольство и пресечь разочарование божественным порядком, один из шумерских мудрецов и сочинил поучительное произведение, которому посвящена следующая глава. В нем мы встречаемся с наиболее древним вариантом темы библейского Иова.

16. СТРАДАНИЯ И СМИРЕНИЕ

Первый «Иов»

29 декабря 1954 г. я прочитал в Обществе библейской литературы доклад, озаглавленный «Человек и его божество. Шумерский вариант темы Иова». Речь шла об одной шумерской поэме, насчитывающей 139 строк. Текст был составлен из шести глиняных табличек и фрагментов, обнаруженных первой экспедицией Пенсильванского университета в Ниппуре — в 150 километрах к югу от столицы Ирака, Багдада. Четыре из этих шести фрагментов находятся

сейчас в Музее Пенсильванского университета в Филадельфии, а два — в Музее Древнего Востока в Стамбуле.

До моего доклада были опубликованы лишь два фрагмента из Музея Пенсильванского университета; часть поэмы не была найдена, часть оставалась нерасшифрованной. В 1951—1952 гг., работая в Стамбуле, я опознал в Музее Древнего Востока еще два фрагмента поэмы и скопировал их. По возвращении в Филадельфию мне удалось с помощью Эдмунда Гордона, научного сотрудника Месопотамского отдела музея, обнаружить в коллекции отдела еще два дополнительных фрагмента. Но когда мы уже готовили мой перевод поэмы к печати, нас вдруг осенило, что два стамбульских фрагмента дополняют два из четырех филадельфийских отрывков. Более того, мы увидели, что все шесть фрагментов являются осколками одних и тех же табличек, разобщенными либо в глубокой древности, либо в ходе раскопок, а потому и попавшими в два таких далеких друг от друга музея — в Стамбуле и в Филадельфии. Наше предположение я смог проверить и подтвердить в 1954 г., когда я снова посетил Стамбул.

Установление связи между табличками, разъединенными океаном, позволило мне собрать воедино и перевести большую часть поэмы. И тогда стало ясно, что перед нами — первое произведение о страданиях и смирении человека: тема, прославленная в мировой литературе и истории религиозной мысли благодаря библейской книге Иова. Правда, шумерскую поэму нельзя даже сравнить с библейским текстом, настолько она уступает последнему по широте кругозора, глубине проникновения и красоте слога. Вся суть в том, что эта древняя поэма является первым письменным свидетельством о попытке разрешить вековую — и вечную — проблему человеческих страданий. Ибо таблички с текстом нашей шумерской поэмы старше книги Иова более чем на тысячу лет.

Основная мысль поэмы заключается в том, что среди страданий и горестей, какими бы несправедливыми они ни казались человеку, у него остается лишь один разумный выход: постоянно восхвалять своего бога, взывать к нему, плача и стеноя, пока он сам не захочет благосклонно внять мольбам несчастного. Кстати, бог, о котором идет речь, — это личный бог страдальца, то есть особое божество, которое, согласно шумерским представлениям, служило посредником и заступником человека перед собранием богов.

Чтобы подкрепить свою точку зрения, наш поэт не прибегает ни к философским рассуждениям, ни к богословским доказательствам. Вместо этого он с типичной для шумеров практичностью приводит конкретный пример.

Некий человек — имя его не названо — был богат» мудр, праведен или, по крайней мере, внешне благочестив, и было у него множество родни и друзей. Но вот однажды познал он страдание, поразила его болезнь. Он не взбунтовался против воли богов, не начал богохульствовать. Смирненно обратился он к своему богу со слезами и стенаниями и излил свою душу в мольбах и молитве. В результате бог, весьма довольный и растроганный, внял его мольбам, избавил человека от напастей и превратил его страдания в радость.

По своему построению поэма как бы делится на четыре части. Сначала идет краткое вступление, где утверждается, что человек должен восхвалять и славить своего бога и стараться умиловить его смиренными сетованиями. Далее поэт вводит своего безымянного героя, который, будучи поражен болезнью и всяческими напастями, обращается к своему богу. Затем следуют мольбы страдальца, составляющие основную часть поэмы.

Они начинаются с описания несправедливостей, учиненных над героем как друзьями, так и врагами. Потом он жалуется на свою горькую судьбу, обращаясь к своим родственникам и профессиональным певцам с риторической просьбой поддержать его жалобу. И, наконец, страдалец признает свои грехи и возносит богу моления, прося облегчить его муки и спасти его.

Конец у поэмы счастливый. Поэт сообщает нам, что молитвы страдальца не остались неуслышанными, что его бог внял его мольбам и избавил его от всех напастей. Все это, конечно, приводит к новому восхвалению бога.

Чтобы дать представление о поэме, я привожу здесь некоторые наиболее понятные отрывки. Однако читатель не должен забывать, что шумерский язык до сих пор еще не до конца разгадан и что перевод ряда текстов со временем будет пересмотрен и исправлен.

Итак, страждущий человек обращается с мольбой к своему богу:

«Я человек, человек знающий, однако те, кто
меня уважают, не благоденствуют,

Мое справедливое слово обращают в ложь.
Человек неправедный опалил меня Южным Ветром, и я должен
служить ему,
Те, кто меня не уважают, унижают меня перед тобой.

Ты насылаешь на меня все новые страдания,
Я вошел в дом с тяжелой душой,
Я, человек, вышел на улицу с удрученным сердцем,
Неустршимый мой верный пастырь разгневался на меня,
смотрит на меня враждебно.

Мой пастух напустил на меня злые силы, хотя я ему не враг,
Мой товарищ не говорит мне ни слова истины,
Мой друг называет ложью мои правдивые слова,
Человек неправедный замыслил зло против меня,
И ты, мой бог, не останавливаешь его!....

Я, мудрец, почему я должен иметь дело с невежественными юнцами?
Я, знающий, почему причисляют меня к невеждам?
Пищи вокруг множество, а моя пища — голод,
В день, когда каждому выделяли его долю, на мою долю
достались страдания.

Бог мой, (я хотел бы стать) перед тобой,
Я хотел бы сказать тебе, ..., слово мое — стон.
Я хотел бы рассказать тебе об этом, пожаловаться на горькую
свою участь,
(Хотел бы оплакать) смятение....

О, не позволяй моей матери, меня родившей, мешать мне
сетовать перед тобой!
Не позволяй моей сестре весело петь и возносить хвалы,—
Пусть она в слезах перечисляет тебе мои несчастья!
Пусть моя жена горестно повествует о моих страданиях,
Пусть искусный певец оплачет мою злосчастную судьбу!

Бог мой, над землею сияет яркий день, а для меня день черен.
День сияет, прекрасный день.. подобен...
Слезы, печаль, тоска и отчаяние поселились во мне,
Страдание завладело мной, как человеком, чей удел —
одни слезы

Злая участь держит меня в своих руках, отнимает у меня
дыхание жизни.

Коварный недуг завладел моим телом.....

Бог мой, мой отец, зачавший меня, дай мне поднять голову!
Подобно безвинной корове, жалобно... стенание.
Доколе будешь ты меня презирать, оставлять без своей защиты?
Подобно быку,....,
Доколе будешь оставлять меня без провожатого?

Они изрекают, бесстрашные мудрецы, слово истинное и прямое.
„Ни одно дитя не рождается от женщины беспорочным.
....беспорочного подростка не бывало на свете"».

Так жалуется и молит своего бога человек. Поэма завершается счастливым концом:

Человек,— его бог склонил ухо к его плачу и горьким слезам,
Юноша,— его мольбы и жалобы смягчили сердце его бога.
Бог внял его правдивым словам, искренним словам, которые
он «произнес.
Слова, высказанные человеком, как молитва,
Были приятны..., плоть его бога, и его бог перестал быть
орудием злой судьбы,
...который угнетает сердце,.... он обнимает,
Властного демона болезни, широко распростершего свои крылья,
он прогнал прочь,
(Недуг), поразивший его, как..., он рассеял,
Злую участь, определенную его решением, он отвел,
Страдания человека он превратил в радость,
Назначил ему добрых духов хранителями и опекунами,
Дал.. ангелов, прекрасных обликом.

А теперь перейдем от возвышенного к обыденному, от проповедей к повседневной жизни, от поэтических молитв к прозаическим пословицам и поговоркам. Дух народа ярче всего проявляется в пословицах, ибо они открывают нам его истинные устремления и чаяния и те внутренние побуждения, которые лежат в основе повседневной человеческой деятельности и которые поэты стараются в своих литературных трудах принарядить и приукрасить. В настоящее время расширяваются и переводятся сотни шумерских

пословиц и поговорок, причем основная заслуга в этом принадлежит Эдмунду Гордону. С некоторыми из этих пословиц мы и познакомимся в следующей главе.

17. МУДРОСТЬ ДРЕВНИХ

Первые пословицы и поговорки

Долгое время считалось, что библейская Книга Притчей — это древнейшая запись пословиц и поговорок в истории человечества. Когда примерно полтора столетия назад была открыта цивилизация Древнего Египта, оказалось, что существуют сборники египетских пословиц и поговорок и что они намного старше древнееврейских. Однако и эти сборники не являются самыми первыми из письменных зафиксированных человеком афоризмов и изречений. Шумерские сборники пословиц и поговорок на несколько столетий старше почти всех — если не всех — известных нам египетских сборников.

Лет двадцать назад мы еще не знали фактически ни одной шумерской пословицы, которая дошла бы до нас только на шумерском языке. Было опубликовано всего несколько изречений, и почти все они были заимствованы с табличек, относящихся к I тысячелетию до н. э., на которых шумерский текст сопровождается переводом на аккадский язык. Лишь в 1934 г. Эдуард Чиера опубликовал ряд фрагментов и табличек с пословицами из ниппурской коллекции Музея Пенсильванского университета в Филадельфии. Все они относились к XVIII в. до н. э. и ясно говорили о том, что писцы Шумера составляли множество подобных сборников пословиц и поговорок.

Начиная с 1937 г. я посвящал этому литературному жанру немало времени. Мне удалось обнаружить и скопировать значительное количество пословиц в стамбульском Музее Древнего Востока и в Музее Пенсильванского университета. Но только в 1951—1952 гг. я смог транскрибировать почти весь хранящийся в Стамбуле материал, состоящий более чем из восьмидесяти табличек и фрагментов.

По возвращении в Филадельфию, где в Университетском музее хранились еще сотни фрагментов с пословицами, я понял, что мне не одолеть этого огромного материала:

другие неисследованные области шумерской литературы не позволяли мне заниматься только этой коллекцией. Поэтому я передал мои стамбульские копии и прочие записи научному сотруднику Университетского музея Эдмунду Гордону. Через несколько месяцев напряженной работы Гордон выяснил, что из имевшегося в его распоряжении материала можно восстановить и составить более дюжины отдельных сборников, в каждый из которых войдет от нескольких десятков до нескольких сотен шумерских пословиц и поговорок. За последние годы им издан сборник, где собраны сотни практически полностью уцелевших и в большинстве своем ранее неизвестных пословиц и поговорок*. Некоторые из них будут приведены ниже, однако я хочу напомнить читателю, что пословицы трудно поддаются переводу из-за их предельной лаконичности; возможно, в будущем окажется, что те или иные изречения в нашем переводе неправильно воспроизводили смысл подлинника.

Одной из отличительных особенностей пословиц вообще является их общечеловеческий характер. Если вы когда-нибудь вдруг усомнитесь в единстве человеческого рода, в общности всех народов и рас, обратитесь к пословицам и поговоркам, к народным афоризмам и изречениям! Пословицы и поговорки лучше всех других литературных жанров взламывают панцирь культурных и бытовых наслоений каждого общества, обнажая то основное и общее, что свойственно всем людям, независимо от того, где и когда, они жили или живут.

Шумерские пословицы и поговорки были записаны более трех с половиной тысячелетий тому назад, а многие из них наверняка возникли раньше и передавались устно из поколения в поколение. Они созданы народом, который отличался от нас буквально всем: у него был иной язык, иная географическая среда, иные обычаи, иная религия, иные политические и экономические принципы. И тем не менее пословицы древнего Шумера в основе своей удивительно близки к нашим. Без труда различаем мы в них отражение наших собственных чаяний, надежд, слабостей и затруднений, узнаем свои собственные взгляды.

Вот, например, «нытик», который все свои неудачи приписывает коварству судьбы и не перестает жаловаться: «Я родился в злосчастный день!»

* E. Gordon, *Sumerian Proverbs*, Philadelphia, 1959.

Рис. 8. Женщина в облачении

Вот люди, вечно ищущие оправдания своим поступкам, хотя все свидетельствует против них. О таких шумеры говорили:

Не переспав, не забеременеешь,
Не поев, не разжиреешь!

О беспомощных неудачниках шумеры говорили так:

Брось тебя в воду — вода протухнет,
Пусти тебя в сад — все плоды сгниют.

Как и наших современников, шумеров терзали сомнения — как лучше распорядиться своим состоянием. Это нашло отражение в следующем изречении:

Все равно умрем — давай все растратим!
А жить-то еще долго — давай копить!

Эта мысль сформулирована и по-иному:

Может, ранний ячмень уродится — откуда нам знать?
Может, поздний ячмень уродится — откуда нам знать?

В Шумере тоже были, конечно, бедняки, не знавшие как свести концы с концами; про них и сочинены следующие выразительные, построенные на противопоставлении строки:

Бедняку лучше умереть, чем жить;
Если у него есть хлеб, то нет соли,
Если есть соль, то нет хлеба,
Если есть мясо, то нет ягненка,
Если есть ягненок, то нет мяса.

Беднякам часто приходилось тратить свои скудные сбережения. Автор шумерской поговорки сказал об этом так: «Бедняк съедает свое серебро». А когда сбережения кончались, бедняку приходилось обращаться к древним предкам современных держателей ломбардов. Отсюда поговорка: «Бедняк занимает — себе забот наживает». Она весьма напоминает современную английскую поговорку «money bor-

rowed is soon sorrowed» («деньги заняты — деньги проклятые»).

В целом бедняки Шумера очевидно были покорны и смиренны. Нет ни одного указания на то, что они сознательно восставали против правящего класса богачей. И тем не менее сохранилась поговорка, которая, если только она правильно переведена, свидетельствует о пробуждении начатков классового сознания: «Не все семьи бедняков одинаково покорны!»

Другая шумерская поговорка напоминает стих из Екклесиаста (5, 11): «Сладок сон работающего», и в еще большей мере — изречение из Талмуда о том, что умножающий свое достояние умножает свои заботы. Звучит она так:

Тот, у кого много серебра, может быть и счастлив,
Тот, у кого много ячменя, может быть и счастлив,
Но тот, у кого нет совсем ничего, спит спокойно.

Иногда бедняки полагали, что во всех их неудачах виноваты не они сами, а люди, с которыми они связались:

Я кровный скакун,
Да поставлен в одну упряжку с мулом,
Вот и приходится таскать повозку,
Возить тростник и солому.

О бедном ремесленнике, который по иронии судьбы не может пользоваться теми предметами, которые он сам изготавливает, шумеры говорили: «У слуги (следящего за гардеробом хозяина) одежда всегда грязная».

Кстати, шумеры придавали одежде большое значение, что отразилось в пословице: «Хорошо одетому всюду рады».

Среди слуг, очевидно, были такие, кому удавалось получить хорошее образование. Во всяком случае, это вытекает из поговорки: «Это слуга, который изучал шумерский язык».

С другой стороны, далеко не все шумерские писцы, — как и современные стенографистки, — могли хорошо писать под диктовку. Видимо, отсюда и возникла поговорка:

Только тот настоящий писец,
Чья рука не отстает от уст.

Были в Шумере и такие писцы, которые не умели писать без ошибок. Именно к ним относится риторическое восклицание:

Что это за писец,
Если не знает шумерского языка!

Так называемый слабый пол представлен в шумерских пословицах и поговорках довольно широко, но далеко не всегда в лучшем освещении. Если в Шумере и не было ловких авантюристок, разорявших состоятельных мужчин, то в практичных девицах, дорого ценивших свою благосклонность, недостатка, видимо, не ощущалось. Одна такая разборчивая невеста, устав дожидаться богатого жениха, вопрошала:

Кому мне подарить свою любовь?
У кого всего в избытке, кто достаточно богат?

Женитьба у шумеров считалась делом весьма обременительным. Они определяли свое отношение к браку следующим образом:

Кто не содержал жены или ребенка,
Тот не носил кольца в ноздрах. *

Мужьям в Шумере, как видно, приходилось порой несладко. Отсюда поговорка:

Жена — в «храме» (дословно, «в открытом святилище»),
Мать — у реки (по-видимому, совершает какой-то религиозный обряд),
А я умираю с голоду.

Что касается раздражительных, вечно недовольных жен, которые сами не знают, чего им надо, то они, подобно своим современницам, уже в те древние времена искали облегчения у всяких врачевателей. Во всяком случае на это намекает следующая поговорка (если только перевод правилен):

Беспокойная женщина в доме
Прибавляет к горю болезнь.

* Намек на кольцо, которое продевали в ноздри узников.—
Прим. пер.

Нет ничего удивительного, что в Шумере мужчины порой сожалели о столь опрометчивом шаге, как женитьба:

Счастье — в женитьбе,
А подумав — в разводе.

Не случайно жених и невеста смотрели на женитьбу по-разному, если верить следующей поговорке:

Радость в сердце у невесты,
Горесть в сердце у жениха.

Что касается тещи, то в древности она, видимо, была гораздо более покладистой, чем в нынешние времена. Во всяком случае в шумерских текстах до сих пор не обнаружено ни одного анекдота о злой теще. Зато у шумерских снох репутация была, прямо скажем, незавидная. Это видно из следующей эпиграммы, где перечисляется все, что благоприятствует мужчине и наоборот:

Кувшин в пустыне — жизнь мужчине,
Обувь — зеница ока мужчины,
Жена — будущее мужчины,
Сын — убежище мужчины,
Дочь — спасение мужчины,
Но сноха — проклятие для мужчины!

Шумеры высоко ценили дружбу. Но, как говорят по-английски, «blood is thicker than water» *. В Шумере говорили примерно так же:

Дружба длится день,
Родство длится вечно.

Весьма любопытно, с точки зрения сопоставления особенностей различных цивилизаций, что собака в древнем Шумере никоим образом не считалась другом человека. Скорее наоборот, она считалась коварным существом, если судить по следующим поговоркам:

Бык пашет,
Собака портит глубокие борозды.

* Дословно: «кровь не вода»; ср. русскую поговорку: «свой своему поневоле брат». — *Прим, пер.*

Только пес не знает своего дома.

Собака кузнеца не смогла опрокинуть наковальню,
Зато опрокинула кувшин с водой.

Если отношение шумеров к собакам кажется нам не совсем понятным, то в других случаях их оценки весьма сходны с нашими, хотя они и выражали их иными словами. Например, англичане говорят: «A sailor will fight at the drop of a hat («Моряк лезет в драку из-за упавшей шляпы»). Шумеры же утверждали: «Лодочник всегда драчлив».

Вот другая шумерская пословица:

Он еще не поймал лисицу,
А уж делает для нее колодку.

Она соответствует поговорке «цыплят по осени считают».

Или еще:

Увернулся от дикого быка,—
Натолкнулся на дикую корову.

Это прямая аналогия с (поговоркой «из огня да в полымя».

Прилежание несомненно считалось большим достоинством во все времена и у всех народов, но вряд ли кто-либо выразил эту мысль лучше шумеров:

Рука и еще рука,— и дом построен,
Утроба и еще утроба,— и дом разрушен.

Были в Шумере и люди, которые не хотели отставать от других и вели жизнь не по средствам. Для них существовало изречение:

Кто строит, как господин, живет, как раб;
Кто строит, как раб, живет, как господин.

Война и мир ставили перед шумерами те же самые проблемы, с какими мы сталкиваемся сегодня. С одной стороны, постоянная готовность к войне, казалось, была необходимой, чтобы выжить. Шумеры говорили:

Если страна плохо вооружена,
Враг будет всегда стоять у ворот.

Но с другой стороны, уже тогда была очевидна бессмысленность войн, а также тот факт, что враг в долгу не останется:

Ты идешь, завоевываешь землю врага,
Враг приходит, завоевывает твою землю.

Однако главное в дни мира и в дни войны — «смотреть в оба», чтобы тебя не провели. Шумеры дают по этому поводу добрый совет, сохраняющий свою ценность до наших дней:

Можешь иметь повелителя, можешь иметь царя,
Но больше всего бойся «хозяина»!

Писцы древнего Шумера включали в свои многочисленные сборники не только всяческие изречения, пословицы, поговорки и афоризмы, но также и басни. Эти последние весьма напоминают классические «Эзоповы басни» и строятся по тому же принципу: вначале короткое введение, затем — прямая речь, в которой содержится мораль басни, а иногда — настоящий диалог между персонажами. В следующей главе мы познакомимся с рядом самых древних «Эзоповых басен», переведенных Эдмундом Гордоном за последние годы.

18. ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ЭЗОПА

Первые басни о животных

Греки и римляне считали родоначальником жанра басен о животных старца Эзопа, жившего в Малой Азии в VI столетии до н. э. Однако сегодня мы знаем, что по крайней мере часть басен, приписываемых Эзопу, была известна людям задолго до него. Во всяком случае, басни о животных типа «Эзоповых басен» появились в Шумере на тысячу с лишним лет раньше.

Животные, как и следовало ожидать, играли значительную роль в шумерской назидательной литературе. За по-

следние годы Э. Гордон собрал и перевел общим счетом 295 пословиц и басен, в которых фигурируют 64 вида различных представителей животного мира — млекопитающих, птиц и низших классов животных вплоть до насекомых. Изученный материал позволяет сделать любопытные выводы относительно того, какие животные были наиболее популярны. Чаще всего в шумерской литературе упоминается собака (в 83 пословицах и баснях). На втором месте — крупный домашний скот, далее — осел, лисица, свинья и лишь после них — домашняя овца. За овцой следуют лев и дикий бык (ныне исчезнувшая порода *Bos primigenius*), затем — домашний козел, волк и т. д.

Ниже я привожу некоторые предварительные переводы наиболее сохранившихся и понятных шумерских басен, выполненные Гордоном. В них фигурируют самые различные животные — от собаки до обезьяны.

Жадность собак иллюстрируется следующими двумя короткими баснями:

«1. Осел плыл по реке; собака не отставала от него и приговаривала: „Когда же он вылезет на берег, чтобы его можно было съесть?“

2. Собака пришла на пир, однако увидев оставшиеся кости, удалилась, сказав себе: „Там, куда я сейчас пойду, для меня найдется больше поживы“».

Однако одно из прекраснейших выражений материнских чувств тоже вложено в уста собаки в другой басне:

«Сука говорила с гордостью: „Мне неважно, какие щенки у меня, рыжие или пятнистые,— я все равно их люблю!“»

Что касается волка, то шумеры, если судить по наиболее хорошо сохранившимся басням, в которых он фигурирует, считали его воплощением кровожадности и коварства. В одной из басен, текст которой, к сожалению, немного поврежден в двух местах, рассказывается о том, как стая из десяти волков утащила несколько, видимо десять, овец, и о том, как один волк, прибегнув к нехитрой софистике, одурачил своих товарищей: «Девять волков и десятый с ними зарезали несколько овец. Десятый волк был жаден и не... (на табличке повреждены одно или два слова). Когда он коварно.... (повреждены одно или два слова), он сказал: „Я разделю ее (добычу) для вас! Вас девять, так пусть одна овца будет вашей общей долей. А я один, так пусть мне достанется девять овец,— это будет моя доля!“»

Из всех диких зверей наиболее ясно и определенно очерчен в шумерских баснях характер лисицы. О ней говорится как о животном чванливом и тщеславном, которое постоянно, на словах и всем своим поведением, стремится преувеличить свое значение. В то же время — это трусливый зверь, способный лишь хвастаться. Вот, например, несколько басен о лисице: «Лиса наступила дикому быку на копыто и спрашивает: „Тебе не очень больно?“»

Или еще: «Лиса не сумела построить себе дом, а потому пришла в дом друга, как завоеватель».

Вот другой пример: «Лиса несла палку (и спрашивала): „Кого бы мне стукнуть?“»

Лиса несла официальный документ (и спрашивала): „Чего бы мне потребовать?“»

Или еще: «Лиса скрежещет зубами, но голова у нее трясется».

А вот две самые длинные басни про лису, которые особенно ярко иллюстрируют самомнение и трусость этого персонажа. Обе басни довольно запутаны и обрываются, не доходя до конца, но в целом их смысл и мораль вполне ясны: «Лис сказал своей жене: „Идем со мной! Давай изгрызем город Урук, словно это лук-порей у нас под зубами! Мы будем попить город Куллаб, словно это башмак у нас под ногами!“ Но не успели они подойти и на 600 горов к городу (примерно три километра), как собаки зарычали на них: „Геме-Туммаль! Геме-Туммаль! (По-видимому, так звали жену лиса). Иди домой! Ступай прочь!“ — так угрожающе рычали они из города».

Нетрудно понять, что лис и его жена тотчас последовали этому совету и вернулись восвояси.

Вторая басня про лису включает мотив, много позднее использованный Эзопом в басне «Крысы и ласки», хотя в ней и не упоминается лиса: «Лиса потребовала у бога Энлиля рога дикого быка, (и вот) ей были даны рога дикого быка. Но поднялся ветер, полил дождь, а лиса (из-за рогов) не могла укрыться в свою нору. Под утро, когда холодный северный ветер, грозовые тучи и ливень обрушились (?) на лису, она сказала: „Как только рассветет“...»

К сожалению, конец басни отсутствует, но, по-видимому, лиса намеревается снова обратиться к Энлилю, умоляя избавить ее от рогов дикого быка.

Хотя лисица шумерских басен и не походит на умное, ловкое животное, каким она предстает перед нами

в европейском фольклоре, она имеет немало общего с лисой из некоторых басен Эзопа (взять хотя бы басню «Лиса и виноград»). Следует также отметить, что до нас дошли, — к сожалению, в весьма плохом состоянии, — фрагменты двух басен, в которых лиса появляется рядом с вороном или вороной, то есть в том же сочетании, что и в баснях Эзопа.

Медведя мы встречаем лишь в двух шумерских баснях; в одной из них, видимо, идет речь о его зимней спячке.

Но если о медведе нам почти нечего сказать, то о мангусте можно найти в пословицах и поговорках немало любопытных сведений. В Древней Месопотамии, как и в современном Ираке, держали ручных мангуст для борьбы с крысами. Шумеры, видимо, подметили и оценили смелость, с какой мангуста бросается на свою добычу в отличие от кошки, которая долго и терпеливо поджидает удобного мгновения, чтобы выпустить когти. Это нашло выражение в такой поговорке:

Кошка долго раздумывает,
Мангуста не теряет времени даром.

С другой стороны, от мангуст было трудно уберечь какую-либо пищу или алкогольные напитки, и хозяевам приходилось мириться с этими пороками своих любимцев. Шумеры говорили не без горечи:

Если есть в доме еда, ее уничтожит мангуста,
А если она что-нибудь оставит мне, придет чужестранец
и уничтожит все!

Впрочем, в другой пословице домашняя мангуста забавляет своих хозяев благодаря своему «извращенному вкусу»: «Моя мангуста ест только тухлятину, а ради пива или топленого масла и не пошевелится».

В одной из пословиц как будто встречается упоминание о гиене, но смысл его недостаточно ясен.

Что касается кошки, то она фигурирует в шумерской литературе лишь в виде исключения. Об одном случае уже шла речь (пословица о кошке и мангусте). Во втором случае корова, которая повсюду следует за носильщиком корзин, сравнивается с кошкой.

Лев, согласно пословицам и басням, обитал в местностях, заросших деревьями и тростником. Впрочем, в двух

баснях,— текст одной из них сильно поврежден, а в другой неясен смысл,— лев почему-то оказывается в открытой степи. Раз для льва заросли — удобное укрытие, то человек должен сам остерегаться льва и для этого изучать его повадки.

Так, в одной поговорке говорится: «О лев, густые заросли — твой союзник!»

А в другой: «Лев и в зарослях не съест человека, который его знает!»

Последнее изречение невольно напоминает историю об Андрокле и льве.

Другая сильно поврежденная табличка сохранила нам обрывки басни про льва, попавшего в западню, и про лису. В большинстве басен лев предстает главным образом как могучий хищник, добычей которого становятся овцы, козы и «свиньи зарослей» (видимо, дикие свиньи).

«Когда лев пришел в овчарню, собака была привязана веревкой из крученой шерсти»,— говорится в одной басне. А в другой рассказывается такая история: «Лев схватил „свинью зарослей" и начал ее терзать, приговаривая: „Хотя твое мясо еще не наполнило мне пасть, твой визг уже просверлил мне уши!"»

Однако лев не всегда выходит победителем, ибо даже он может быть одурачен лестью «беззащитной козы». На эту тему сохранилась басня — одна из самых длинных шумерских басен, весьма напоминающая Эзоповы басни: «Лев схватил беззащитную козу. „Отпусти меня, (и) я дам тебе овцу, одну из моих подружек!" (сказала коза). „Я отпущу тебя, но (сначала) скажи мне твое имя!" (сказал лев). (Тогда) коза ответила льву: „Разве ты не знаешь моего имени? Меня зовут „Ты мудрец"! Когда лев дошел до овчарни, он прорычал: „Вот я пришел к овчарне и отпускаю тебя!" Коза (уже из-за ограды?) ответила, ему: „Да, ты меня отпустил! Но разве ты мудрец? Я не только не дам тебе овцу (которую я обещала), но и сама не останусь с тобой!"»

Сохранилась шумерская басня про слона. В ней слон выводится хвастливым животным; его «ставит на место» самая маленькая из пичужек — крапивник: «Слон хвастался (?), говоря о себе так: „Нет подобного мне в мире! Не...!" (здесь текст разрушен до конца строки, но можно предположить, что фраза была примерно такая: „Не пробуй равняться со мной!") И (тогда) в ответ ему крапивник сказал:

„Но ведь и я, как я ни мал, был создан точно так же, как и ты!“»

Осел, как известно, служил основным упряжным и вьючным животным в древней Месопотамии. Добродушно подшучивая над ним, шумеры создали образ медлительного и зачастую глупого создания, сходный с образом осла в европейской литературе. Основная особенность осла — поступать диаметрально противоположно тому, чего требует от него хозяин.

Вот несколько примеров: «Его надо тащить (силой) в пораженный мором город, словно вьючного осла».

«Осел сожрет и свою подстилку!»

«Твой беспомощный осел потерял всю скорость! О Эн-лиль, твой беспомощный человек потерял все силы!»

«Мой ослик не создан для быстрого бега, он создан для того, чтобы орать!»

«Осел опустил голову, а хозяин похлопал его по морде и говорит: „Пора встать и уйти отсюда. Скорей! Шевелись!“»

Иногда осел сбрасывал свою ношу, и его за это нещадно ругали: «Сбросив свой вьюк, осел сказал: „Старые проклятия все еще наполняют мне уши!“»

Случалось, что осел убегал от своего хозяина и не возвращался. Вырвавшийся на волю осел послужил темой для любопытных сравнений в двух поговорках. Вот первая: «Как сбежавший на волю осел, мой язык не повернется во круг и не вернется вспять».

А вот вторая: «Сила юности покинула мои чресла, как сбежавший осел».

В некоторых изречениях упоминаются неприятные физиологические особенности осла, например: «Если бы нашелся осел, который бы не смердел, такому ослу не понадобился бы погонщик».

И, наконец, сохранилась поговорка про осла, в которой есть любопытный штрих, характеризующий нормы поведения. Звучит она так: «Я не стану жениться на трехлетней, как это делают ослы!» Здесь явно порицаются слишком ранние браки.

Что касается лошади, то одна шумерская басня совершенно неожиданно дала новые сведения о самом раннем периоде одомашнивания коней. В этой басне впервые, насколько нам известно, упоминается верховая езда. Правда, таблички с текстом басни относятся приблизительно к

1700 г. до н. э., но поскольку тот же текст обнаружен и на большой табличке из Ниппура и на школьной табличке из Ура, относящейся примерно к тому же периоду, можно смело предположить, что сочинена эта басня была гораздо раньше. Такой вывод подтверждается не только распространенностью этого текста, но и тем, что он вошел в один из школьных сборников пословиц и поговорок. Поэтому вполне вероятно, что шумеры умели ездить верхом за две тысячи лет до нашей эры, хотя наиболее древнее упоминание о верховой езде письменно зафиксировано на триста лет позднее.

Басня про лошадь звучит так: «Сбросив всадника, лошадь сказала: „Если всегда таскать на себе такой груз, можно и обессилеть!“»

В другой поговорке упоминается о потливости лошадей: «Ты потеешь, как лошадь,— это (выходит) все, что ты выпил!» Здесь почти дословное совпадение с разговорным английским выражением «to sweat like a horse».

Про мула сохранилась всего одна поговорка, но любопытно, что в ней идет речь именно о происхождении этого животного: «О мул, кто тебя признает — твой отец или твоя мать?»

Интересно отметить, что свинья отнюдь не считалась у шумеров «нечистым» животным: в поговорках и баснях свиней закалывают для еды чаще всех других животных!

Вот один пример: «Откормленную свинью должны были заколоть, и тогда она сказала: „Это все из-за пищи, которую я съела!“»

А вот второй: «Он дошел до крайности (?) и тогда заколот свою свинью!»

Или еще: «Мясник, торгующий свининой, резал свинью и приговаривал: „Ну, чего ты визжишь? По этому пути уже отправились твои отцы и деды, и ты пойдешь следом за ними. (И все-таки) ты визжишь!“»

До сих пор не обнаружено ни одной шумерской басни про обезьяну, но существует одна поговорка и шуточное письмо от обезьяны к своей матери. Оба эти текста свидетельствуют о том, что обезьяны развлекали зрителей в шумерских «домах музыки» и что о них не слишком хорошо заботились.

Поговорка гласит: «Весь Эриду процветает, но обезьяна из „большого дома музыки“ роется в отбросах!»

А в шуточном письме говорится следующее:

Лусалусе, «моей матери», расскажи!

Вот что говорит обезьяна:

Ур — превосходный город бога Нанны,

Эриду — процветающий город бога Энки,

Но я сижу за дверьми «большого дома музыки»,

Я должна питаться отбросами,— не дай бог от этого умереть!

Мне не достается ни крошки хлеба, мне не достается ни капли пива,

Пришли мне гонца (с посылкой), да поскорее!

Очевидно, обезьяна из «большого дома музыки» города Эриду, процветавшего порта на озере в юго-восточной части Шумера, голодала и была вынуждена отыскивать себе пищу на городских свалках. По неизвестной причине злоключения бедного зверька вошли в поговорку, и вполне возможно, что какой-то склонный к сатире писец превратил эту поговорку в шуточное письмо к «матери» обезьяны (имя «Лусалуса», видимо, означает «обезьяний человек»). Это «письмо», судя по тому, что до нас дошли по крайней мере четыре его копии, сделалось своего рода классической литературной миниатюрой, в то время как первоначальная поговорка вошла лишь в один сборник пословиц и поговорок.

Рыбы, судя по дошедшим до нас литературным текстам, не были представлены в шумерских баснях. Однако из других письменных и археологических источников нам известно, что начиная с глубокой древности рыба была в Шумере одним из основных продуктов питания и высоко ценилась в качестве такового. Если верить уникальному литературному произведению, о котором пойдет речь в следующей главе, то у шумеров, возможно, были даже заповедники для охраны водных жителей от птиц и от крокодилов.

19. «ДОМ РЫБЫ»

Первый рыбный заповедник

«Дом рыбы» — характерный пример удивительных открытий, которые мы продолжаем делать, изучая шумерскую цивилизацию по литературным текстам. Текст, о котором

сейчас пойдет речь, не только свидетельствует о необыкновенном внимании этого древнего народа к жизни обитателей морей и рек и о его заботе о них, но также дает нам описание первого заповедника (или «святилища») для рыб, хотя трудно предположить, чтобы такой идеализированный «аквариум» действительно существовал в каком-либо из городов Шумера.

Наш документ, состоящий из 150 строк, стал известен всего несколько лет назад. Он начертан на девяти табличках и фрагментах, хранящихся в настоящее время в Стамбуле, Лондоне и Филадельфии. Шесть из них до сих пор не были опубликованы, а три (самые большие) в копиях, сделанных Гэддом, бывшим сотрудником Британского Музея, были совсем недавно предоставлены в мое распоряжение. Благодаря последним мой испанский коллега и сотрудник по Музею Пенсильванского университета М. Сивил смог установить, что остальные шесть фрагментов относятся к этому же документу, и расположить их в соответствующем порядке. Более того, он установил, что три фрагмента (два из Филадельфии и один из Стамбула) — части одной и той же таблички.

Работая в этом направлении, Сивил заново восстановил и перевел текст, потратив на это несколько месяцев упорного труда. Он подготовил текст к изданию вместе с переводом и комментариями*.

Это произведение представляет собой монолог неизвестного человека или божества, проявлявшего глубокий интерес к жизни водных обитателей и стремившегося к тому, чтобы все рыбы жили в полной безопасности, в наиболее благоприятной для них среде.

Текст начинается с описания жилища, специально построенного для рыб. Это род аквариума, который автор характеризует как «родной дом» для рыб:

Моя Рыба, я построил для тебя дом, я построил для тебя житницу,
В построенном мною доме есть запасной двор и большая овчарня
для тебя,...

В доме есть еда — самая лучшая еда,
В доме есть еда — дающая здоровье еда,
Из твоего дома, где пиво льется рекой, не выгонишь мух, ...
Порог, засов, окропленный пол, кафельница — все есть в доме,

* См. *IRAQ*, vol. 22, 1960, pp. 154-175.

В доме аромат, подобный благоуханию кедровой рощи.

В доме есть пиво, есть хорошее пиво.

До самой изгороди из тростника все наполнено сладкими напитками
и медовыми печеньями.

Поэма,— а это несомненно поэма, судя по повторам и параллелизмам, характерным для поэтического стиля,— приглашает далее всех родственников рыбы и всех друзей прийти в этот дом и отдохнуть.

Пусть придут твои знакомые,
Пусть придут твои близкие,
Пусть придут твой отец (и) предки,
Пусть придут сыновья твоих братьев, пусть придут
сыновья твоих младших братьев,
Пусть придут твои малые и твои большие,
Пусть придут твоя жена и твои дети,
Пусть придут твои друзья, твои товарищи,
Пусть придут твой шурин и твой тесть,
Пусть придет толпа твоих свидетелей,
Не забудь и своих соседей, ни одного из них!

Входи, мой возлюбленный сын,
Входи, мой добрый сын,
День проходит, ночь приходит,...
С уходом дня, с приходом ночи,
Кто войдет,— отдохнет: я приготовлю тебе место,
В середине его я устрою тебе ложе.
Моя Рыба, тех, кто лежит вокруг, никто не потревожит,
Те, кто сидят вокруг, не затеют ссоры.

Войди, мой возлюбленный сын,
Войди, мой добрый сын,
Как засолившийся канал, от которого не отводят ровов,
Как речной ил, который не сдвинешь с места,
Как струящаяся вода, твоя постель будет расстелена.

Приходи же теперь, обратив свой лик в сторону «святылища»,
Приходи же теперь, как... на свое ложе, обратив свой лик
в сторону «святылища»,
Приходи же теперь, как собака на свою подстилку, обратив
свой лик в сторону «святылища».
Приходи же теперь, как бык в свое стойло, как овца в свой
загон, обратив свой лик в сторону «святылища».

Следующий абзац сильно поврежден, однако можно понять, что автор описывает различные виды рыб, которые должны войти в «святилище» вместе с «его Рыбой»:

У кого превосходные усы, кто ест сладкие растения,
Большая рыба *сухур* * пусть тоже войдет с тобой,

Кто ест... тростник, кто ... ко рту,
Маленькая рыба *сухур* пусть тоже войдет с тобой,

У кого толстые губы, кто сосет тростник,...
Рыба *гуд* (камп) пусть тоже войдет с тобой.
Кто похож на черный шест для лодки и порожден в полях, ...
Рыба *губи* (угорь) пусть тоже войдет с тобой.

Большинство рыб автор описывает в общих чертах, обычно не более чем в двух-трех строках. Зато одной рыбе он отводит целых одиннадцать строк! Судя по загадочным подробностям, которые он приводит, речь идет, по-видимому, об электрическом скате с голой кожей, плоским туловищем и заостренным хвостом:

Голова — мотыга, зубы — гребень,
Ее кости — ветви пихты,
Кожа на ее брюхе (?) — кожаный мех для воды, мех Думузи
(бога пастухов),
«Безволосая» кожа, которая не нуждается ни в какой обработке;
Ее тонкий хвост — бич рыбака;
Прыгающая рыба с кожей от рождения гладкой;
Ее «внутренности» не в ее носу;
Рыба, которая поражает своего противника в руки и в ноги
Своей иглой, служащей ей копьем,
Эта рыба — табу, ее не приносят на алтарь в городском святилище,
Рыба *мур*, пусть она тоже войдет с тобой, моя Рыба!

После краткого описания некоторых других рыб (каких — до сих пор неизвестно) — *кин*, *пешгид*, *гур*, *агаргар*, *сагга*, *турхар* (?), *азагга*, *муш*, *гиру* и *салсал* — автор переходит к описанию различных птиц, а также крокодила, то

* Возможно, разновидность рыбы *Barbus*, у которой по два уса с каждой стороны рта.

есть тех, кто истребляет рыб. Из-за них убежище для рыб еще более необходимо.

Начало абзаца не сохранилось. Остальные строки звучат так:

Кто издает свой зловещий крик на болоте и на реке?
Птица *акан* схватит тебя, моя Рыба.

Кто там в воде, где растянуты сети, плавает вокруг них,
(высматривая) тебя?
Птица *убур* схватит тебя, моя Рыба.

Длинноногая, хохочущая,
Кто приходит из отдаленных вод, кто оставляет следы на иле?
Птица *аншебар* схватит тебя, моя Рыба.

Тот, кто не разукрашен...,
У кого голова (?) птицы, а ноги рыбы,
Птица *киб* схватит тебя, моя Рыба.

Тот, кто нападает (?) на четвероногих, бегающих по болотам,—
Крокодил схватит тебя, моя Рыба.

В связи с множеством опасностей, поджидающих ни в чем не повинную, ничего не подозревающую рыбу на каждом шагу, убежище приобретает для нее насущную необходимость. Наш любитель рыб заканчивает свой монолог следующими словами:

Чтобы тебя не схватили, чтобы тебя не раздавили,
Моя Рыба, время не ждет, приди ко мне!
Время не ждет, приди ко мне.
Царица рыбаков,
Богиня Нанше будет радоваться вместе с тобой.

Собрания пословиц, поговорок и басен представляют собой лишь часть назидательной литературы древнего Шумера. Шумерские писцы создали также жанр наставлений, которые представляли собой либо сборники советов и указаний, как «Календарь земледельца» (см. гл. 11), либо описывали жизнь школы (см. гл. 2). Но у шумеров был особый литературный жанр, пользовавшийся наибольшей

популярностью,— это жанр диспута, словесного поединка. В таком произведении в основном излагался спор двух соперничающих сторон, каждая из которых могла олицетворять что угодно: время года, животное, растение, металл, камень или же — как в сильно сокращенном варианте библейской легенды о Каине и Авеле — определенный род занятий.

Такому первому в истории человечества литературному спору и посвящена следующая глава.

20. ДИСПУТЫ

Первые литературные споры

Шумерские учителя и литераторы не были, да и не могли быть, настоящими философами и глубокими мыслителями. Однако во всем, что касалось природы и окружающего мира, они проявляли себя внимательными наблюдателями. Длинные списки названий растений, животных, металлов и камней, которые составлялись как пособия для преподавания в школах (см. главу I), свидетельствуют о подробном изучении природных явлений и живых существ — во всяком случае их наиболее характерных особенностей. Кроме того, шумерские предшественники современных специалистов по истории культуры впервые сознательно попытались проанализировать, что представляла собой цивилизация того времени, и с этой целью составили перечень названий более ста входящих в нее элементов: различных общественных институтов, профессий, ремесел, оценок и норм поведения.

Одной из особенностей нашего отношения к окружающему миру является естественное сопоставление каких-то двух понятий или вещей — времен года, видов животных или растений, металлов, орудий производства, — которые настолько прочно связаны между собой в нашем сознании, что, называя одну вещь, мы не можем не вспомнить вторую. В такой сельскохозяйственной стране, как Шумер, этими парами были, например, зима и лето, скот и зерно, птица и рыба, дерево и тростник, серебро и бронза, мотыга и плуг, скотовод и земледелец. В определенных ситуациях все эти пары были в какой-то степени антагонистичными.

Общее же у них всегда было одно: их значение и полезность для людей. Поэтому естественно возникал вопрос: что или кто из двух полезнее для человека? Стремление дать ответ на этот вопрос, произвести своего рода оценку вещей влекло шумерских педагогов к жанру литературного спора, или диспута, созданного наиболее одаренными из них специально для этой цели.

Основную роль в таких диспутах играют доводы противников, каждый из которых «возвышает» себя и «принижает» своего соперника. Все это излагается в форме поэтического произведения, ибо шумерские авторы являлись прямыми наследниками еще не знавших грамоты певцов более ранних эпох, и поэзия была им ближе, чем проза.

Обычно спор композиционно обрамлялся мифологическим введением, где рассказывалось о сотворении соперничающих сторон, и соответствующей концовкой, в которой какое-нибудь почитаемое божество шумерского пантеона — или несколько божеств — выносили решение в пользу одной из сторон.

Сегодня мы располагаем частичными или полными текстами семи таких литературных споров. Однако из них пока изучены только три. Первый — это спор между божевами скота и зерна, достаточно подробно освещенный в гл. 15. Второй можно назвать так: «Лето и Зима, или Энлиль выбирает бога — покровителя земледельцев». Это один из самых длинных «диспутов», и когда текст будет восстановлен целиком, с использованием всего имеющегося в нашем распоряжении материала, он, кроме того, вероятно, окажется одним из наиболее интересных текстов с точки зрения конкретных сведений о земледелии в древности. Содержание его можно предположительно изложить следующим образом.

Бог воздуха Энлиль решил создать всевозможные деревья и злаки, дабы на земле воцарились процветание и изобилие. С этой целью он сотворил двух братьев — Эмеша (Лето) и Энтена (Зиму) и возложил на каждого из них определенные обязанности. В чем они заключались, видно из таких строк:

Энтен заставил овцу рожать ягнят, а козу — рожать козлят,
Корову и быка он заставил размножаться, дабы сливок и молока
было в изобилии,
На равнине он радовал сердце дикой козы, осла и барана,

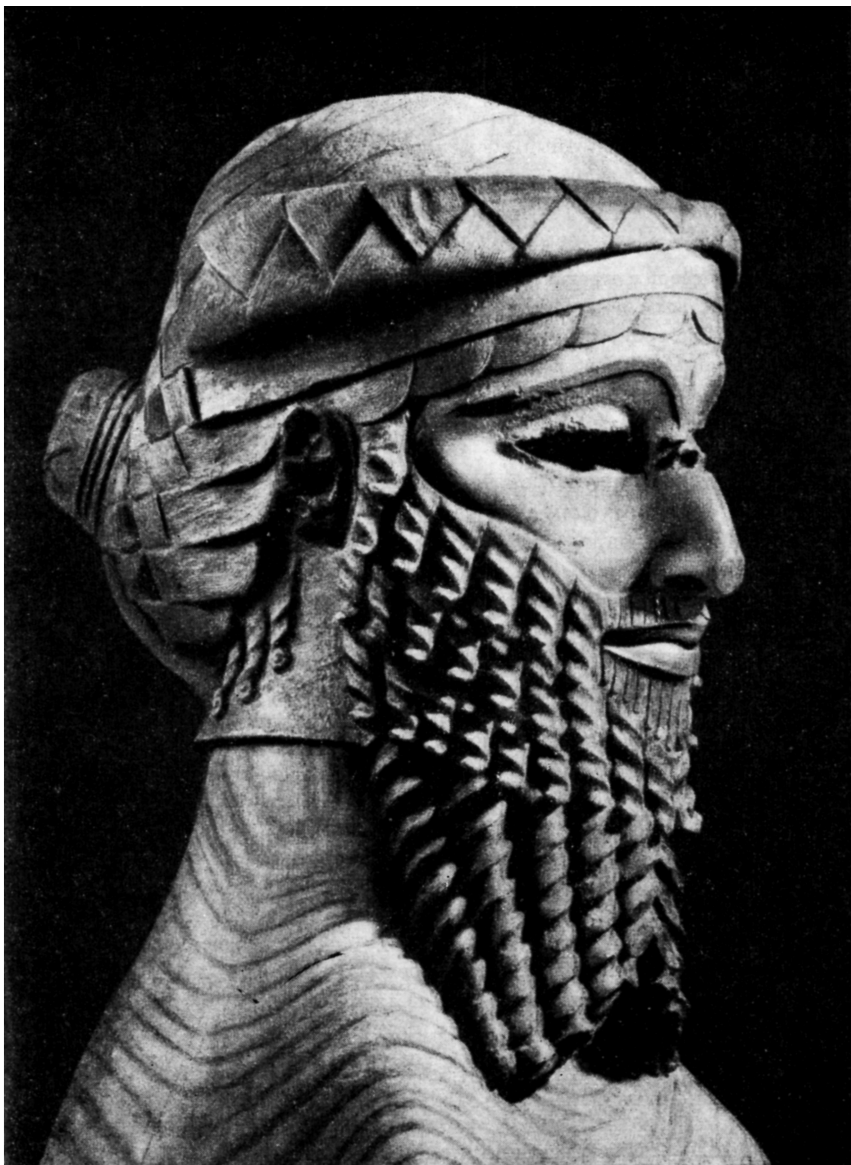

Рис. 9. Семитический царь Шумера

Птицам небесным велел на обширной земле вить гнезда,
Рыбам морским велел в зарослях тростника метать икру,
Пальмовые рощи и виноградники он заставил давать в изобилии
мед и вино.

Деревья, где бы они ни были посажены, он заставил плодоносить,
Сады он одел в зеленый убор, украсил их пышной растительностью,
(Он) умножает зерно, брошенное в борозды,
Подобно Ашнан (богине зерна), благостной деве, он заставляяет
зерно произрастать.

Эмеш сотворил деревья и поля, расширил хлева и овчарни,
В хозяйствах он умножает урожай, покрывает землю...,
В дома он приносит урожай обильный, наполняет житницы доверху.
Он заставляяет возводить города и жилища, строить дома
по всей стране
И воздвигать храмы высокие, как горы.

Справившись со своими делами, оба брата, Эnten и Эмеш, решают отправиться в Ниппур, в «дом жизни», и почтить там благодарственными жертвами отца своего Энлиля. Эмеш несет различных животных, диких и домашних, а также птиц и всякие растения. Эnten несет драгоценные камни и металлы, деревья и рыб. Однако когда они приходят к порогу «дома жизни», завистливый Эnten начинает ссориться с братом. Они вступают в горячий спор, и наконец Эмеш говорит, что не признает за братом права называться «земледельцем богов». После этого оба отправляются в Экур, центральный храм бога Энлиля, и каждый излагает свою точку зрения. Эnten жалуется Энлилю:

«Отец мой Энлиль, ты поручил мне заботу о каналах,
и я доставлял воду, дающую изобилие,
Сделал так, чтобы поле примыкало к полю, наполнил
житницы доверху.

Приумножил зерно, брошенное в борозды,
Подобно Ашнан, благостной деве, заставил зерно произрастать.
А теперь Эмеш, тот..., который ничего не понимает в земледелии,
Оттолкнул мою... руку, толкнул.. плечо,
Возле царского дворца....»

Эмеш излагает свою версию ссоры. Он начинает с лстивых фраз, чтобы заручиться расположением Энлиля, однако заключительная часть его речи неожиданно коротка,

и понять ее пока не удалось. После этого Энлиль отвечает Эмешу и Энтену:

«Воды, приносящие жизнь всем странам, поручены Энтену,
Земледельцу богов, который производит все.

Эмеш, сын мой, как же ты можешь сравнивать себя с твоим братом
Эntenом!»

Высокие слова Энлиля полны глубокого смысла,
Решение его незыблемо,— кто осмелится противоречить?

Эмеш преклонил колени перед Эntenом, обратился к нему с молитвой,
В его дом он принес нектар, вино и пиво,
И братья пьют досыта нектар, веселящий сердце, пьют вино и пиво.
Эмеш дарит брату золото, серебро и лазурит.
Как братья и как друзья они радостно совершают возлияния...»

В споре между Эмешем и Эntenом
Верный земледелец богов Эnten доказал, что он победил Эмеша»
...отцу Энлилю слава!

Третий литературный спор можно назвать «Инанна выбирает мужа». По форме он отличается от других произведений этого жанра. Это скорее маленькая пьеса с несколькими действующими лицами, каждое из которых поочередно появляется в нужный момент и произносит свою речь. Кроме того, здесь нет мифологического вступления. Таким образом, большая часть этого произведения не имеет формы спора, диалога, а представляет собой длинный монолог, в котором один из персонажей, вначале отвергнутый и удрученный, старается поправить дело, перечисляя свои достоинства. Правда, далее этот персонаж порывается завязать ссору со своим соперником, но тот по своему миролюбию, а также из осторожности предпочитает не вступать в борьбу и кончить дело миром.

В поэме четыре действующих лица: богиня Инанна, ее брат бог солнца Уту, бог пастухов Думузи и бог земледельцев Энкимду. Действие развивается следующим образом: после короткого и, кстати, сохранившегося лишь в отрывках вступления бог Уту обращается к своей сестре Инанне, уговаривая ее стать женой бога пастухов Думузи.

Брат ее, герой, воитель Уту,
Говорит непорочной Инанне:
«О моя сестра, пусть пастух женится на тебе!

О дева Инанна, почему ты не согласна?
Сливки у него превосходны, молоко у него превосходно.
Все, чего касается рука пастуха, расцветает.
О Инанна, пусть пастух Думузи женится на тебе!
О ты, украшенная драгоценностями, почему ты не согласна?
Свои превосходные сливки он будет пить вместе с тобой,
О защитница царей, почему ты не согласна?»

Инанна отказывается наотрез. Она решила выйти замуж за земледельца Энкимду:

«Пастух на мне не женится,
Своим новым одеянием он меня не укроет,
В свою тонкую шерсть он меня не оденет.
На мне, юной деве, женится земледелец,
Земледелец, выращивающий растения в изобилии,
Земледелец, выращивающий зерно в изобилии...».

После ряда плохо сохранившихся и малопонятных строк следует длинная речь пастуха, обращенная, видимо, к Инанне. В ней он перечисляет свои достоинства и старается доказать, что земледельцу с ним не сравниться.

«Земледелец лучше меня? Земледелец лучше меня? Земледелец,
чем же он лучше меня?

Энкимду, человек каналов, плотин и плуга,
Чего у него больше, чем у меня, чего у земледельца больше,
чем у меня?

Если он даст мне свое черное одеяние,
Я дам ему, земледельцу, мою черную овцу взамен.
Если он мне даст свое белое одеяние,
Я дам ему, земледельцу, мою белую овцу взамен.
Если он мне нальет своего пива наилучшего,
я налью ему, земледельцу, моего желтого молока взамен.
Если он мне нальет своего пива хорошего,
Я налью ему, земледельцу, моего молока «кисим» взамен.
Если он мне нальет своего пива соблазнительного,
Я налью ему, земледельцу, молока... взамен.
Если он мне нальет своего пива разведенного,
Я налью ему, земледельцу, молока растений взамен.
Если он мне даст хорошее питье,
Я дам ему, земледельцу, молока „итирда" взамен.
Если он мне даст хорошего хлеба,

Я дам ему, земледельцу, сладкого сыра взамен.
Если он мне даст мелких бобов,
Я дам ему, земледельцу, маленькие сыры взамен.
А насытившись и напившись,
Я еще оставлю ему сливок,
Я еще оставлю ему молока.
Чего у него больше, чем у меня, чего у земледельца больше,
чем у меня?»

В следующем отрывке пастух Думузи сидит на берегу реки и радуется. Очевидно, его доводы убедили Инанну и заставили ее изменить свое первоначальное решение. Здесь он и встречает Энкимду и начинает задирать своего соперника.

Он радовался, он радовался, сидя на глинистом берегу реки,
он радовался!
На берегу, на берегу пастух радовался!
Он привел, пастух, он привел своих овец на берег.
Пастух ходил взад и вперед по берегу,
И к нему, пастуху, приблизился земледелец,
Земледелец Энкимду приблизился.
Думузи... с земледельцем, царем каналов и плотин,
Пастух на его равнине, Думузи на его равнине заводит с ним ссору,
Пастух Думузи на его равнине заводит с ним ссору.

Однако Энкимду, чтобы избежать ссоры, позволяет Думузи пасти стада на своих землях:

«С тобой, пастух, с тобой, пастух, с тобой
Из-за чего мне тягаться?
Пусть твои овцы щиплют траву на берегу реки,
Пусть твои овцы бродят среди моих возделанных земель,
Пусть они едят зерно на светлых полях Урука,
Пусть твои козлята и ягнята пьют воду из моего (канала) Унун».

Думузи тотчас успокаивается и дружески приглашает земледельца на свою свадьбу:

«Я же, пастух, приглашаю тебя на свадьбу,
Приходи, земледелец, как друг,
Земледелец Энкимду, как друг, земледелец, как мой друг,
Да будешь ты на моей свадьбе, как друг!»

На это Энкимду отвечает, что принесет Думузи и Инанне свадебный подарок — отборные продукты из своего хозяйства:

«Я принесу тебе хлеба, я принесу тебе бобов,
Я принесу тебе чечевицы...,
Ты, юная дева, все, что есть.. для тебя,
Юная дева Инанна, я бы тебе принес.....»

И поэт завершает свое сочинение традиционной концовкой:

В споре между пастухом и земледельцем,
Да будешь прославлена ты, дева Инанна!

Читатель, наверное, уже не раз улавливал на предыдущих страницах книги отзвуки библейских тем. Первозданный океан, отделение неба от земли, сотворение человека из глины, моральные нормы, законы и кодексы, страдания и покорность, спор, подобный спору Каина с Авелем,— все это хотя бы отдаленно напоминает многие мотивы Ветхого Завета. Обратимся же теперь к шумерской поэме, в которой излагается миф о рае, и посмотрим, не проглядывают ли сквозь нее некоторые мотивы Книги Бытия.

Следует сказать сразу: в шумерской поэме речь идет о небесном, а не о земном рае. В нем нет Адама и Евы, не устоявших перед соблазном. Но в этом мифе содержится ряд параллелей с библейской легендой о рае. Быть может, он также дает объяснение — правда, несколько неожиданное — происхождению и первоначальной основе эпизода о сотворении женщины из ребра мужчины.

21. РАЙ

Первые параллели с Библией

Археологические исследования, проведенные за последнее столетие в Египте и на Ближнем Востоке, обнаружили такие сокровища духовной и материальной культуры, о каких и не подозревали предшествующие поколения ученых. Благодаря наследию древних цивилизаций, извлеченному из-под толщи песка и пыли, в результате расшифровки

древних языков и восстановления давно утерянных и забытых литературных памятников наш исторический горизонт сразу расширился на много тысячелетий.

Одним из важнейших результатов археологических исследований в «библейских странах» были находки, проливающие новый, яркий свет на первоосновы и происхождение самой Библии. Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что этот литературный памятник возник вовсе не мгновенно — отнюдь не как некий искусственный цветок, выросший на пустом месте. Он уходит корнями в глубь веков, он впитал в себя соки всех соседних стран. И по форме и по содержанию, книги Библии имеют немалое сходство с литературными произведениями древнейших цивилизаций Ближнего Востока.

Шумерская литература оказала на древнееврейскую глубокое и сильное влияние. Поэтому одной из увлекательнейших сторон расшифровки и перевода клинописных текстов является установление сходства или параллелей между шумерскими и библейскими сюжетами. Разумеется, шумеры не могли оказать прямого влияния на древнееврейскую литературу, потому что сами исчезли задолго до того, как появились евреи. Однако нет никаких сомнений в том, что шумеры многое дали хананеям, непосредственным предшественникам евреев в стране, которая позже стала называться Палестиной, а также соседним народам — ассирийцам, вавилонянам, хеттам, хурритам и арамеям.

Убедительным примером таких параллелей может служить миф «Энки и Нинхурсаг». Текст этого мифа был опубликован еще в 1915 г., однако его содержание оставалось неясным вплоть до 1945 г., когда я напечатал в *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* новый вариант текста.

Поэма насчитывает 278 строк, размещенных в шести колонках одной таблички, хранящейся в Музее Пенсильванского университета в Филадельфии. Меньшая копия той же таблички, опознанная Эдуардом Чиерой, находится в Лувре. Содержание этого мифа о рае, — впрочем, рае скорее для богов, чем для людей, — вкратце сводится к следующему.

В стране Дильмун — «чистой», «непорочной», «светлой» «стране живых», не знающей ни болезни, ни смерти, — не было пресной воды, столь необходимой для жизни растений и животных. Поэтому Энки, великий шумерский бог воды,

приказал богу солнца Уту доставить в Дильмун воду с земли. Когда это было исполнено, Дильмун превратился в божественный сад, где зеленые поля перемежались с цветущими лугами.

В райском саду богов великая богиня-мать Нинхурсаг (возможно, первоначально она была матерью-землей) вырастила восемь растений. Ей это удалось только после довольно сложной процедуры, во время которой на свет появилось три поколения богинь, зачатых богом воды, причем — это подчеркивается в поэме неоднократно — все они появились на свет без страданий и мук. Но Энки, по-видимому, пожелал отведать растений, выращенных Нинхурсаг. И вот его посланец, двуликий бог Исимуд, срывает драгоценные побеги один за другим, дает их своему господину, и Энки съедает все без остатка.

Разгневанная Нинхурсаг проклинает Энки, обрекая его на смерть. И для того чтобы не смягчиться и не изменить своего решения, она покидает общество богов.

Здоровье Энки начинает ухудшаться. Восемь его органов поражает болезнь. По мере того как он все быстрее теряет силы, остальные боги погружаются в траур и простираются во прахе. Даже бог воздуха Энлиль, царь всех шумерских богов, не может справиться с бедой. И тут, неизвестно откуда, появляется лиса. Она говорит, что за соответствующее вознаграждение может найти Нинхурсаг. Лиса выполняет свое обещание. Каким-то способом, — этот отрывок текста, к сожалению, поврежден, — она заставляет богиню-мать возвратиться к богам и исцелить умирающего Энки. Нинхурсаг садится рядом с ним, спрашивает, какие части тела у него болят, и, по мере того как он их называет, производит на свет соответственно восемь исцеляющих божеств. Энки выздоравливает, смерть ему больше не грозит.

Какая же связь между всем этим и библейской легендой о рае?

Прежде всего есть основания полагать, что сама идея рая, сада богов, зародилась в Шумере. Шумерский рай, согласно поэме, был расположен в стране Дильмун, очевидно в юго-западной части Ирана. В этой же стране Дильмун поместили позже свою «страну живых» — страну бессмертия — вавилоняне, семитический народ, покоривший шумеров. Есть ряд указаний на то, что библейский рай тоже располагался на *востоке* от Палестины, в Эдеме — там,

откуда берут начало четыре величайшие реки, в том числе Тигр и Евфрат. Похоже, что это был все тот же рай шумеров, страна Дильмун.

Далее, отрывок, в котором бог солнца Уту орошает Дильмун водой, принесенной с земли, весьма напоминает слова Библии: «Но пар поднимался с земли и орошал всю поверхность земли» (Книга Бытия, 2, 6).

Рождение богинь без мук и страданий проливает свет на происхождение проклятия Евы, обреченной в муках рожать детей своих. А эпизод, когда Энки съедает восемь растений, навлекая на себя гнев матери-богини Нинхурсаг, напоминает сцену с запретным плодом дерева познания добра и зла, погубившим Адама и Еву, которые были прокляты за этот грех.

Однако, пожалуй, наиболее интересным результатом сравнительного анализа шумерской поэмы и Библии является вытекающее из него объяснение загадочной истории сотворения Евы, «матери всех живущих», из ребра Адама. Почему из ребра? Почему древнееврейские авторы предпочли ребро всем другим частям тела, когда речь шла о создании Евы, чье имя, согласно библейской традиции, означает «та, кто дает жизнь»?

Это можно объяснить тем, что в основе библейской легенды о рае лежит литературная традиция шумерской поэмы о Дильмуне. На шумерском языке ребро обозначается словом «ти». Богиня, созданная для того, чтобы исцелить боль в ребре Энки, носила имя Нин-ти, то есть «госпожа ребра». Но шумерское слово «ти» означает также «давать жизнь». Таким образом в шумерской литературе «госпожа ребра» благодаря своего рода игре слов превратилась в «госпожу, дающую жизнь». Это была одна из первых литературных ошибок, которая укоренилась на века благодаря библейской легенде о рае, хотя здесь уже никакой игры слов не осталось, потому что на древнееврейском языке «ребро» и «дающая жизнь» звучат по-разному.

Я пришел к такому, вполне возможному, объяснению библейской легенды через влияние шумерской поэмы совершенно самостоятельно в 1945 г. Однако та же мысль была высказана на тридцать лет раньше выдающимся французским ассириологом Шейлем, о чем мне сообщил американский востоковед У. Олбрайт. Раз к подобному объяснению пришли двое, значит, оно вполне правдоподобно.

Чтобы дать представление о настроении и стиле шумер-

ской поэмы, я приведу ряд наиболее ярких и характерных отрывков.

Вот как описывается счастливая страна Дильмун, где нет ни болезней, ни смерти:

В Дильмуне ворон не каркает,
Птица «иттидду» не кричит,
Лев не убивает,
Волк не хватает ягненка,
Дикая собака, пожирательница козлят, здесь не живет,
.., пожиратель зерна, здесь не живет.
Вдов здесь нет,
Птица на высотах не... свое..,
Голубь не прячет голову,
Нет таких, которые бы говорили: «У меня болят глаза»,
Нет таких, которые бы говорили: «У меня болит голова»,
Нет старухи, которая бы говорила: «Я стара»,
Нет старика, который бы говорил: «Я стар».
Девы не омываются, прозрачная вода не струится по городу,
Пересекающий реку (смерти?) не произносит..,
Вокруг него не ходят с рыданиями жрецы,
Певец не возносит жалоб,
У стен города он не сетует и не плачет.

А вот отрывок о безболезненном и легком рождении богинь, которые созрели во чреве матери всего за девять дней вместо девяти месяцев:

Богиня Нинму вышла на берег реки,
Энки среди болот смотрит вокруг, смотрит вокруг.
Он говорит своему посланцу Исимуду:
«Я ли не поцелую юную красавицу?
Я ли не поцелую прекрасную Нинму?»

Исимуд, его посланец, отвечает:
«Что ж, поцелуй юную красавицу,
Поцелуй прекрасную Нинму!
Для моего царя я подниму сильный ветер».

Энки входит в лодку один,
Во второй раз он входит....,
Он обнимает ее (Нинму), он ее целует,
Он извергает семя в ее лоно.

Она принимает в свое лоно семя, семя Энки,
Один день для нее — один месяц,
Два дня для нее — два месяца,
Девять дней для нее — девять месяцев, девять месяцев
«материнства».

Нинму, как по.. маслу, как по.. маслу, как по лучшему
превосходному маслу
Родила богиню Нинкурра.

Эпизод, когда Энки съедает восемь растений, описан с типичными для шумерской поэзии повторами:

Энки среди болот смотрит вокруг, смотрит вокруг.

Он говорит своему посланцу Исимуду:

«Я хочу определить судьбу этих растений, я хочу познать их „сердце”.
Скажи, что это (за растение)? Скажи, что это (за растение)?»

Исимуд, его посланец, отвечает:

«Мой царь, это растение — дерево», — говорит он.

Он срубает его для Энки, и Энки его съедает.

«Мой царь, это растение — трава придорожная (?)», — говорит он,
Он срывает его для Энки, и Энки его съедает.

«Мой царь, это растение — трава придорожная (?)», — говорит он
Он срезает его для Энки, и Энки его съедает.

«Мой царь, это водяное растение», — говорит он.

Он срывает его для Энки, и Энки его съедает.

«Мой царь, это колючее растение», — говорит он.

Он срывает его для Энки, и Энки его съедает.

«Мой царь, это растение — каперсовое», — говорит он.

Он срывает его для Энки, и Энки его съедает.

«Мой царь, это растение —», — говорит он.

Он срезает его для Энки, и Энки его съедает.

«Мой царь, это растение — кассия», — говорит он.

Он срывает его для Энки, и Энки его съедает.

Энки определил судьбы всех растений, познал (?) их «сердце».

За это Нинхурсаг прокляла имя Энки:

«Пока он не умрет, я не взгляну на него глазами жизни!»

Итак, Нинхурсаг исчезает, однако лисе удается каким-то образом ее вернуть. И вот Нинхурсаг принимается лечить восемь больных частей тела Энки, в том числе и ребро, и для этого производит на свет восемь божеств-целителей:

Нинхурсаг посадила Энки возле себя.

«Брат мой, что у тебя болит?»

«Мой.. болит».

«Для тебя родила я бога Абу».

«Брат мой, что у тебя болит?»

«Моя челюсть болит».

«Для тебя родила я бога Нинтулла».

«Брат мой, что у тебя болит?»

«Мой зуб болит».

«Для тебя родила я богиню Нинсуту».

«Брат мой, что у тебя болит?»

«Мой рот болит».

«Для тебя родила я богиню Нинкаси».

«Брат мой, что у тебя болит?»

«Мой .. болит».

«Для тебя родила я богиню Нази».

«Брат мой, что у тебя болит?»

«Моя рука болит».

«Для тебя родила я богиню Азимуа».

«Брат мой, что у тебя болит?»

«Мое ребро болит».

«Для тебя родила я богиню Нинти» (то есть «госпожу ребра», или «госпожу, дающую жизнь»).

«Брат мой, что у тебя болит?»

«Мой .. болит».

«Для тебя родила я бога Эншага».

В представлении шумерских теологов рай предназначался не для смертных людей, а для бессмертных богов. Впрочем, один смертный — но только один! — по словам

шумерских сказителей, все же был допущен в этот рай богов. Речь идет о шумерском «Ное». Здесь мы подходим к мифу о потопе, самой близкой и разительной параллели с библейским текстом во всей клинописной литературе.

22 . ПОТОП

Первый «Ной»

О том, что библейский рассказ о потопе не является оригинальной легендой, созданной древнееврейскими авторами, известно с тех пор, как Джордж Смит расшифровал одиннадцатую табличку вавилонского «Эпоса о Гильгамеше». Однако сам вавилонский миф о потопе восходит к шумерскому первоисточнику.

В 1914 г. Арно Пёбель опубликовал нижнюю часть шумерской таблички в шесть столбцов из Ниппурской коллекции Музея Пенсильванского университета в Филадельфии. Содержание этого фрагмента в основном посвящено потопу. До сих пор он остается уникальным, несмотря на то что ученые сделали все от них зависящее, чтобы отыскать еще хоть одну аналогичную табличку. Ни в одном музее, ни при новых раскопках, ни в частных коллекциях не было обнаружено даже обломка с надписью, посвященной потопу. Табличка, опубликованная Пёбелем, остается нашим единственным источником, и сделанный им перевод до сих пор является общепринятым.

Однако содержание этой таблички интересно не только из-за описания потопы, но также благодаря предшествующему тексту. Несмотря на то что табличка сильно повреждена, этот вступительный отрывок необычайно важен для понимания шумерской космогонии и космологии. В нем содержится ряд сведений о сотворении человека, возникновении царской власти и о существовании по крайней мере пяти «допотопных» городов.

Итак, мы приводим практически весь сохранившийся текст этого мифа со всеми его неясностями и головоломками. Он хорошо иллюстрирует трудности, которые приходится преодолевать ассириологам, но одновременно дает представление об удивительных открытиях, которые им предстоит сделать.

Поскольку сохранилась, как я уже говорил, только нижняя часть таблички (примерно ее треть), нам придется начать, опустив недостающие верхние 37 строк первого столбца. Мы не знаем, что там было написано. Для нас действие начинается с того момента, когда некое божество обращается к другим богам, очевидно обещая спасти род человеческий от гибели, с тем чтобы люди вновь строили города и храмы для богов.

Вслед за этим идут три строки, которые трудно увязать с текстом. Скорее всего в них описывается, что именно делает это божество, чтобы выполнить свое обещание.

Далее следуют четыре строки, рассказывающие о сотворении человека, животных и растений.

Весь этот отрывок выглядит так:

«Род человеческий, в (момент) его гибели я..
Я верну Нинту ... моих созданий.
Я верну народ в его селения,
В городах они воздвигнут святилища для божественных законов.
Я сделаю их тень благодной.
Они положат в освященных местах кирпичи наших храмов,
Места, откуда мы повелеваем, они воздвигнут в местах освященных».
Он направил священную воду, гасящую огонь,
Он установил ритуалы и возвышенные божественные законы,
На земле он..., он поставил там....

Когда Ан, Энлиль, Энки и Нинхурсаг
Создали черноголовый народ,
Пышная растительность покрыла землю,
Животные, четвероногие (обитатели) равнины были искусно сотворены.

Здесь текст прерывается новой лакуной в 37 строк, после чего мы узнаем, что царская власть была ниспослана свыше и что тогда было основано пять городов.

Когда... царской власти спустилась с небес,
Когда возвышенная тиара и царский трон спустились с небес,
Он создал обряды и высшие божественные законы...,
Он основал пять городов в ... освященных местах,
Он дал им имена и сделал их главными святилищами.
Первый из этих городов, Эриду, он отдал Нудиммуду, вождю,
Второй, Бад-Тибиру, он отдал.,
Третий, Ларак, он отдал Эндур-биль-хурсаг,

Рис. 10. Стела верховного жреца Дуду

Четвертый, Сиппар, он отдал герою, чье имя — Уту,
Пятый, Шуруппак, он отдал Суду.

Когда он дал городам имена и сделал их главными святилищами,
Он принес....,
Повелел очищать малые реки, подобно....

Здесь в тексте опять пробел примерно в 37 строк, в которых, видимо, говорилось главным образом о решении богов ниспослать на землю потоп и уничтожить род человеческий. Когда текст снова становится достаточно четким, мы видим, что некоторые боги недовольны и опечалены таким жестоким решением. Затем на сцене появляется Зиусудра, шумерский прототип библейского Ноя. Он предстает как набожный и богобоязненный царь, во всех своих делах руководствующийся указаниями, полученными от богов в сновидениях и предсказаниях. Насколько можно понять, в тот момент, когда Зиусудра стоит возле какой-то стены, божественный голос возвещает ему о решении богов: на землю обрушится потоп, дабы «уничтожить семя рода человеческого». Этот довольно длинный отрывок читается так:

Потоп....

Так было решено.....

Тогда Нинту зарыдала, как...,
Божественная Инанна заплакала о своем народе,
Энки посоветовался сам с собой,
Ан, Энлиль, Энки и Нинхурсаг....,
Боги небес и земли произнесли имена Ана и Энлиля.

Тогда царь Зиусудра, пашишу*....,
Построил огромный....;
Смиренно, послушно, с благоговением, он....,
Каждый день, неустанно он....,
Вспоминая все сновидения, он.,.,,
Призывая небо и землю, он....
.... боги, стена....,
Зиусудра, встав рядом, слушал.
«Встань у стены, слева от меня....,

* П а ш и ш у — очевидно, один из жреческих титулов.— Прим. пер.

У стены я скажу тебе слово, внемли моему слову!
Слушай же мои указания:
По нашему.. потоп зальет главные святилища,
Дабы уничтожить семя рода человеческого....,
Таково решение и постановление собрания богов.
По слову Ана и Энлиля....
Его царству, его правлению (придет конец)».

Дальнейший текст, очевидно, содержит подробные указания Зиусудре — чтобы он построил огромный корабль и спасся на нем от гибели. Но эти указания отсутствуют, потому что здесь в поэме новый пробел примерно в 40 строк. Когда текст становится разборчивым, мы видим, что потоп уже обрушился «на страну». Он бушевал семь дней и семь ночей. На восьмой день вновь появился бог солнца Уту, разливая над землей свой драгоценный свет. Зиусудра простерся перед ним и принес ему жертвы.

Все бури с небывалой силой разбушевались одновременно.
И в тот же миг потоп залил главные святилища.

Семь дней и семь ночей
Потоп заливал землю,
И огромный корабль ветры носили по бурным водам.
Потом вышел Уту, тот, кто дает свет небесам и земле.
Тогда Зиусудра открыл окно на своем огромном корабле,
И Уту, герой, проник своими лучами в огромный корабль.

Зиусудра, царь,
Простерся перед Уту,
Царь убил для него быка, зарезал овцу.

После нового пробела примерно в 39 строк в последнем отрывке описывается обожествление Зиусудры. Простершись перед Аном и Энлилем, он получает «жизнь, подобно богу», вечное дыхание, а затем его переносят в Дильмун — «место, где восходит солнце»:

Ан и Энлиль провозгласили: «Дыханье небес, дыханье земли»,
и по их.. оно распространилось,
И растения, выйдя из земли, поднялись.

Зиусудра, царь,
Простерся пред Аном и Энлилем.

Ан и Энлиль обласкали Зиусудру,
Дали ему жизнь, подобно богу,
Вечное дыхание, подобно богу, принесли для него свыше.
Потом Зиусудру, царя,
Спасителя имени всех растений и семени рода человеческого,
В страну перехода, в страну Дильмун, где восходит солнце,
они поместили.

Остальная часть таблички, содержащая примерно еще 39 строк, разрушена. Поэтому о дальнейшей судьбе Зиусудры в обители бессмертия мы можем только строить предположения.

Перейдем теперь от рая к аду, от небес к подземному царству, которое сами шумеры определяли как «страну, откуда нет возврата». В эту страшную страну смерти спускается непокорная, своевольная богиня, чтобы удовлетворить свое непомерное тщеславие. История ее нисхождения в подземное царство, о которой пойдет речь в следующей главе, сохранилась лучше многих других шумерских мифов. Кроме того, в ней мы находим весьма интересную параллель с одной из важнейших тем Евангелия.

23. ПОТУСТОРОННИЙ МИР

Первая легенда о воскресении из мертвых

«Аид» греков, «Шеол» древних евреев по-шумерски назывался «Кур». Первоначально это слово означало «гора», затем приобрело более общее значение — «чужая страна», потому что окружающие горные области таили в себе постоянную угрозу для Шумера. С точки зрения шумерской космологии, Кур представлял собой пустое пространство между корой земли и первозданным океаном. Именно туда спускались тени мертвых. Чтобы проникнуть в Кур, нужно было пересечь «поглощающую людей реку», через которую перевозил на лодке особый перевозчик, «человек лодки». Здесь мы видим полную аналогию с греческими Стиксом и Хароном.

Хотя потусторонний мир считался обителью мертвых, там была своего рода «жизнь». Например, в Библии, в Кни-

ге Исайи, описывается волнение, охватившее в Шеоле тени бывших царей и правителей, когда до них дошла весть о смерти царя вавилонского (14, 9—11). Что касается шумеров, то в Музее Пенсильванского университета в Филадельфии сохранилась табличка, рассказывающая о приключениях шумерского царя в подземном царстве. Она была опубликована в 1919 г. С. Лэнгдоном. Содержание уцелевшего текста вкратце таково.

После своей смерти великий царь Ур-Намму прибывает в Кур. Сначала он приносит дары и жертвы семи подземным божествам, каждому в его дворце. Затем он приносит жертвы двум другим божествам, — одно из них выполняет должность писца загробного мира, — чтобы заручиться их поддержкой. Наконец, тень Ур-Намму добирается до места, предназначенного для него священнослужителями Кура. Здесь его приветствуют другие обитатели Кура, стараясь, чтобы он почувствовал себя как дома. Герой Гильгамеш, ставший «судьей подземного царства», объясняет Ур-Намму законы и правила Кура.

Но проходит «семь дней», проходит «десять дней», и до Ур-Намму доносятся «жалобы Шумера». Он вспоминает о стенах Ура, которые он оставил недостроенными, о своем новом дворце, который не успел освятить, о своей жене, которую не может больше обнять, о своем ребенке, которого некому покачать на коленях. Все это смущает его покой в потустороннем мире, и Ур-Намму раздражается долгими и горестными сетованиями.

В особых случаях тени мертвых могли на время «подниматься» на землю. В первой книге пророка Самуила (глава 28) рассказывается о том, как его тень была вызвана из Шеола по просьбе царя Саула. Точно так же в шумерской поэме «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство» (см. гл. 25 нашей книги) тень Энкиду поднимается из Кура, чтобы обнять своего господина Гильгамеша и побеседовать с ним.

Хотя Кур предназначался для смертных, в нем пребывало немало различных бессмертных божеств. Сохранилось несколько мифов, объясняющих присутствие некоторых божеств в подземном царстве.

В поэме, названной мною «Сотворение бога луны» (см. гл. 14), рассказывается о том, как Энлиль, главное божество шумерского пантеона, был изгнан остальными богами из Ниппура в подземное царство в наказание за то, что он силой овладел богиней Нинлиль. По пути в Кур он

зачал трех подземных богов,—два из них хорошо известны и по другим источникам. Однако в нашем распоряжении имеется и другой, гораздо более подробный рассказ о падении бога пастухов Думузи, самого известного из «умирающих» богов. Об этом сохранилась целая поэма, посвященная главным образом богине Инанне, одной из наиболее популярных героинь шумерских мифов.

Богиня любви, какое бы имя она ни носила, всегда и везде зажигала воображение людей. Римская Венера, греческая Афродита, вавилонская Иштар во все века привлекали внимание поэтов и певцов, воспевавших их добрые и злые деяния.

Шумеры поклонялись богине любви Инанне, чье имя означает «царица небес». Ее мужем был пастушеский бог Думузи — библейский Таммуз, плач по которому обличал как святотатство пророк Иезекииль уже во второй половине I тысячелетия до н. э.

Существуют два варианта мифа о сватовстве и женитьбе Думузи. Об одном, где его соперником выступает бог земледельцев Энкимду, уже шла речь в главе 20. В другой поэме у Думузи нет соперников,— он единственный претендент на руку Инанны.

В этой поэме пастух Думузи приходит к дому Инанны и громогласно требует, чтобы его впустили. По его рукам и бедрам струятся молоко и сливки. Инанна спрашивает совета у своей матери, затем оmyвается, умащается благовониями, надевает царственные одежды и украшения из драгоценных камней и открывает дверь будущему жениху. Они обнимаются. Думузи, видимо, тут же овладевает Инанной и уводит ее в «город своего бога».

Но Думузи и не подозревал, что эта женитьба, которой он так страстно жаждал, приведет его к гибели и что ему предстоит быть низвергнутым в ад. И все из-за того, что он не принял в расчет непомерное женское тщеславие! Обо всем этом рассказывается в поэме «Нисхождение Инанны в подземное царство», замечательной тем, что в ней мы впервые сталкиваемся с идеей воскресения из мертвых. Содержание поэмы следующее.

Несмотря на то что Инанна, как указывает самое ее имя *, уже является царицей небес — «великого верха», она

* Имя Инанна происходит от Нин-анна, что означает по-шумерски «повелительница неба». — *Прим. пер.*

стремится любой ценой усилить свое могущество и сделаться одновременно повелительницей подземного царства — «великого низа». Она решает сойти в подземное царство, чтобы на месте решить, как ей лучше добиться своей цели. Захватив подходящие к случаю божественные законы и облачившись в царственные одежды и драгоценные украшения, она готова отправиться в «страну, откуда нет возврата».

Властительница подземного царства Эрешкигаль, шумерская богиня смерти и мрака,— это старшая сестра Инанны и злейший ее враг. Инанна опасается, и не без причины, что сестра умертвит ее, как только она проникнет в адские владения. Поэтому Инанна заранее наставляет своего верного визиря Ниншубура, что ему надлежит сделать, если она не вернется по прошествии трех дней. Сначала Ниншубур должен оплакать гибель своей госпожи в зале собрания богов. Затем он должен пойти в Ниппур, город Энлиля, и умолить этого всемогущего бога, чтобы тот спас Инанну, не допустил ее смерти. Если Энлиль откажется, Ниншубур должен отправиться в Ур, город бога луны Нанны, и повторить свою просьбу. А если и Нанна откажется, тогда надо идти в Эриду, город бога мудрости Энки, который «знает пищу жизни» и «напиток жизни» и наверняка придет на помощь Инанне.

Затем Инанна спускается в подземное царство и приближается к дворцу Эрешкигаль, построенному из лазурита. У входа ее встречает главный привратник Нети. Он спрашивает, кто она и зачем пришла. Инанна придумывает какой-то предлог. Привратник по приказу Эрешкигаль впускает Инанну и проводит ее через семь врат в подземное царство. У каждых врат, несмотря на протесты Инанны, с нее снимают какое-то одеяние или украшение, так что пройдя последние врата, она остается нагой. Инанну повергают на колени перед Эрешкигаль. Ануннаки, семь ужасных судей подземного царства, обращают на нее «взгляд смерти», и она тотчас умирает. Тело ее подвешивают на крюк.

Проходят три дня и три ночи. На четвертый день Ниншубур, видя, что его госпожа не возвращается, начинает в соответствии с ее приказом просить богов о помощи. Как и предвидела Инанна, Энлиль и Нанна отказались ее спасти, зато Энки составил целый план возвращения богини к жизни.

Он создает два бесполох существа, «кургарру» и «калатурру». Вручив им «пищу жизни» и «воду жизни», Энки повелевает им спуститься в подземное царство и окропить тело Инанны этой «пищей» и этой «водой». Они выполняют указание Энки, и Инанна воскресает.

Но одно дело вновь обрести жизнь, а другое — выбраться из ада. В «стране, откуда нет возврата» существует неизблемый закон: тот, кто прошел сквозь адские врата, может вернуться назад, в мир живых, только в том случае, если найдет себе замену. И тут уж даже богиня Инанна ничего не может поделаться. Ей позволяют вернуться на землю, однако не одной, а в сопровождении жестоких демонов, которым приказано снова ввергнуть ее в ад, если она не найдет другое божество, согласное ее заменить.

Сначала Инанна со своими чудовищными стражами посещает два шумерских города, Умму и Бад-Тибиру. Боги — покровители этих городов, Шара и Латарак, испуганные видом пришельцев из загробного мира, одеваются во власяницы и простираются перед Инанной во прахе. Их смирение, по-видимому, трогает Инанну, и та удерживает демонов, уже было собравшихся ввергнуть несчастных богов в ад.

Затем Инанна и демоны прибывают в шумерский город Куллаб. Бог — покровитель этого города — Думузи. Он супруг Инанны и, естественно, не собирается при виде своей жены облачаться в рубище и ползать перед ней во прахе. Наоборот, он надевает свои лучшие одеяния и гордо усаживается на трон. Это приводит богиню в ярость. Она обращает на своего мужа «взгляд смерти» и отдает его нетерпеливым и беспощадным демонам, чтобы те увлекли его в подземное царство. Думузи раздражается рыданиями. Он воздевает руки к небесам, призывая солнечного бога Уту — брата Инанны и, следовательно, своего родственника. Думузи умоляет Уту спасти его от когтей демонов, превратив его руку в «руку змеи», а его ногу — в «ногу змеи».

К несчастью, именно здесь, на середине монолога Думузи, надпись кончается. Но по другим многочисленным источникам Думузи известен нам как один из богов подземного царства. Поэтому можно предположить, что Уту не внял его мольбам и что демоны все-таки увлекли Думузи в царство мертвых.

Вот этот миф, как его изложил древний поэт (за исключением опущенных нами многочисленных повторов):

От «великого верха» она устремилась мыслью к «великому низу».
От «великого верха» богиня устремилась мыслью к «великому низу»,
От «великого верха» Инанна устремилась мыслью
к «великому низу».

Моя госпожа покинула небо, покинула землю,
В подземное царство она спустилась,
Инанна покинула небо, покинула землю,
В подземное царство она спустилась,
Она оставила власть царя, она оставила власть царицы,
В подземное царство она спустилась.

Семь божественных законов она привязала сбоку,
Все божественные законы она собрала и взяла в руку,
Все законы она сложила у своих нетерпеливых ног.
«Шугурру», корону равнины, она возложила себе на голову,
Кольца своих волос она укрепила на лбу,
Измерительную веревку и линейку из лазурита она сжала в руке,
Бусы из мелкого лазурита она привязала к шее,
Двойные камни «нунуз» она прикрепилла на груди.
Золотое кольцо она зажала в руке,
Нагрудник «приди, мужчина, приди» она возложила на грудь,
Одеянием царицы — «пала» она прикрыла тело,
Притиранием «пусть придет, пусть придет» она обвела глаза.

Инанна направилась к адским пределам.
Ее визирь Ниншубур шел с нею рядом,
И чистая Инанна говорила Ниншубуру:
«О ты, моя незыблемая опора,
Мой визирь с добрыми речами,
Мой витязь с искренними речами,
Я спущусь сейчас в подземное царство.

Когда я прибуду в подземное царство,
Восплачь обо мне, как (плачут) среди развалин!
В зале собрания богов ударь для меня в барабан,
В доме богов пребывай для меня.
Опусти глаза для меня, опусти углы рта для меня.....
Словно нищий, облачись в последнее рубище для меня,
И один направь свои стопы в Экур, обитель Энлиля.

Когда войдешь в Экур, обитель Энлиля,
Заплачь перед Энлилем:

„О отец Энлиль, не допусти, чтобы дочь твою предали смерти в аду,
Не допусти, чтобы твой драгоценный металл покрылся прахом в аду,
Не допусти, чтобы твой прекрасный лазурит был разбит
гранильщиком,

Не допусти, чтобы твой самшит пошел на поделки плотника,
Не допусти, чтобы деву Инанну предали смерти в аду!"
Если Энлиль не поможет тебе, отправляйся в Ур.

В Уре, при входе в храм.. страны,
В Экишнугале, обиталище Нанны,
Восплачь перед Нанной:

„Отец Нанна, не допусти, чтобы дочь твою предали смерти в аду!"
(Повторяются четыре соответствующие строки).
Если Нанна не поможет тебе, отправляйся в Эриду.

В Эриду, когда войдешь в дом Энки,
Восплачь перед Энки:

„Отец Энки, не допусти, чтобы дочь твою предали смерти в аду!"
(Повторяются четыре соответствующие строки).
Отец Энки, владыка мудрости,
Знающий „пищу жизни", знающий „питье жизни",
Наверняка вернет меня к жизни».

Направляясь в подземное царство,
Инанна сказала своему визирю Ниншубуру:
«Ступай, Ниншубур,
И не вздумай меня послушаться!»

Когда Инанна прибыла во дворец, на гору из лазурита,
У врат подземного царства, она не испугалась.
Во дворце подземного царства она смело сказала:
«Открой, привратник, открой!
Открой, Нети, открой, и я войду совсем одна!»

Нети, главный привратник ада,
Ответил чистой Инанне:
«Кто ты, скажи мне?»

«Я царица небес — места, где восходит солнце».

«Если ты царица небес — места, где, восходит солнце,
Для чего, скажи мне, ты пришла в страну, откуда нет возврата?
Почему твое сердце привело тебя на путь, откуда путник
никогда не возвращается?»

Чистая Инанна ему ответила:

«К моей старшей сестре Эрешкигаль,
Ибо муж ее, повелитель Гудаль-анна, убит,
Для участия в погребальном обряде,
....; да будет так!»

Нети, главный привратник адских врат,

Ответил чистой Инанне:

«Подожди, Инанна, дозвожь мне поговорить с моей госпожой,
С моей царицей Эрешкигаль дозвожь мне поговорить,... дозвожь
поговорить!»

Нети, главный привратник адских врат,

Вошел в дом царицы своей Эрешкигаль и сказал:

«О моя царица, дева богоподобная....,,
Семь божественных законов она привязала сбоку....»
(Здесь повторяется целиком третья строфа поэмы).

Тогда Эрешкигаль пришла в ярость, укусила себе бедро.

Нети, главному привратнику, она сказала:

«Ступай, Нети, главный привратник адских врат,

И все, что я прикажу, исполни!

У семи адских врат отодвинь засовы,

Открой двери Ганзира, „лика" ада, единственного дворца

в подземном царстве.

И когда Инанна войдет,

Войдет, согнувшись, пусть ее введут ко мне нагой».

Нети, главный привратник адских врат,

Сделал так, как приказала его царица.

У семи адских врат он отодвинул засовы.

Он открыл двери Ганзира, «лика» ада, единственного дворца

в подземном царстве,

И чистой Инанне сказал:

«Иди, Инанна, входи!»

Но когда Инанна вошла,

«Шугурру», корону равнины, сняли с ее головы.

«Что это значит, скажи мне?» — спросила она.

«Храни молчанье, Инанна, законы подземного царства совершенны,

О Инанна, не осуждай обычаи подземного царства!»

Когда она прошла сквозь вторые врата,

Измерительную веревку и линейку из лазурита у нее отобрали.

«Что это значит, скажи мне?» — спросила она.

«Храни молчанье, Инанна, законы подземного царства совершенны,
О Инанна, не осуждай обычай подземного царства!»

Когда она прошла сквозь третьи врата,
Бусы из мелкого лазурита у нее сняли с шеи.

*(Здесь и в последующих четырех строфах повторяется вопрос Инанны
и ответ привратника).*

Когда она прошла четвертые врата,
Двойные камни «нунуз» с нее сняли.

Когда она прошла пятые врата,
Золотое кольцо у нее взяли.

Когда она прошла шестые врата,
Нагрудник «приди, мужчина, приди» сняли с ее груди.

Когда она прошла седьмые врата,
Одеяние царицы — «палу» — сняли с ее тела.

Согнувшись до земли, совсем нагая, предстала она перед Эрешкигаль.

Божественная Эрешкигаль воссела на свой трон.
Ануннаки, семь судей, вынесли свое решение.
Эрешкигаль направила на Инанну свой взгляд, взгляд смерти,
Она изрекла свой приговор, изрекла гневное слово,
Она издала вопль, вопль проклятия,
И слабая женщина обратилась в труп,
И труп был подвешен на крюк.

Когда истекли три дня и три ночи,
Ее визирь Ниншубур,
Ее визирь с добрыми речами,
Ее витязь с искренними речами
Восплакал о ней, как (плачут) среди развалин,
Ударил для нее в барабан в зале собрания богов,
Пришел для нее в дом богов,
Опустил для нее глаза, опустил для нее углы рта,...,
Словно нищий, облачился он в последнее рубище,
И один направил свои стопы в Экур, обитель Энлиля.

Когда он вошел в Экур, обитель Энлиля,
Он заплакал перед Энлилем:
«Отец Энлиль, не допусти, чтобы дочь твою предали смерти в аду.
Не допусти, чтобы твой драгоценный металл покрылся прахом в аду,

Не допусти, чтобы твой прекрасный лазурит был разбит гранильщиком,
Не допусти, чтобы твой самшит пошел на поделки плотника,
Не допусти, чтобы деву Инанну предали смерти в аду!»

Но отец Энлиль не захотел помочь ему, и Ниншубур отправился
в Ур.

В Уре он вошел в храм., страны,
Вошел в Экишнугаль, обиталище Нанны,
И заплакал он перед Нанной:
«Отец Нанна, не допусти, чтобы дочь твою предали смерти в аду!»
(Повторяются четыре соответствующие строки).

Но отец Нанна не захотел помочь ему, и Ниншубур отправился
в Эриду.

В Эриду он вошел в дом Энки,
И заплакал он перед Энки:
«Отец Энки, не допусти, чтобы дочь твою предали смерти в аду!»
(Повторяются четыре соответствующие строки).

Отец Энки сказал в ответ Ниншубуру:
«Что случилось с моей дочерью? Я встревожен!
Что случилось с Инанной? Я встревожен!
Что случилось с царицей всех стран? Я встревожен!
Что случилось с небесной иеродулой? Я встревожен!»
Энки выскреб грязь из-под ногтя и слепил кургарру,
Энки выскреб грязь из-под ногтя, окрашенного в красный
цвет, и слепил калатурру.

Он вручил «пищу жизни» кургарру,
Он вручил «питье жизни» калатурру.
Отец Энки сказал кургарру и калатурру:

Начало речи Энки в тексте отсутствует. Далее текст звучит так:

«Они (подземные божества) предложат вам речную воду,—
не пейте ее!
Они предложат вам зерно со своих полей,— не ешьте его!
Но скажите ей (Эрешкигаль): „Отдай нам труп, подвешенный
на крюк!“

Пусть один из вас умастит его „пищей жизни“,
Пусть другой из вас окропит его „литьем жизни“,
И тогда Инанна воскреснет!»

Кургарру и калатурру исполняют приказ Энки, но от этого эпизода сохранился лишь конец:

Божества преисподней предложили им воду реки,— они отказались,
Божества преисподней предложили им зерно со своих полей,—
они отказались,
«Дай нам труп, что висит на крюке»,— сказали они Эрешкигаль.

И божественная Эрешкигаль ответила кургарру и калатурру:
«Ведь это труп вашей царицы!»

«Пусть это труп нашей царицы,— сказали они,— отдай его нам!»

И вот им отдали труп, что висел на крюке.

Один окропил его «пищей жизни», (другой — «питьем жизни»,
И Инанна встала.

Но когда Инанна захотела подняться из ада,
Ануннаки остановили ее (и сказали):

«Кто из спустившихся в ад выходил невредимым из ада?
Если Инанна хочет подняться на землю,
Пусть найдет кого-нибудь вместо себя!»

Инанна поднялась из ада на землю,
Но маленькие демоны, подобные тростнику «шукур»,
И большие демоны, подобные тростнику «дуббан»,
Неотступно следовали за ней.

Тот, кто шел впереди, держал в руках скипетр, хотя не был визирем
Тот, кто шел рядом с ней, был опоясан оружием, хотя и не был воином.
Те, кто следовали за ней,
Те, кто следовали за Инанной,
Были существами, не знающими ни пищи, ни питья,
Они не ели мелкоразмолотой муки,
Не пили воду для возлияний.
Они были из тех, кто вырывает жену из объятий мужа,
Кто отрывает дитя от груди кормилицы.

В сопровождении этих адских созданий Инанна посещает шумерские города Умму и Бад-Тибиру. Боги — покровители этих городов — падают ниц перед ней, и это спасает их от когтей демонов. Затем Инанна приходит в Куллаб, город ее мужа, бога пастухов Думузи.

Думузи, облаченный в благородные одежды, гордо воссел на свой трон.

И тут демоны схватили его за бока....,

Семь (демонов) набросились на него, как на умирающего,
И пастухи перестали играть для него на дудках и на свирелях.

На него устремила Инанна свой взгляд, взгляд смерти,
Против него изрекла она свое слово, слово гнева,
Против него возопила она воплем проклятия:

«Это он, возьмите его!»

Так чистая Инанна отдала в руки демонов пастуха Думузи.

Те, кто теперь окружили его,

Те, кто теперь окружили Думузи,

Были существами, не знающими ни пищи, ни питья,

Они не ели мелкоразмолотой муки,

Они не пили воду для возлияний.

Они были не из тех, кто наполняет радостью лоно женщины,

Не из тех, кто обнимает своих детей,

А из тех, кто отрывает сына от колен отца,

Кто уводит сноху из дома свекра.

И Думузи заплакал, лицо его позеленело.

К небесам, к богу Уту воздел он руки:

«Уту, ты ведь брат моей жены, а я — муж твоей сестры!

Я тот, кто приносит сливки в дом твоей матери!

Я тот, кто приносит молоко в дом Нингаль!

Преврати мою руку в руку змеи.

Преврати мою ногу в ногу змеи,

Помоги мне спастись от демонов, не дай им меня схватить!»

Восстановление и перевод этой поэмы потребовали много времени и труда. В этом деле принимал активное участие ряд ученых. В 1914 г. Арно Пёбель издал первые три небольших фрагмента этого мифа, хранившиеся в Музее Пенсильванского университета в Филадельфии. С. Лэнгдон в том же году опубликовал два важных отрывка, найденных в Стамбуле, в Музее Древнего Востока, причем один из них занимал всю верхнюю часть большой таблички в четыре столбца. Наконец, Э. Чиера в свою очередь обнаружил в Музее Пенсильванского университета еще три фрагмента, которые были опубликованы в двух посмертных томах его работ, содержащих копии литературных текстов Шумера. Мне выпала честь в 1934 г. подготовить эти два тома к изданию для Восточного института Чикагского университета.

К тому времени в нашем распоряжении было уже восемь более или менее фрагментарных частей этого мифа. Тем не менее содержание его оставалось неясным из-за многочис-

ленных пропусков, и как раз в наиболее важных местах. Казалось, что установить логическую связь между этими кусками уже не удастся.

К счастью, положение спасло замечательное открытие Чиеры. Он обнаружил в Университетском Музее нижнюю часть той самой таблички в четыре столбца, верхнюю часть которой нашел в Стамбуле С. Лэнгдон. Очевидно, табличка была расколота до раскопок или во время их, и две ее половины оказались разъединенными: одна осталась в Стамбуле, а вторая была отправлена в Филадельфию. Чиера умер, так и не успев воспользоваться своим открытием, но именно оно позволило мне опубликовать первое издание мифа «Нисхождение Инанны в подземное царство» в журнале *Revue d'Assyriologie* за 1937 г. Дело в том, что, когда верхняя часть таблички была совмещена с нижней, структура текста стала настолько ясной, что остальные фрагменты уже нетрудно было поставить на свои места.

Тем не менее многочисленные пробелы и повреждения по-прежнему затрудняли перевод и понимание текста. Значение некоторых важных отрывков оставалось неясным. Но в том же 1937 г., во время научной командировки в Стамбул, я по счастливой случайности нашел в Музее Древнего Востока еще три фрагмента того же мифа. Возвратившись в США, я обнаружил в 1939 г. в Музее Пенсильванского университета четвертый отрывок, а в 1940 г.— пятый. Эти пять новых фрагментов позволили мне заполнить некоторые очень важные лакуны в первом варианте реконструкции и перевода текста. Теперь можно было подготовить гораздо более полное издание, которое и вышло в 1942 г. (см. *Proceedings of the American Philosophical Society*).

Однако дело на этом не кончилось. Через некоторое время мне выпала честь ознакомиться с вавилонской коллекцией Иельского университета, одной из крупнейших коллекций древних табличек в мире. В ней насчитывается свыше ста табличек с шумерскими литературными текстами. Изучая их, я обнаружил одну превосходно сохранившуюся табличку, о которой, впрочем, Чиера упоминал в своих записях еще в 1924 г.; но эта запись раньше как-то не привлекла моего внимания.

На этой табличке было 92 строки. Однако 30 последних строк прибавляли к уже известному нам тексту совершенно новый эпизод, который оказался неожиданно важным, ибо он положил конец давнему заблуждению специа-

листов по мифологии и религии Двуречья относительно бога Думузи.

Дело в том, что большинство ученых полагали, будто Думузи был за что-то низвергнут в ад до того, как туда спустилась Инанна. Возможно, такое представление возникло благодаря семитической версии мифа («Нисхождение в ад богини Иштар»), опубликованной раньше ее шумерского прототипа. Ученые считали, что Инанна, подобно Иштар, спускалась в подземное царство, чтобы освободить и вернуть на землю своего супруга Думузи. Но вновь обнаруженный в коллекции Иельского университета текст доказал, что такое толкование неправильно. Инанна вовсе не спасала своего мужа! Наоборот, она сама, разгневанная высокомерием Думузи, отдала его демонам, чтобы те низвергли его в «страну, откуда нет возврата».

Новая табличка из вавилонской коллекции Иельского университета, с которой хранитель коллекции Ф. Стивенс снял превосходную копию, потребовала третьего, дополненного издания этого мифа. Оно вышло в 1951 г. (*Journal of Cuneiform Studies*, vol. V) при активном участии моих коллег А. Фалькенштейна, Б. Ландсбергера и Т. Якобсена.

Хотя подземное царство шумеров считалось темным и страшным миром, где «жизнь» в лучшем случае была только жалкой тенью земной жизни, оно имело и свои «положительные стороны» — в частности, в те часы, когда на землю спускалась ночь. В самом деле, ведь там существовал суд над мертвыми, и если решение суда было благоприятным, душа покойного, по-видимому, могла пребывать в довольстве и счастье и даже добиваться исполнения желаний.

Это довольно противоречивое, парадоксальное представление шумеров о загробном мире отражено в двух элегиях, начертанных на прекрасно сохранившейся табличке московского Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, с которой я смог ознакомиться в 1957 г. Этим двум элегиям я посвятил монографию, опубликованную в Москве в 1960 г. на русском и английском языках*. Она же легла в основу следующей главы.

* С. Н. Крамер. *Две шумерские элегии*, Издательство восточной литературы, М., 1960. — Предисловие, введение, перевод шумерского текста, комментарии и примечания на русском и английском языках.

24. ЭЛЕГИИ

Первые погребальные песни

Осенью 1957 г. я получил приглашение от Академии наук СССР посетить Советский Союз в качестве гостя Академии и поработать два месяца над археологическими коллекциями Москвы и Ленинграда. В свою очередь Музей Пенсильванского университета предложил Г. Ф. Дебецу, известному советскому антропологу из Института этнографии АН СССР, провести два месяца в США для работы в области антропологии. О таком обмене учеными, первом в истории СССР и США, договорился доктор Ф. Рейни, директор Музея Пенсильванского университета, во время своего кратковременного визита в Советский Союз весной 1957 г.

Целые три недели я провел в Москве, главным образом в Музее им. А. С. Пушкина, где собрано около 2000 клинописных табличек. В результате предварительного ознакомления с этой коллекцией, любезно предоставленной в мое распоряжение дирекцией музея, я обнаружил великолепно сохранившуюся табличку с шумерским литературным текстом, записанным в четыре столбца. При ближайшем изучении оказалось, что это два самостоятельных стихотворных произведения, относящихся к жанру погребальной песни. Поскольку погребальные песни, или элегии, были обнаружены среди сохранившихся шумерских литературных текстов впервые, мне, естественно, захотелось подробно изучить эту табличку из Музея им. А. С. Пушкина с тем, чтобы впоследствии опубликовать ее транскрипцию и перевод с комментариями. Таким образом, большую часть моего пребывания в Москве я посвятил работе над точной транскрипцией шумерского текста, в чем мне немало помогли сотрудники музея.

Но вскоре я понял, что для подготовки полного научного издания необходимо несколько месяцев упорного труда, и поэтому решил заняться этим уже в Филадельфии. В Москве мне любезно предоставили серию отличных фотографий заинтересовавшей меня таблички. Пользуясь этими фотографиями и транскрипцией текста, сделанной в Москве, я и подготовил настоящую главу.

Табличка, которую писец разделил на четыре столбца, несомненно была составлена в древнем городе Ниппуре

Рис. 11. Табличка с элегиями из Музея им. А. С. Пушкина.

около 1700 г. до н. э., хотя сами элегии могли быть сочинены значительно раньше. На табличке два отдельных произведения неодинаковой величины, отделенные друг от друга чертой. Первая, более длинная элегия состоит из 112 строк, вторая — из 66. За текстами обоих произведений следует концовка из трех строк, отделенная двойной чертой. В ней указано название элегий и число строк каждого произведения в отдельности и обоих вместе. Большую часть текста составляют погребальные песни, исполненные человеком по имени Лудингирра.

В первой песне Лудингирра оплакивает смерть своего отца Нанны, который, если я понял правильно, умер от ран, полученных в какой-то схватке. Во второй песне тот же Лудингирра оплакивает свою добродетельную и любимую жену Навиртум, умершую, по-видимому, естественной смертью.

Обеим песням предшествуют прологи, как бы воссоздающие обстановку, в которой происходило действие. Пролог к первой песне состоит из 20 строк, то есть довольно короток по сравнению с самим произведением. Пролог ко второй песне, состоящий из 47 строк, почти в два с половиной раза длиннее самой песни. Оба произведения написаны высоким поэтическим стилем, с использованием различных видов повторов, параллелизмов, хоровых рефренов, поэтических сравнений и метафор. Деяния и добродетели покойных, равно как скорбь и страдания покинутых ими близких, воспеваются в высокопарных и выпренных фразах, что свойственно похоронным песням и надгробным речам всех времен и народов.

Пролог к первой песне начинается двумя строками несколько более прозаического характера, в которых говорится, что сына, уехавшего в далекую страну, вызвали обратно в Ниппур, так как отец его смертельно заболел. Далее следуют шесть строк, характеризующих отца в самых лестных выражениях. Каждая строка заканчивается повтором: «(он) заболел». В следующем отрывке описываются тяжкая болезнь отца, его страдания и близкая смерть (строки 9—15). Весть о несчастье настигает сына во время «далекого путешествия», откуда он, как мы можем предположить, возвращается в Ниппур и, скорбя, сочиняет плач по умершему (строки 16—20).

Сама погребальная песнь начинается с описания глубокого горя жены покойного, которая была, вероятно, матерью

Лудингирры (строки 21—32). Далее описывается плач не названной по имени жрицы «лукур» бога Нинурты (строки 33—39), безымянной жрицы «энтум» бога Нуску (строки 40—46), а также скорбь сыновей покойного и их невест (строки 47—62). Потом следует краткая молитва о благополучии покойного Нанны (строки 63—69), затем описывается горе дочерей усопшего, старейшин и «матрон» Ниппура, а также его рабов (строки 70—75). Следующая строка весьма любопытна; она, как мне кажется, является молитвой, касающейся старшего сына покойного (строка 76). За нею идет серия проклятий в адрес убийцы Нанны и потомства убийцы (строки 77—84). Погребальная песнь заканчивается рядом молитв. Здесь молитва о благополучии усопшего в загробном мире (строки 85—98), молитва личному богу усопшего и богу его города с просьбой быть к нему благосклонными (строки 99—103) и молитва о благоденствии его жены, детей и всего рода (строки 104—112).

Пролог ко второй элегии, как я уже отмечал, длиннее ее текста. Пролог начинается с известия о смерти Навиртум (следует ряд параллельных сравнений и метафор, строки 113—121), затем описывается горе обитателей Ниппура (строки 122—131). Смысл следующих двух отрывков неясен (строки 132—138 и 139—150). В первом речь идет как будто о том, что в связи со смертью Навиртум было приостановлено отправление какого-то важного религиозного обряда. Затем появляется муж покойной Лудингирра, чтобы произнести исполненную печали погребальную песнь (строки 151—159). Песнь может быть разбита на две части: скорбный плач по поводу тяжелой утраты Лудингирры, состоящий из ряда последовательных параллелизмов, причем каждый заканчивается одним и тем же рефреном (строки 160—168), и нескольких молитв за усопшую, за ее мужа, детей и домочадцев (строки 169—178).

Таково содержание элегий. Что касается их значения, то они, разумеется, обладают немалыми достоинствами как литературные произведения. Это одна из первых попыток передать в образной поэтической форме человеческие чувства и переживания, вызванные трагической утратой — неизбежной смертью самого дорогого из близких. С точки зрения истории литературы, они являются древнейшими, бесценными образцами жанра элегии. Они опередили на много веков плач Давида о Сауле и Ионафане и гомеровскую

погребальную песнь о Гекторе, которой так печально заканчивается «Илиада». В силу этого они имеют огромное значение для сравнительного изучения элегического жанра.

Первое из этих двух стихотворных произведений, кроме того, важно также для понимания космологии шумеров. Из строк 88—89 мы узнаем, что шумерские мудрецы, или по крайней мере некоторые из них, считали, что солнце после захода продолжает свой путь через загробный мир, а строка 90 сообщает нам, что бог луны Нанна проводит свой «день сна» — то есть двадцать восьмой день каждого месяца — в загробном мире. И, что самое важное, эти два произведения (особенно первое) проливают новый свет на представления шумеров о «жизни» в загробном мире. Так, например, мы впервые узнаем, что бог солнца Уту, который вообще считался судьей рода человеческого, выносил окончательные приговоры усопшим и что бог луны Нанна в какой-то степени «определял судьбу» усопших в день, когда он посещал загробный мир (строки 88—90).

Что касается авторства двух элегий и мотивов, побудивших к созданию их, то нет никаких сомнений в том, что они были написаны одним из «педагогов» шумерской школы и что использовались они в качестве учебных текстов. Ученики должны были заучивать эти стихи наизусть и переписывать их. И действительно, в Ниппуре была обнаружена учебная табличка, содержащая 20-ю строку первой элегии, начертанную как рукой учителя, так и рукой ученика.

Внешне создается впечатление, что автор только сочинил прологи к обеим песням, тогда как собственно погребальные плачи — это истинные плачи самого Лудингирры. Более того, в первой элегии автор прямо указывает на то, что Лудингирра сам сочинил погребальный плач (строка 20), как бы намекая, что он располагал копией подлинных погребальных плачей Лудингирры.

Однако это представляется маловероятным, в особенности если учесть одинаковый стиль пролога и самого плача. В целом создается впечатление, что обе элегии явились плодом творческого воображения поэта, ощутившего потребность излить свои мысли и чувства в красноречивой форме трогательной погребальной песни. Точно так же он мог бы вдохновиться, например, на создание мифологической или эпической поэмы.

Ниже приводится буквальный перевод обеих элегий с неизбежными пропусками и вопросительными знаками, так как текст, к сожалению, все еще весьма труден для понимания.

ПЕРВАЯ ЭЛЕГИЯ

[Отец] послал в отдаленные края за своим сыном,
Сын, уехавший в отдаленные края, не... наставления тех дней.
Живущий в городе отец заболел,
Бесценный алмаз, встречающийся (только) в далеких горах, заболел,
Тот, кто был прекрасен (и) красноречив (?), кто..., заболел.
Тот, кто имел привлекательную (?) фигуру, а также (?)
(привлекательное) лицо, заболел,
Тот, кто был мудр в замыслах, искусен в собраниях, заболел,
Тот, кто был человеком праведным, богобоязненным, заболел,
Заболел — и не ел — слабел (?),
С устами (?) плотно сомкнутыми (?), он не вкушал пищи,
лежал изголодавшийся,
Подобно табличке (?), подобно козленку (?), он...,
Герой, вождь (?) не [шевелит (?)] ногой (?),
Из-за (?) своего недуга.. он измучен плач[ем (?)] по (?)
своим детям (?),
Сердце удрученное [содрогающееся (?)] от рыданий,
Ученый умер в Ниппуре (от ран, полученных) при нападении (?).

Весть эта настигла его сына в далеком путешествии,
Как всякий сын, который никогда не разлучался (?) со своим отцом,
Он не возвратил (?) одежду (?), которая была послана (?) ему,
Сын проливал слезы, бросился наземь, произнес для него
«гимн песни»,
Лудингирра из глубины своего пылающего (?) сердца сочинил
погребальную песнь?

«О, отец, ты, кто умер при нападении (?),
О Нанна, ты, кто по злому умыслу был унесен в загробный мир,
Твоя жена — прежде (?) она была супругой, (а) теперь она вдова —
Кружится (?) вокруг тебя, подобно вихрю, .. для тебя...,
Подобно ... она делает для тебя, (да), тебя — рассудок ее помутился
Она испустила [крик (боли)], словно перед родами,
Поворачивает..., [стонет (?)], подобно корове,
... испустила крик (боли), льет слезы.
Спрятала его (?)..., и (?) обезумела.

Рука смерти была.. в (?) их (?)...., [ни] кто....,
Смерть — это милость (?) богов, место, где определяется судьба....—
Пусть твои потомки .. твоё колено (?).
Твои дочери имеют... для тебя в своих (?)....,
Старейшины твоего города... [начали (?)] причитать (?) [по тебе],
Матроны твоего города.... по тебе,
Раб [подле (?)] жернова.... [проливает (?)] слезы о тебе,
Дом, где (?) он (?) находится (?)....,
Он .. серебро (?), он приобрел (?) зерно, он [приумножил (?)]
обширные владения,

Пусть старший сын [установит (?)] для тебя твои... прочные основы.
Человек, убивший тебя [который (?)] подобен тому, чье сердце...,
Кто напал (?) (на) тебя, (да на) тебя, с грубой силой —
Истинное (?) мщение принадлежит царю (?), пастырю,
твоему (личному) богу,
Истинный (?) совет принадлежит (богу) Уту —
Тот человек, [да] будет он проклятым, смерть (да будет его уделом),
[пусть ни]кто не [зароет (?)] его кости,
Его потомство,.... [пусть] имена их [исчезнут (?)],
Пусть их имущество, подобно летящим (?).. воробьям (?)....

Пусть Страны (?)...
Принесет (?) твои благосклонные.. слова, пусть они
удовлетворят тебя.
О Нанна, да возрадуется твой дух (?), да обретет покой твое сердце,
Уту, великий владыка (?) Ада,
Когда превратит темные места в светлые, будет судить тебя
(благожелательно),
Пусть (бог) Нанна решит судьбу твою в „День сна“
(благожелательно),
(Пусть) Нергал, Энлиль загробного мира...., перед (?) этим (?)
Пусть едящие хлеб герои (?) произнесут имя твое..., пищу,
(Пусть).... загробного мира... жалость...,
Пусть (?)..—пьющие [утолят (?)] твою жажду своей (?)
свежей водой,

[Пусть (?)]....
В силе [пусть (?)] Гильгамеш.. твоё (?) сердце (?),
[Пусть] Неду и Этана [будут] твоими союзниками,
Боги загробного мира будут [произносить (?)] молитвы за тебя,
Пусть твой (личный) бог скажет: „Довольно“, пусть он
(благожелательно) [определит (?)] твою судьбу,
Пусть бог твоего города.. для тебя.. сердце,

Ибо (?) возвратились (?), [они (?) произносят (?)]
ее (?) песнь для нее,
Ибо (?) от ее маленькой....,
Камень.....
Ибо (?) в объятиях ее мужа дни (ее) не продлились, (и)
рыдания не смолкли.
Ибо (?) из его... Нинурта не вернул (?) радостный возглас,
Ибо (?) его любимая жрица «энту» не вошла в гипар.
Ослицу, избранную (?) в жены (?), не приняли (?)
в качестве жертвы (?).

Потому что (?).... пришло к концу (?) рядом с ним,
Он (?) поднимается (?) в (?) величии [и (?)] благорасположении,
произносит погребальную песнь для нее,
Ее (?) матери, родившей ее (?), он..., он... для нее,
Их (?) доли (?), их (?)...., он совершает для нее в (?)....,
Их души (?) встали перед (?) ней, их грешные (?) тела (?)
растерзаны (?)
Их (?).., работники (?), [и (?)] родня (?).., их (?)
Ибо (?).... с колен (?)....,
Они [н]е (?) стояли....
(Все) их няньки были....,

Подобно людям, охваченным яростью, камни.... больные (?),
Над ее (?) городом свет небесный.... не воссиял (?).

Тогда (ее) люби[мый] муж совсем о[дин]....,
В своем городе, в Ниппуре, городе (?)....
Аудингирра, ее [люби]мый муж, совсем о[дин]....,
В своем городе, в Ниппуре, городе (?)....,
Подошел к ней с (?) мукой (?) в сердце (?), [в (?)]....,
великое местожительство,
Они (?) взяли (?) его (?) руку, сердца их (?) были поражены (?),
Его... были отвращены (?) от пищи, дыхание его прерывалось (?),
Он издавал [стоны (?)] подобно корове, одежд.. на нем не было,
Их (?)... он надевает, он над нею плачет:

«О где же....! Я бы воззвал к тебе,
Где же (богиня) Меме (и) гений радостный (?)!
Я бы воззвал к тебе,

Где же [милые (?)] уста (?), прекрасные уста, добрые
уста (!) Я бы воззвал к тебе,
Где же мое превосходное (?) оружие (?), на славу (?)
изготовленный (?) колчан! Я бы воззвал к тебе,
Где же то, что озаряет лик (?), мой царственный совет!
Я бы воззвал к тебе,
Где же мой..., мой бесценный алмаз! Я бы воззвал к тебе,
Где же мои прекрасные песни, радовавшие сердце! Я бы
воззвал к тебе,
Где же мое превосходное (?) оружие (?), золотой колчан,
озаряющий душу! Я бы воззвал к тебе,
Где же моя танцовщица, резвая (?) (и) „воздевающая руки“!
Я бы воззвал к тебе.

Пусть твой (жизненный) путь не исчезнет (из памяти),
пусть имя твое называют (в грядущие дни),
Пусть грехи твоих домо(чадцев) будут забыты, пусть долги твои
будут прощены.
Пусть твой муж будет здоров, пусть он достигнет успеха
как доблестный муж (и) как старейшина (?),
Пусть судьба детей твоих будет благоприятной, пусть
благополучие будет их уделом,
Пусть твои домо(чадцы) преуспевают, пусть будет у них
щедрое будущее.
Пусть Уту принесет тебе свет из загробного мира — он,
который...,
Пусть Нинкурра.. тобой (?), пусть она вознесет тебя высоко,
Потому что злой ураган обрушили (?) на тебя, пусть небо
повернет (?) его вспять,
Пусть произнесут (?) страшное заклятие против демона,
который поднял на тебя руку,
Потому что добрая матрона простерта во всем своем великолепии (?)
подобно быку, [печ]альна погребальная песнь о тебе!»

В начале 23-й главы мы объяснили термин «Кур», как обозначающий пространство, лежащее под земной корой и отделяющее землю от бурного первозданного океана (библейского «Техома»). Но, по-видимому, это же слово «Кур» означало свирепого дракона, который должен был держать в повиновении разрушительные подземные воды. Борьба богов и героев с драконом — один из излюбленных сюжетов шумерской мифологии. Этой теме и посвящается следующая глава.

25. БОРЬБА С ДРАКОНОМ

Первый св. Георгий

Борьба с драконом — одна из самых распространенных тем у всех народов всех времен. В Греции, например, где было столько легенд о богах и героях, почти каждый из легендарных персонажей убивал какое-нибудь чудовище (вспомним хотя бы самых прославленных героев — Персея и Геракла!). С возникновением христианства героические подвиги начали совершать святые, и тут появился св. Георгий со своим драконом. Но что лежало в основе всех этих легенд? Поскольку тема борьбы с драконом возникла в Шумере уже в III тысячелетии до н. э., мы имеем все основания предполагать, что многие детали этих легенд, как греческих, так и раннехристианских, восходят к шумерским источникам.

В настоящее время нам известны по крайней мере три варианта уничтожения дракона, существовавших у шумеров более трех с половиной тысяч лет назад. В первых двух вариантах противниками дракона выступают боги — бог воды Энки, весьма похожий на греческого Посейдона, и бог южного ветра Нинурта. Но в третьем мифе это смертный, герой Гильгамеш, далекий прообраз св. Георгия.

Энки сражается с чудовищем, которое именуется Кур. Их единоборство происходит, очевидно, вскоре после отделения земли от неба. Насколько можно понять из сохранившихся отрывочных строк, поводом для этой битвы послужило злодейское похищение Куром богини небес — сюжет, весьма сходный с греческим мифом о похищении Персефоны. К сожалению, нам приходится воссоздавать эту легенду всего по дюжине строк, потому что ни одной таблички с более подробным текстом этого мифа до сих пор не найдено. Эта история кратко излагается в прологе к эпосу «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство». Интересующий нас отрывок следует непосредственно за строками, повествующими о сотворении мира. Содержание его таково.

После того как небо было отделено от земли, бог неба Ан поднял небеса, а бог воздуха Энлиль опустил землю. Тогда-то и произошло это злодеяние. Богиня Эрешкигаль была похищена и стала добычей Кура. Кто похитил ее, неясно; возможно, это сделал сам Кур. Бог Энки взшел на

корабль и поплыл к Куру. О намерениях его также ничего не говорится, но можно предположить, что он хотел покарать чудовище за похищение Эрешкигаль. Кур яростно защищался, отбиваясь камнями и обрушивая на корабль Энки волны первозданного океана, которые были ему подвластны. На этом отрывок кончается — автор мифа «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство» спешит перейти к рассказу о самом Гильгамеше. Мы не знаем, чем кончается поединок, но скорее всего победа осталась за Энки. Вполне вероятно, что этот эпизод попал в миф о Гильгамеше лишь для того, чтобы объяснить, почему Энки считался морским богом, подобно греческому Посейдону и почему его храм в Эриду назывался Абзу, что означает по-шумерски «море», «бездна».

Вот этот отрывок из пролога, где рассказывается о битве бога с чудовищем:

Когда Ан вознес небеса,
Когда Энлиль опустил землю,
Когда Эрешкигаль была унесена в царство Кура,

Когда он поставил парус, когда он поставил парус,
Когда отец поставил парус (и отплыл) против Кура,
Когда Энки поставил парус (и отплыл) против Кура,
В царя Кур начал бросать маленькие (камни);
В Энки Кур начал бросать большие (камни).

Маленькие — «камни руки»,
Большие — «камни пляшущего тростника»,
Раздавили киль барки Энки,
Обрушились, словно буря пошла на приступ.

Против царя воды хлынули на нос барки,
Разрывая все, словно волки,
Против Энки воды хлынули на корму барки,
Ударили, словно лев.

Второй вариант битвы с драконом мы находим в длинной поэме, насчитывающей более 600 строк, которую можно озаглавить «Подвиги и деяния бога Нинурты». При восстановлении этой поэмы было использовано множество табличек и фрагментов, в большинстве своем еще не опубликованных.

На сей раз главным «злодеем» является не Кур, а демон болезней и немочей Асаг, обитавший в царстве Кура (то есть в подземном царстве). Герой легенды — Нинурта, бог южного ветра, считавшийся сыном бога воздуха Энлиля.

Вслед за вступительным гимном рассказ начинается с обращения Шарура — олицетворения оружия бога Нинурты — к своему владыке. По какой-то неясной причине Шарур возненавидел демона Асага. Поэтому он долго восхваляет доблесть и подвиги Нинурты, подбивая того уничтожить чудовище. Нинурта соглашается напасть на Асага и убить его. Но это, видимо, оказалось ему не по плечу, потому что он, спасаясь бегством, «летит как птица». Однако Шарур снова обращается к нему со словами ободрения. Нинурта обрушивается на Асага всей мощью своего оружия и уничтожает демона.

Но смерть Асага навлекает несчастье на весь Шумер. Разъяренные воды первозданного океана устремляются на землю. Они не дают пресной воде растекаться по полям и садам. Боги Шумера, «носившие мотыгу и корзину» (то есть следившие за орошением и обработкой земли), приходят в отчаяние. Река Тигр больше не разливается, в ней не осталось «хорошей» воды.

Голод был страшен, ничто не росло на полях.
В речках никто не «омывал руки»,
Воды не поднимались в разлив.

Поля не орошались,
Никто не рыл (оросительных) каналов,
По всей стране ничто не росло,
Только сорные травы.

Тогда властелин раскинул могучим умом,
Нинурта, сын бога Энлиля, сотворил великие дела.

Нинурта нагромождает груды камней, чтобы каменной стеной отгородить Шумер от «могучих вод» первозданного океана. А те воды, что уже успели затопить поля, Нинурта отводит в Тигр. Река разливается и снова орошает поля. Поэт повествует об этом так:

То, что было рассеяно, он собрал.
То, что было выброшено из царства Кура,

Он отвел и сбросил в Тигр.
Высокие воды он (Тигр) излил на поля.
И тогда все на земле
Возрадовались повсюду делам Нинурты, царя страны.
Поля дали зерна в изобилии.
Виноградники и сады принесли свои плоды,
(Урожай) громоздился горами в житницах и на холмах.
Властелин избавил землю от печали,
Он преисполнил радостью дух богов.

Прослышав о героических деяниях своего сына, мать Нинурты, Нинмах, заволновалась. Она так встревожена, что не может сомкнуть глаз в своей опочивальне. Издалека она обращается к Нинурте с просьбой разрешить ей посетить его. Когда она приходит, Нинурта смотрит на нее «взглядом жизни» и говорит:

«О госпожа, раз ты захотела явиться в царство Кура,
О Нинмах, раз ты решилась ради меня проникнуть
в эту враждебную страну,
Раз ты не испугалась ужасов битвы, кипящей вокруг меня,
Да будет холм, насыпанный мною, героем Нинуртой,
Назван Хурсаг (горой) и да будешь ты его царицей».

Затем Нинурта благословляет гору Хурсаг, чтобы на ней были всякие растения, вино и мед, всевозможные деревья, золото, серебро и бронза, крупный скот, овцы и прочие «четвероногие создания». Нинурта обращается к камням: он проклинает камни, которые были против него в поединке с демоном Асагом, и благословляет те, что сохранили ему верность. По своему стилю и настроению этот отрывок напоминает главу 49 библейской Книги Бытия, где Иаков благословляет некоторых своих сыновей и проклинает других. Завершается поэма длинным гимном, восхваляющим Нинурту.

В третьей легенде в поединок с драконом вступает, как уже говорилось, не бог, а человек — Гильгамеш, славнейший из героев Шумера. Чудовище, которое он убивает, — это Хувава, страж «Страны живых», охраняющий ее священные кедры.

Легенда эта изложена в поэме, которую я озаглавил «Гильгамеш и Страна живых». Собранная из 14 табличек и фрагментов, она была впервые опубликована в 1950 г.

(см. *Ancient Near Eastern Texts*, под ред. Джеймса Причарда; второе издание вышло в 1955 г.). Пока удалось восстановить первые 174 строки, но их достаточно, чтобы понять, какое сильное эмоциональное и художественное воздействие это произведение должно было оказывать на неискушенных читателей (вернее, слушателей) древнего Шумера. Основное достоинство поэмы — ее общечеловеческая, «вечная» тема: страх смерти и возможность преодолеть смерть, добившись бессмертной славы. Автор весьма искусно и с большим поэтическим чутьем подбирает детали, которые подчеркивают трагическую атмосферу повествования. Стиль его тоже превосходен, при помощи повторов и тонких параллелизмов поэт добивается необходимого ритмического рисунка. Короче говоря, эта поэма — одно из лучших известных нам произведений шумерской литературы. Содержание ее сводится к следующему.

«Властелин» Гильгамеш, царь Урука, сознает, что в свое время ему придется покинуть этот мир, как всем смертным. Но прежде чем наступит неизбежный конец, он хочет по крайней мере «возвысить свое имя». Для этого он решает отправиться в далекую Страну живых, очевидно с намерением похитить ее священные кедры и перенести их в Урук. Он говорит об этом своему верному слуге и неразлучному спутнику Энкиду. Тот советует сначала поделиться своими планами с богом солнца Уту, ибо Уту — хранитель страны кедров.

По совету Энкиду Гильгамеш приносит Уту жертвы и просит о помощи в предстоящем путешествии в Страну живых. Вначале Уту сомневается в способностях Гильгамеша, но тот повторяет свою просьбу в более убедительных словах. Проникнувшись к нему сочувствием, Уту решает помочь Гильгамешу. Насколько можно понять, он собирается каким-то образом обезвредить семерых страшных демонов, олицетворяющих разрушительные стихии, которые могут помешать Гильгамешу на его трудном пути через горы в Страну живых. Обрадованный Гильгамеш набирает 50 добровольцев из горожан Урука, у которых нет «ни дома, ни матери» и которые готовы идти за ним куда угодно. Подготовив бронзовое и деревянное вооружение для себя и своих спутников, Гильгамеш выступает в поход и с помощью Уту пересекает семь горных хребтов.

Что именно произошло после того, как они спустились с седьмого хребта, не совсем ясно, потому что соответ-

ствующие строки очень плохо сохранились. Когда же текст вновь становится достаточно разборчивым, мы находим Гильгамеша погруженным в глубокий сон, от которого он пробуждается лишь по прошествии длительного времени и с большим трудом. Весьма раздосадованный таким промедлением, Гильгамеш клянется своей матерью Нинсун и своим отцом Лугальбандой, что достигнет Страны живых и что ни бог, ни человек его не остановит.

Однако Энкиду умоляет Гильгамеша вернуться, ибо священные кедровые сторожит ужасное чудовище Хувава, убивающее всех своих противников. Гильгамеш не обращает внимания на его предостережение. Веря, что с помощью Энкиду он преодолет все трудности и опасности, Гильгамеш убеждает своего соратника отбросить страх и идти вместе с ним.

Спрятавшись в своем кедровом доме, чудовище Хувава следит за пришельцами. В ярости оно пытается обратить их в бегство, но, видимо, безрезультатно. Здесь в тексте снова лакуна в несколько строк. Затем мы узнаем, что, срубив семь деревьев, Гильгамеш сталкивается лицом к лицу с Хувавой, очевидно, в самом доме чудовища. Как это ни странно, но в самом начале поединка Хуваву охватывает непреодолимый страх. Он обращается с мольбой к богу солнца Уту и просит Гильгамеша не убивать его. Герой склонен пощадить чудовище: в запутанных, темных выражениях он предлагает Энкиду отпустить Хуваву. Однако Энкиду, боясь всяких неожиданностей, возражает против столь неосторожного решения. Чудовище возмущается суровостью Энкиду, но тщетно. Герои отрубают ему голову. Затем они, по-видимому, относят труп Хувавы к Энлилю и богине Нинлиль. Что было дальше, мы не знаем, потому что здесь от текста сохранилось всего несколько неполных строк.

Вот буквальный перевод наиболее ясных отрывков этой поэмы:

Властелин обратился мыслью к Стране живых,

Властелин Гильгамеш обратился мыслью к Стране живых,

Он сказал своему слуге Энкиду:

«О Энкиду, кирпич и печать * еще не обозначили неизбежный конец!

* Имеется в виду священная надпись, выдавленная на кирпиче.— *Прим. пер.*

Я хотел бы проникнуть в Страну, я хотел бы возвысить свое имя,
В местах, где были возвышены имена, я хотел бы возвысить свое имя,
В местах, где не были возвышены имена, я хотел бы возвысить
имена богов».

Его слуга Энкиду ответил ему:

«О мой господин, если ты хочешь проникнуть в Страну,
предупреди Уту,

Предупреди Уту, героя Уту!

Уту охраняет Страну,

Страну срубленного кедра, герой Уту ее охраняет, предупреди Уту!»

Гильгамеш взял козленка, белого, без единого пятнышка.

Он прижал к груди другого козленка, темного, для приношения,

В руке сжал он серебряный посох своего...,

Он сказал небесному Уту:

«О Уту, я хотел бы проникнуть в Страну, будь моим союзником,
Я хотел бы проникнуть в Страну срубленного кедра, будь моим
союзником!»

Небесный Уту ответил ему:

«Ты прав..., но кто ты для Страны?»

«О Уту, я хотел бы тебе что-то сказать, внемли моим словам,

Я хотел бы, чтобы мои слова достигли тебя, внемли им!

В моем городе человек умирает,— сердце скорбит,

Человек погибает,— на сердце тяжесть.

Я заглянул через стену,

И увидел трупы... плывущие по реке.

Меня самого ждет такая же участь, воистину это так!

Самый высокий человек не может коснуться небес,

Самый толстый человек не может покрыть всю землю.

Пока кирпич и печать еще не определили неизбежный конец,

Я хотел бы проникнуть в Страну, я хотел бы возвысить свое имя,

В местах, где имена были возвышены, я хотел бы возвысить свое имя,

В местах, где имена не были возвышены, я хотел бы возвысить
имена богов».

Уту принял его слезы как приношение.

Подобно милосердному человеку, он явил милосердие.

Семь героев, сыновей одной матери,

Он заключил в горные пещеры.

Тот, кто срубил кедр, охвачен радостью,

«Клянусь жизнью Нинсун, моей матери, что меня родила,
и божественного Лугальбанды, моего отца,
Пусть я уподоблюсь тому, кто на диво всем сидел на коленях
Нинсун, моей матери, что меня родила».

И второй раз сказал он:

«Клянусь жизнью Нинсун, моей матери, что меня родила,
и божественного Лугальбанды, моего отца,
Пока не убью этого „человека“, если он человек, пока
не убью его, если он бог,
Стопы мои, обращенные к Стране, я не обращаю вспять, к городу!»

Верный слуга взмолился,.. жизнь.

Он ответил своему господину:

«О господин мой, ты никогда не видел этого „человека“,
а потому не страшишься.

Я же видел этого „человека“, и я страшусь.

Это воин, его зубы — зубы дракона,

Его лик — морда льва,

Его.. — низвергающийся потоп,

От его лба, сокрушающего тростник и деревья, никто не уйдет!

О господин мой, ступай в Страну, а я возвращусь в город.

И расскажу твоей матери о твоей славе,— пускай возрадуется!

Я расскажу ей о твоей неминуемой смерти,— пускай горько

заплачет!»

Гильгамеш отвечает:

«Никто другой за меня не умрет, нагруженный корабль не утонет,

Ткань, сложенную втрое, не разрежешь,

...не сокрушишь,

Дом и хижину огонь не разрушит.

Помогай мне, я буду помогать тебе,— и что может с нами

случиться?....

Пойдем вперед, мы увидим его своими глазами!

И если, когда мы пойдем вперед,

Страх подступит к тебе, страх подступит к тебе,—

прогони его вспять!

Ужас подступит к тебе, ужас подступит к тебе, прогони его вспять!

В твоём..., пойдем вперед!»

Они были еще на расстоянии в четыреста метров,

Когда Хувава..(из) своего дома из кедра,

Устремил на Гильгамеша свой взгляд, взгляд смерти,

Закачал головой, замотал головой....

Он (Гильгамеш) сам вырвал с корнем первое дерево,

«Сыны» города, его спутники,
Обрубили ветви, закрепили веревки,
Отнесли его к подножию горы.
Когда он покончил с седьмым деревом, он приблизился к дому
Хувавы,
Он направился к «змею винной набережной» * в его доме
И, как будто запечатлевал поцелуй, ударил его по щеке.

Зубы Хувавы защелкали,... рука его задрожала.
«Я хотел бы сказать тебе слово...,
(О Уту), матери, меня породившей, я не знаю, отца, меня
воспитавшего, я не знаю,
Ты породил меня в Стране и ты меня воспитал!»
Он заклинал Гильгамеша жизнью небесной,
жизнью земной и жизнью загробной.
Он взял его за руку, повел его в...

Сердце Гильгамеша преисполнилось жалости к...,
И он сказал слуге своему Энкиду:
«О Энкиду, отпусти пойманную птицу в свое гнездо,
Пусть пленный вернется к своей матери!»

Энкиду отвечал Гильгамешу:
«Не имеющего разума, даже если он гигант,
Растерзает Намтар (демон смерти), Намтар, не делающий
различий.

Если пойманная птица вернется в свое гнездо,
Если пленный вернется к своей матери,
Ты сам не вернешься в город матери, породившей тебя!»

Хувава сказал Энкиду:
«Против меня, во зло мне ты говоришь, Энкиду!
О наемник.... во зло мне ты говоришь!»
Когда он так сказал,
Они перерезали ему горло,
Наложили на него....,
Отнесли его к Энлилю и Нинлиль.

Гильгамеш был самым прославленным из героев Шумера, любимым персонажем древних певцов и поэтов. Одна-

* З м е й — божество набережной.— Прим. пер.

ко современные востоковеды впервые узнали о нем и о его героических деяниях не из шумерских, а из семитических источников. Он был главным героем вавилонской эпической поэмы, которая, по общему признанию, является наиболее значительным литературным произведением всего древнего Двуречья. Однако сравнительный анализ этого вавилонского эпоса и его шумерских источников показывает, что вавилонские авторы и «редакторы» использовали и переделали шумерский эпос в своих целях, подгоняя его под свою мерку. В следующей главе мы попытаемся отделить шумерское ядро от более поздней семитической оболочки.

26. СКАЗАНИЯ О ГИЛЬГАМЕШЕ

Первое литературное заимствование

Изучив тысячи глиняных табличек и фрагментов, доставленных в Британский «музей с холмов, под которыми погребена древняя Ниневия, англичанин Джордж Смит 3 декабря 1862 г. выступил с докладом на заседании только что организованного Общества библейской археологии. Его доклад стал важным событием в деле научного изучения Библии и, в частности, сравнительного анализа библейских текстов.

Дж. Смит объявил, что на глиняной табличке из погребенной под песками библиотеки царя Ашшурбанипала, правившего в VII в. до н. э., он обнаружил и расшифровал древний вариант мифа о потопе, весьма сходный с библейской легендой из Книги Бытия. Его сообщение произвело сенсацию в научных кругах и было восторженно принято широкой публикой. Лондонская газета «Дейли телеграф» немедленно выделила фонды для новой экспедиции в Ниневию. Дж. Смит сам возглавил эту экспедицию, однако его здоровье и характер мало соответствовали условиям работы на Ближнем Востоке, и он скончался на месте раскопок в возрасте 36 лет.

Вскоре после своего доклада Дж. Смит, продолжая изучение табличек и фрагментов из библиотеки Ашшурбанипала, обнаружил, что найденный им миф о потопе представляет собой лишь отрывок какой-то длинной поэмы, которую сами вавилоняне называли «Сказания о Гильгамеше».

Согласно утверждениям древних писцов, этот цикл состоял из 12 сказаний, или песен, около 300 строк каждая. В библиотеке Ашшурбанипала каждое сказание было начертано на отдельной табличке. Легенда о потопе занимает большую часть одиннадцатой таблички.

Со времен Дж. Смита в Ираке было обнаружено множество новых текстов, относящихся к семитическому циклу сказаний — или, как его теперь обычно называют, — эпосу о Гильгамеше. Некоторые из них записаны в древневавилонский период, то есть в XVIII—XVII вв. до н. э. Ранние переводы (начиная со второй половины II тысячелетия до н. э.) отдельных частей эпоса на хурритский и даже на индоевропейский хеттский язык были обнаружены на глиняных табличках во многих местах Малой Азии. Это доказывает, что в древности вавилонский эпос о Гильгамеше широко изучали и переводили на Ближнем Востоке.

Сегодня в нашем распоряжении имеется примерно 3500 строк этого эпоса. В 1930 г. другой англичанин, покойный археолог Р. Кэмбелл Томпсон, выпустил превосходное полное издание текста сказаний о Гильгамеше. С тех пор появилось еще два более современных перевода на английский язык: первый под названием *The Gilgamesh Epic and Old Testament Parallels* выпустил Александр Хейдел; второй (в сборнике *Ancient Near Eastern Texts*) опубликовал Эфраим Шпейзер (редактор — Джемс Причард).

Популярность этих сказаний в древности, да и сегодня, вполне объяснима, ибо с точки зрения раскрытия человеческой психологии и по своей драматичности «Эпос о Гильгамеше» не имеет себе равных в вавилонской литературе. В большинстве произведений вавилонских авторов главную роль играют боги, причем эти боги являются скорее абстракцией, нежели действующими лицами, скорее искусственными символами, нежели олицетворением глубоких духовных сил. И даже в тех вавилонских сказаниях, где героями выступают смертные люди, они обычно играют чисто механическую роль, не имеют своего лица и оставляют читателя равнодушным. Их образы бескровны и бесцветны, это всего лишь марионетки, необходимые для иллюстрации какого-нибудь до предела стилизованного мифа.

«Эпос о Гильгамеше» — совсем другое дело. Здесь в центре событий — человек, который любит и ненавидит, горюет и радуется, дерзает и изнемогает, надеется и отчаи-

ваются. Правда, и тут не обходится без богов: сам Гильгамеш, в соответствии с традициями мифотворчества своего времени, на две трети бог и только на одну треть — человек. Но именно Гильгамеш-человек определяет все развитие эпоса. Боги и их дела составляют лишь фон сказаний, так сказать обрамление, в рамках которого развивается драма героя. И как раз человеческое начало придает этой драме всеобъемлющее, непреходящее значение.

Проблемы и устремления, о которых идет речь в эпосе, близки всем народам всех времен. Это потребность в дружбе, восхваление верности, жажда личной славы, страсть к подвигам и приключениям, неистребимый страх перед неизбежной смертью и всепоглощающее стремление к бессмертию. Все эти противоречивые чувства, вечно тревожащие человеческие сердца, составляют основу сказаний о Гильгамеше, и они придают этой поэме качества, позволившие ей преодолеть границы пространства и времени. Нет ничего удивительного в том, что «Эпос о Гильгамеше» оказал сильное влияние на эпические произведения близких к нему эпох. Даже сегодня нас волнует общечеловеческая тема поэмы, первозданная мощь трагедии древнего героя.

Начинается поэма кратким вступлением, в котором восхваляется сам Гильгамеш и его город Урук. Мы узнаем далее, что Гильгамеш, царь Урука, неугомонный воин, не знающий соперников и не умеющий обуздывать свои желания, угнетает горожан. Особенно им досаждают его поистине раблезианская ненасытность по отношению к прекрасному полу. В отчаянии жители Урука начинают взывать к богам. Боги решают, что Гильгамеш тиранит и угнетает своих сограждан потому, что еще не нашел среди людей себе равного. Они посылают на землю великую богиню-мать Аруру.

Аруру создает из глины могучего Энкиду. Обнаженный, обросший волосами, ничего не ведая о людских делах, Энкиду живет среди диких обитателей равнины. Но именно Энкиду, скорее животному, нежели человеку, предстоит сломить неукротимую гордость Гильгамеша и смирить его разум. Однако сначала необходимо «очеловечить» Энкиду, и эта миссия в основном выпадает на долю женщины. Из Урука приходит блудница и соблазняет Энкиду. В результате, утратив часть своей грубой силы, Энкиду значительно выигрывает в умственном и духовном отношении. Познав

любовь женщины, он становится разумным существом, и дикие звери бегут от него. Женщина терпеливо обучает его искусству есть, пить и одеваться так, как это делают люди.

И вот очеловеченный Энкиду готов встретиться с Гильгамешем, чтобы укротить его дерзкий и своевольный нрав. Сны предвещают Гильгамешу появление Энкиду. Похвально своей неограниченной властью в Уруке, Гильгамеш устраивает ночную оргию и приглашает на нее Энкиду. Однако тот, проникшись отвращением к Гильгамешу из-за его излишеств, загораживает вход в дом, где должна состояться оргия, чтобы Гильгамеш не смог туда войти. И вот два титана вступают в единоборство: горожанин Гильгамеш и простой житель равнины Энкиду. Вначале, насколько можно понять, Энкиду берет верх, но тут гнев Гильгамеша почему-то испаряется, и герои заключают друг друга в объятия. Из яростного сражения рождается их долгая и нерушимая дружба, которой суждено стать легендарной. Отныне два неразлучных друга будут вместе совершать самые удивительные подвиги.

Вскоре оказалось, что жизнь в Уруке не радует Энкиду. Излишества и развлечения превращают его в слабое, безвольное существо. Тогда Гильгамеш делится с ним своим смелым планом: он хочет добраться до далекой страны кедрового леса, убить ее стража, могучего Хуваву, срубить кедр и «стереть все зло с лица земли». Энкиду, который прежде свободно бродил по кедровому лесу, предупреждает Гильгамеша о подстерегающей его смертельной опасности. Однако Гильгамеш смеется над его страхами. Он стремится возвысить свое имя и добыть бессмертную славу, вместо того чтобы влачить долгое, но серое существование. Гильгамеш совещается со старейшинами Урука, получает поддержку от бога солнца Шамаша, покровителя всех странников, и заказывает мастерам Урука гигантское оружие для себя и для Энкиду. Закончив приготовления, они отправляются в путь. После долгого утомительного путешествия герои входят в сказочно-прекрасный кедровый лес, убивают Хуваву и срубают кедр.

Одно приключение влечет за собой другое. Едва успевают героя вернуться в Урук, как богиня любви и сладострастия Иштар влюбляется в красавца Гильгамеша. Суля ему всяческие блага, Иштар уговаривает Гильгамеша разделить ее любовь. Но Гильгамеш уже не тот неукротимый,

невоздержанный тиран, каким он был прежде. Он прекрасно знает, что у богини было множество возлюбленных и что она никому не была верна. Поэтому он высмеивает ее предложение и отвергает ее любовь. Разочарованная и жестоко оскорбленная Иштар просит бога неба Ану наслать на Урук небесного быка, чтобы тот убил Гильгамеша и уничтожил его город. Сначала Ану отказывается, но когда Иштар угрожает призвать мертвецов из подземного царства, Ану вынужден уступить.

Небесный бык спускается в Урук и начинает сеять вокруг гибель и опустошение, истребляя сотни воинов. Гильгамеш и Энкиду вступают с ним в бой. Могучим объединенным натиском им удается убить чудовище.

И вот наши герои на вершине славы, весь Урук воспекает их подвиги. Но судьба неумолима, она жестоко и внезапно кладет конец их радости. За участие в убийстве Хувавы и небесного быка Энкиду приговорен богами к ранней смерти. Двенадцать дней длится его болезнь, а на тринадцатый он испускает дух на глазах своего друга Гильгамеша, сломленного горем и собственным бессилием перед лицом судьбы. С этого мгновения его не покидает тоскливая мысль о том, что рано или поздно ему уготован такой же конец, как и Энкиду,— неизбежная смерть.

Гильгамеша не утешают ни совершенные им подвиги, ни слава. Теперь его измученная душа жаждет более осязаемого физического бессмертия. Надо искать и найти секрет вечной жизни.

Гильгамеш знает, что в прошлом лишь один человек достиг бессмертия — Утнапиштим, благочестивый и мудрый царь древнего Шуруппака, одного из пяти царских городов, основанных до потопа. (Кстати, холм под которым погребен Шуруппак, был раскопан немецкими и американскими археологами, и там было обнаружено немало глиняных табличек, относящихся к первой половине III тысячелетия до н. в.).

Итак, Гильгамеш решает любой ценой добраться до отдаленного жилища Утнапиштима. Быть может, этот герой, достигший бессмертия, откроет ему свою тайну? Он Долго блуждает по горам и долинам, сражаясь с дикими зверями и страдая от голода. Он переплывает первозданный океан и «воды смерти». Наконец, усталый и обессиленной, он предстает перед Утнапиштимом. Некогда гордый правитель Урука превратился в бродягу, его грязное тело

прикрыто лишь звериными шкурами... Гильгамеш просит Утнапиштима открыть ему тайну вечной жизни.

Однако ответ Утнапиштима далеко не утешителен. Царь Шуруппака подробно рассказывает Гильгамешу о беспощадном потопе, который боги ниспослали на землю, чтобы уничтожить на ней все живое. Он сам неминуемо погиб бы, если бы не построил по совету бога мудрости, великого Эа, корабль, на котором можно было спастись. Что касается бессмертия, то оно даровано ему богами. Но найдется ли хоть один бог, который захотел бы дать вечную жизнь Гильгамешу?

Услышав такие речи, наш герой приходит в отчаяние и решает вернуться в Урук. Но тут перед ним загорается слабый свет надежды. По настоянию своей жены Утнапиштим рассказывает Гильгамешу, где добыть волшебную траву молодости. Она растет на дне моря! И вот Гильгамеш погружается в бездну, срывает траву и спешит вернуться в Урук.

Однако боги рассудили по-иному. Пока он купается, змея похищает у него драгоценную траву. Измученный и удрученный герой возвращается в Урук и ищет прибежища за могучими стенами, опоясывающими город.

Таково вкратце содержание сказаний, сохранившихся на первых одиннадцати табличках вавилонского «Эпоса о Гильгамеше». (Что касается так называемой «двенадцатой таблички», которая в сущности не имеет к эпосу прямого отношения, то о ней пойдет речь в конце главы).

Когда были созданы эти сказания? Если сравнить древневавилонский вариант с более поздним ассирийским, то можно прийти к выводу, что весь эпос в целом, в том виде, в каком он дошел до нас, был уже достаточно распространен в первой половине II тысячелетия до н. э. Что же касается его происхождения, то даже поверхностное знакомство с текстом на основе ономастики неопровержимо доказывает, что в основном сказания о Гильгамеше, несмотря на глубокую древность вавилонской поэмы, все же восходят не к семитическим, а к шумерским истокам. Имена двух главных героев — Гильгамеш и Энкиду — скорее всего шумерские. Родители Гильгамеша носят чисто шумерские имена: Лугальбанда и Нинсун. Богиня Аруру, создавшая Энкиду, — это всемогущая шумерская богиня-мать, известная под именем Нинмах, Нинхурсаг или Нинту (см. гл. 14). Шумерский бог Ан, сотворивший для мстительной

богини Иштар небесного быка, в вавилонском варианте стал называться Ану. Смерть Энкиду предопределяет тоже бог шумеров — Энлиль. И, наконец, в легенде о потопе главную роль тоже играют шумерские боги.

Но не только эти факты и логика приводят нас к выводу о том, что большая часть сказаний о Гильгамеше зародилась в Шумере. В нашем распоряжении имеются шумерские таблички и фрагменты с текстами этих сказаний, и эти тексты намного древнее вавилонских. В 1911—1935 гг. такие выдающиеся ассириологи, как Радау, Циммерн, Пёбель, Лэнгдон, Чиера, де Женуяк, Гэдд и Фиш, опубликовали 26 шумерских табличек и фрагментов с эпизодами поэмы о Гильгамеше. Четырнадцать из этих текстов опубликовал Э. Чиера.

После 1935 г. мне самому удалось опознать в музеях Стамбула и Филадельфии более 60 дополнительных отрывков, относящихся к «Эпосу о Гильгамеше», и большую часть из них я смог скопировать.

Итак, сегодня мы располагаем довольно существенной частью шумерской поэмы о Гильгамеше. Сравнивая ее с вавилонским эпосом, мы можем точно определить, каким образом и до какой степени вавилонские авторы использовали древнюю шумерскую основу.

Однако вопрос о шумерском происхождении «Эпоса о Гильгамеше» не так-то прост, как может показаться с первого взгляда. В нем есть свои сложности, и если их не уточнить сразу, то легко прийти к ошибочным выводам. Именно поэтому я хочу еще раз изложить суть дела в форме трех последовательных вопросов, подлежащих разрешению.

1. Существует ли шумерский оригинал вавилонского «Эпоса о Гильгамеше» в целом? Иными словами: можно ли ожидать, что будет обнаружен такой шумерский текст, который при всем его отличии по форме и содержанию можно будет по ряду неопровержимых аналогий признать за оригинал, послуживший образцом для более позднего вавилонского эпоса?

2. Если из имеющегося в нашем распоряжении материала нельзя сделать вывод о том, что существует шумерский оригинал вавилонского эпоса в целом, если только отдельные его эпизоды восходят к шумерским истокам, можем ли мы с достаточной уверенностью выделить эти эпизоды?

3. В тех случаях, когда нет в наличии шумерских запи-

сей тех или иных эпизодов, можем ли мы считать, что эти эпизоды более позднего, семитического происхождения или следует думать, что и они имеют более древнюю, шумерскую основу?

Поставив эти вопросы, можно приступить к сравнительному анализу вавилонского эпоса и имеющихся у нас шумерских текстов. Последние включают шесть эпизодов, которые можно назвать так:

1. «Гильгамеш и Страна живых».
2. «Гильгамеш и небесный бык».
3. «Потоп».
4. «Смерть Гильгамеша».
5. «Гильгамеш и Агга из Киша».
6. «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство».

Следует напомнить, что тексты этих сказаний по большей части весьма отрывочны и что перевод их зачастую очень труден и приблизителен, даже в тех случаях, когда в оригинале нет пробелов. Тем не менее эти шумерские тексты позволяют нам с уверенностью ответить на два первых поставленных нами вопроса. И хотя мы не в состоянии с такой же твердой уверенностью ответить на третий вопрос, мы можем уже сегодня прийти к достаточно определенным выводам.

Однако не будем забегать вперед. Сначала следует проанализировать содержание каждой из шести перечисленных выше шумерских поэм.

1. О первой поэме, «Гильгамеш и Страна живых», уже шла речь выше, в главе 25. Это сказание несомненно является аналогом эпизода с кедровым лесом из вавилонского «Эпоса о Гильгамеше». Но если поставить оба произведения рядом, то окажется, что общая у них лишь основа, грубая канва рассказа. В обоих вариантах Гильгамеш хочет отправиться в кедровый лес, его сопровождает Энкиду, он просит и получает помощь от бога солнца, герои добираются до цели своего путешествия, срубают кедр и убивают Хуваву. Однако оба варианта отличаются друг от друга подробностями, построением — и настроением. Например, в шумерском варианте Гильгамеша сопровождает не только Энкиду, но еще пятьдесят воинов из Урука, в то время как в вавилонском варианте с ним идет один Энкиду. В шумерском варианте ничего не говорится о совете старейшин города Урука, который играет значительную роль в семитическом варианте.

2. Шумерская поэма «Гильгамеш и небесный бык» до сих пор не опубликована. Хотя от нее остались только фрагменты, содержание можно все-таки уловить. После лакуны примерно в 20 строк богиня Инанна, которая играла в Шумере такую же роль, как позднее в Вавилоне богиня Иштар, обращается к Гильгамешу, перечисляя уготованные ему дары и милости. Очевидно, в недостающих строках Инанна предлагала Гильгамешу свою любовь. После слов богини — вторая лакуна. Видимо, Гильгамеш отверг любовь Инанны. Когда текст возобновляется, Инанна просит бога неба Ана дать ей небесного быка. В начале Ан отказывается, однако Инанна угрожает призвать себе на помощь великих богов вселенной. Испуганный Ан уступает. Инанна напускает небесного быка на Урук, и он опустошает город. Далее текст вновь становится неразборчивым. Заканчивается он словами Энкиду, обращенными к Гильгамешу. Конец поэмы, несомненно посвященный победе Гильгамеша над небесным быком, к сожалению, отсутствует.

Если сравнить шумерский текст с соответствующим сказанием вавилонского «Эпоса о Гильгамеше», мы увидим, что основные положения и там и тут идентичны. В обеих поэмах Инанна (или Иштар) предлагает свою любовь Гильгамешу, соблазняя его дарами. Гильгамеш и там и тут отказывается от любви богини. Ан (или Ану) против своей воли насылает небесного быка на Урук. Чудовище опустошает город, затем герой его убивает.

Различие между двумя вариантами — и различие разительное, — в деталях. Дары Инанны совсем не похожи на дары Иштар. В вавилонском варианте отказ Гильгамеша занимает 56 строк, он изобилует ссылками на вавилонскую мифологию и пересыпан вавилонскими пословицами, в то время как в шумерском варианте его ответ гораздо короче. Наконец, разговор Инанны с Аном совсем не походит на разговор Иштар с Ану. Отсюда можно заключить, что подробности заключительной, до сих пор неизвестной, части шумерской поэмы тоже вряд ли сходны с концовкой вавилонского варианта.

3. Шумерская поэма о потопе уже разбиралась в главе 22, где полностью приведен отрывок, описывающий страшное наводнение. Это же событие стоит в центре одиннадцатого сказания о Гильгамеше из вавилонской библиотеки. Тот факт, что шумерский миф о потопе никак не связан с шумерскими поэмами о Гильгамеше, дает нам ключ к

пониманию того, каким образом вавилонские авторы производили литературные заимствования.

Шумерский рассказ о потопе представляет собой лишь часть мифологической поэмы о том, как Зиусудра получил бессмертие. Однако вавилонские авторы умело использовали этот эпизод в своих собственных целях. Так, в их эпосе, когда измученный Гильгамеш приходит, наконец, к Утнапиштиму (вавилонскому Зиусудре) и просит открыть ему тайну вечной жизни, тот не дает ему короткого и ясного ответа. Вместо этого вавилонские авторы, воспользовавшись случаем, вкладывают ему в уста вавилонскую версию мифа о потопе. Поскольку первая часть шумерского варианта, относящаяся к сотворению мира, вавилонянам здесь была совершенно не нужна, они ее попросту опустили. Остался только рассказ о самой катастрофе, который заканчивается обожествлением Зиусудры. При этом в новой версии рассказ ведется от первого лица,—говорит сам Утнапиштим (Зиусудра), в то время как в шумерском варианте обо всем происходящем повествует от третьего лица безымянный поэт.

Кроме того, изменены многие частности. В шумерском варианте Зиусудра — царь набожный, смиренный и богобоязненный. Вавилонские же авторы не приписывают своему Утнапиштиму таких качеств. С другой стороны, в их варианте гораздо больше подробностей, относящихся к постройке корабля и к описанию самого потопа и причиненных им разрушений. В шумерском варианте потоп продолжается семь дней и семь ночей; в вавилонском — шесть дней и семь ночей. Наконец, вавилонский Утнапиштим выпускает из ковчега птиц, чтобы определить, спадает ли уровень воды, в то время как в шумерском варианте этого эпизода нет.

4. Текст шумерской поэмы, условно названной нами «Смерть Гильгамеша», до сих пор весьма отрывочен. Из того, что сохранилось, можно понять следующее (см. *Ancient Near Eastern Texts*, pp. 50—52). По-видимому, Гильгамеш продолжает поиски бессмертия, но в конце концов узнает, что человек не может достичь вечной жизни. Ему были суждены власть и слава, он мог совершать подвиги и выигрывать сражения, но бессмертие ему не дано.

Несмотря на всю фрагментарность шумерского текста нетрудно установить, что именно он послужил источником целого ряда отрывков, записанных на девятой, десятой и

одиннадцатой табличках вавилонского «Эпоса о Гильгамеше». В них содержится мольба героя о бессмертии и как бы в ответ на нее утверждение, что смерть — удел всех людей. Но весьма любопытно, что в вавилонском варианте отсутствует описание смерти Гильгамеша, которое имеется в шумерской поэме.

5. В вавилонском эпосе нет никаких аналогий с шумерской поэмой «Гильгамеш и Агга из Киша», о которой шла речь в главе 5. Это одно из самых коротких эпических сказаний древнего Шумера — в нем всего 115 строк. Тем не менее оно представляет интерес со многих точек зрения. Прежде всего в нем действуют только люди; в отличие от прочих шумерских эпических сказаний здесь нет мифологических мотивов со всевозможными божествами. Далее, это произведение имеет большое историческое значение, так как в нем приводится ряд доселе неизвестных фактов из раннего периода междоусобной борьбы между шумерскими городами-государствами. И наконец, эта эпическая поэма представляет особый интерес для истории политической мысли и политических учреждений, ибо в ней говорится о том, что уже около 2800 г. до н. э. в Шумере существовало нечто вроде демократического двухпалатного парламента. Возможно, именно эти факты и заставили вавилонских редакторов изъять эпизод «Гильгамеш и Агга из Киша» из своего варианта эпоса. В этой поэме нет ничего сверхъестественного и сверхчеловеческого, что так характерно для эпической поэзии.

6. Что касается последней шумерской поэмы, «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство», и заимствований из нее в вавилонском эпосе, то об этом я скажу ниже, в конце главы.

На этом можно пока закончить сравнительный анализ шумерского текста, предпринятый нами. Попытаемся же теперь ответить на три вопроса, о которых говорилось выше.

1. Существует ли шумерский оригинал вавилонского «Эпоса о Гильгамеше» в целом?

По всей видимости, не существует. Шумерские поэмы сильно различаются по своему объему, это отдельные произведения, не связанные между собой. Вавилоняне переработали шумерские сказания, связали их в единое целое с единым сюжетом. Это всецело их нововведение и их заслуга.

2. Можно ли выделить в вавилонском «Эпосе о Гильгамеше» эпизоды, восходящие к шумерским истокам?

Да, до известной степени можно. Мы знаем шумерские варианты эпизода с кедровым лесом (III—V таблички вавилонского эпоса), эпизода с небесным быком (VI табличка), ряда сцен из «поисков бессмертия» (IX, X и XI таблички), миф о потопе (XI табличка). Все эти эпизоды — шумерского происхождения. Однако их вавилонские версии отнюдь не являются рабским подражанием. От шумерского оригинала в них сохранилась лишь основа сюжета.

3. Как же обстоит дело с эпизодами «Эпоса о Гильгамеше», которые не имеют шумерских аналогий?

К этим эпизодам относится введение, которым начинается эпос, рассказ о том, каким образом Гильгамеш и Энкиду стали друзьями (таблички I и II), и рассказ о смерти и погребении Энкиду (таблички VII и VIII). Следует ли считать, что эти эпизоды придуманы самими вавилонянами или они тоже восходят к неведомым нам шумерским источникам? На такой вопрос нельзя дать точного ответа. Тем не менее анализ вавилонского эпоса в сопоставлении с дошедшими до нас мифологическими и эпическими текстами древнего Шумера позволяет сделать ряд хотя не окончательных, но все же весьма любопытных выводов.

Рассмотрим для начала вступление в вавилонский «Эпос о Гильгамеше». Поэт описывает своего героя как все познавшего и все повидавшего странника, который воздвиг стены Урука; после этого следует описание стен города в форме риторического обращения к читателю. Ни в одном шумерском тексте мы еще не встречали подобного литературного приема. Поэтому очевидно, что вступительная часть эпоса является оригинальным вавилонским произведением.

Рассказ о событиях, в результате которых Гильгамеш и Энкиду стали друзьями, следующий сразу же за введением, занимает большую часть табличек I и II вавилонского эпоса. Он распадается на такие эпизоды: бесчинства Гильгамеша; сотворение Энкиду; «грехопадение» Энкиду; сон Гильгамеша; «очеловечивание» Энкиду; единоборство героев. Эта единая цепь событий логически завершается возникновением дружбы Энкиду и Гильгамеша. Мотив дружбы, по всей вероятности, был затем использован поэтом как завязка для рассказа о походе друзей в кедровый лес. Подобной мотивировки нет в шумерской версии, и вряд ли

мы найдем в текстах древнего Шумера что-либо сходное с последовательной, логической цепью событий, характерной для вавилонского эпоса. Однако для отдельных эпизодов этой цепи наверняка отыщутся шумерские прототипы, пусть даже не из цикла о Гильгамеше.

Мифологические мотивы сотворения Энкиду, сна Гильгамеша и единоборства героев несомненно восходят к шумерским истокам. Что же касается «грехопадения» и «очеловечивания» Энкиду, то здесь следует быть более осторожным. Легенда, связывающая человеческую мудрость с познанием женщины, весьма любопытна, но кому мы обязаны ее возникновением — шумерам или семитам? К сожалению, мы пока не можем ответить на этот вопрос.

Зато рассказ о смерти и погребении Энкиду почти не вызывает сомнений: по всей видимости, этот эпизод чисто вавилонского происхождения. В шумерской поэме «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство» Энкиду не умирает в буквальном смысле этого слова: он становится добычей адского чудовища, демона Кура, который увлекает Энкиду в свое мрачное царство за то, что тот сознательно нарушил запреты подземного мира. Эпизод с гибелью Энкиду явно был придуман вавилонскими авторами, чтобы мотивировать стремление Гильгамеша к бессмертию и привести эпос к трагической развязке.

Подведем итог. Многие эпизоды вавилонского эпоса бесспорно восходят к шумерским поэмам о Гильгамеше. Даже в тех случаях, когда у нас нет прямых аналогий, можно отыскать отдельные темы и мотивы, заимствованные из шумерских мифологических и эпических источников. Но вавилонские поэты, как мы уже видели, никогда не копируют шумерский текст. Они изменяют и перерабатывают материал в соответствии со своими вкусами и традициями, так что в результате от шумерского оригинала остается лишь самая основа. Что же касается линии сюжета — неудержимого, рокового хода событий, которые приводят мятущегося, дерзающего героя к неизбежному горестному прозрению, — то здесь вся заслуга несомненно принадлежит не шумерам, а вавилонянам. Поэтому следует по всей справедливости признать, что, несмотря на многочисленные заимствования из шумерских источников, «Эпос о Гильгамеше» — это творение семитических авторов.

Однако все сказанное выше относится лишь к первым одиннадцати табличкам эпоса. Двенадцатая — последняя —

табличка представляет собой просто-напросто дословный перевод второй половины шумерской поэмы «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство» на семитический аккадский язык — он же вавилонский или ассирийский. Вавилонские писцы присоединили эту табличку к первым одиннадцати, совершенно не заботясь о смысле и последовательности.

Уже давно возникло подозрение, что двенадцатая табличка является всего лишь приложением к первым одиннадцати, составляющим связное целое. Но доказать это удалось лишь после того, как текст шумерской поэмы «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство» был окончательно восстановлен и переведен. Тем не менее еще в 1930 г. бывший хранитель отдела Древнего Востока Британского музея Дж. Гэдд, опубликовав найденную в Уре шумерскую табличку с частичным текстом этой поэмы, установил тесную связь между нею и двенадцатой табличкой семитического эпоса.

Полный текст поэмы «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство» до сих пор не опубликован (см. «Гильгамеш и дерево хулуппу» в *Assyriological Study*, No. 8, Oriental Institute of the University of Chicago, а также *Sumerian Mythology*). Поэма начинается вступлением в 27 строк, не имеющим ничего общего с ее дальнейшим содержанием. Первые 13 строк дают весьма важные сведения о том, как шумеры представляли себе сотворение мира (об этом шла речь в главе 14 нашей книги), а последующие 14 строк описывают единоборство бога Энки с чудовищем Куром (см. гл. 25). Затем начинается собственно рассказ:

Когда-то на берегу реки Евфрат росло маленькое дерево «хулуппу» (очевидно, что-то вроде ивы). Воды реки питали его, и оно хорошо росло, но однажды на него налетел свирепый Южный Ветер, а разлив затопил его. Тогда проходившая мимо богиня Инанна взяла деревце и перенесла его в свой город Урук. Она посадила деревце в своем священном саду и начала за ним ухаживать, предполагая сделать из него ложе и кресло, когда оно вырастет.

Прошли годы. Дерево сильно выросло. Но когда Инанна захотела его срубить, оказалось, что в корнях дерева поселилась «не поддающаяся заклинаниям змея», в кроне вывела птенцов птица Имдугуд, а в стволе устроила себе дом Лилит*. И вот Инанна горько заплакала.

* Л и л и т — демон в облике женщины.— *Прим. пер.*

Когда наступило утро и ее брат, бог солнца Уту, вышел из своей опочивальни, Инанна со слезами рассказала ему о том, что приключилось с ее деревом. Тем временем Гильгамеш, очевидно, услышав жалобы Инанны, решил ей помочь, как подобает истинному рыцарю. Он надевает свои доспехи, весящие пятьдесят мин *, берет свой топор, весом в семь талантов и семь мин **, и убивает «не поддающуюся заклинаниям змею». Испуганная птица Имдугуд улетает вместе с птенцами в горы, а Лилит разрушает свой дом и удаляется в пустыню. С помощью жителей Урука Гильгамеш валит дерево и преподносит его Инанне, чтобы та сделала кресло и ложе для себя. Но, видимо, Инанна к тому времени передумала. Из ствола дерева она сделала «пукку» (вероятно, барабан), а из ветви — «микку» (барабанную палочку). Следующие 12 строк рассказывают о том, что сделал Гильгамеш с этими «пукку» и «микку». Хотя текст сохранился полностью, понять его пока не удалось. Видимо, Гильгамеш предается каким-то сумасбродствам, от которых страдают жители Урука. Когда текст снова становится понятным, мы узнаем, что «пукку» и «микку» провалились в ад «из-за жалоб юных дев». Гильгамеш пытается заполучить «пукку» и «микку» обратно, но безуспешно. Тогда он усаживается у врат ада и начинает горько сетовать:

«О мой пукку! О мой микку!
Мой пукку с мощью необоримой,
Мой микку с ритмом плясовым несравненным!
Мой пукку был со мной прежде в доме плотника,—
Жена плотника была мне тогда словно мать, что меня родила,
Дочь плотника была мне тогда, как младшая сестра.
Мой пукку, кто вынесет его из подземного царства?
Мой микку, кто вынесет его из подземного царства?»

Тут слуга Гильгамеша Энкиду предлагает спуститься в ад и принести оттуда своему хозяину его «пукку» и «микку»:

«О господин мой, почему ты плачешь, почему твое сердце скорбит?
Твой пукку, я принесу его из подземного царства.
Твой микку, я принесу его из подземного царства»..

* Около 25 кг.— Прим. пер.

** Примерно 250 кг.— Прим. пер.

Гильгамеш, услышав столь великодушное предложение, предупреждает Энкиду о различных запретах подземного царства, которые тот никоим образом не должен нарушать:

Гильгамеш сказал Энкиду:

«Если ты сейчас спустишься в подземное царство,
Я скажу тебе слово,— внимай ему!
Я дам тебе совет,— следуй ему!
Не надевай чистых одежд,
Иначе служители (ада) набросятся на тебя, как на врага.
Не умажайся благовонием из сосуда „бур“,
Иначе на запах его они сбегутся к тебе.

Не бросай метательную дубинку в подземном царстве,
Иначе те, кого она заденет, столпятся вокруг тебя.
Не бери в руки посох,
Иначе тени слетятся к тебе.

Не надевай на ноги сандалий,
Не кричи громко в подземном царстве,
Не целуй свою любимую жену,
Не бей свою нелюбимую жену,
Не целуй любимого сына,
Не бей нелюбимого сына,
Иначе рыдания Кура оглушат тебя,
(Рыдания) по той, что покоится, по той, что покоится,
По матери Ниназу, что покоится,
Чье священное тело не прикрыто одеждami.
Чья священная грудь не обернута тканями».

В этом отрывке под «матерью Ниназу», очевидно, подразумевается богиня Нинлиль, которая, согласно мифу о рождении бога луны Сина, опустилась вслед за Энлилем в ад (см. гл. 14).

Энкиду опустился в подземное царство, но не последовал советам Гильгамеша. Наоборот, он совершает все то, от чего его предостерегали. Поэтому Кур схватил его, и он не смог вернуться на землю. Гильгамеш один отправился в Ниппур, чтобы принести жалобу Энлилю:

«Отец Энлиль, мой пукку упал в подземное царство,
Мой микку упал в подземное царство.
Я послал Энкиду за ними, и Кур захватил его.

Намтар * не смог завладеть им, Асаг ** не смог завладеть им,
Но Кур захватил его.

Коварный ловец Нергала***, никого не щадящий, не смог
завладеть им,

Но Кур захватил его.

В сражении, где торжествует храбрость, он не был повержен,
Но Кур захватил его!»

Однако Энлиль отказывается помочь Гильгамешу, и тот отправляется в Эриду, чтобы обратиться с той же жалобой к Энки. Мудрый Энки приказывает богу солнца Уту проделать в крыше подземного царства отверстие, чтобы тень Энкиду могла вернуться на землю. Уту повинует, и вот тень Энкиду приходит к Гильгамешу. Господин и слуга обнимаются, затем Гильгамеш просит Энкиду рассказать о том, что он видел в подземном царстве.

Задавая первые семь вопросов, Гильгамеш интересуется, как принимают в аду тех, у кого было «от одного до семи сыновей». Дальнейший текст поэмы сохранился плохо: остались лишь отрывки, в которых Гильгамеш и Энкиду говорят о том, какая участь уготована в царстве мертвых дворцовым слугам, матерям, воинам, павшим в бою, людям, о тенях которых никто на земле не заботится, и тем, кто остался на равнине без погребения.

Вавилонские писцы перевели вторую часть этой поэмы практически дословно и присоединили возникшую таким образом двенадцатую табличку к «Эпосу о Гильгамеше». Для ученых это было бесценным открытием, ибо с помощью шумерского текста удалось восстановить многие слова, фразы и целые строки, недостающие в аккадском варианте и, таким образом, наконец-то прояснить смысл двенадцатой таблички, долгое время остававшийся непонятным, несмотря на усилия целой плеяды выдающихся ассириологов.

Гильгамеш не был единственным героем Шумера. Его предшественники, Энмеркар и Лугальбанда, пользовались у шумерских поэтов не меньшей популярностью. Можно да-

* Намтар — демон смерти.— *Прим. пер.*

** Асаг — демон болезней.— *Прим. пер.*

*** Нергал — бог загробного царства; ловец Нергала — смерть.— *Прим. пер.*

же сказать, что у шумеров, если судить по их эпической литературе, была целая эпоха героев. Об этом и пойдет речь в следующей главе.

27. ЭПИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Первый «героический век» человечества

«Героические эпохи», относящиеся у разных народов к разным периодам, вовсе не являются литературным вымыслом, а представляют собой очень важный для истории цивилизации этап общественного развития. Сегодня — главным образом благодаря трудам английского ученого М. Чадвика — все историки вынуждены с этим считаться. Достаточно привести три наиболее известных примера: эпическое время Греции, относящееся к самому концу II тысячелетия до н. э., эпическое время Индии, наступившее, видимо, всего столетием позднее, и эпическое время у древних германцев на севере Европы (IV—VI вв. н. э.). Эти три периода отличаются сходным общественным строем, политической организацией, религиозными верованиями и аналогичными эстетическими критериями. Ясно, что в основе всех трех эпох лежали аналогичные социальные и политические факторы и психика.

Эпос о шумерских героях, о котором идет речь в этой и предыдущей главах, открывает еще один «героический век» в мировой истории и литературе — «героический век» Шумера. По времени он совпадает с концом первой четверти III тысячелетия до н. э. и, следовательно, он более чем на 1500 лет предшествует древнейшему из индоевропейских «героических веков» — эпическому времени Греции. Тем не менее в его культуре множество черт, характерных для более поздних и хорошо известных «героических периодов» у других народов.

Изучение литературных памятников соответствующих эпох привело М. Чадвика к выводу о том, что и у греков, и у индийцев, и у германцев эпическое время относится к периоду варварства и отличается одними и теми же характерными особенностями.

Во всех трех случаях основной политической единицей были мелкие княжества или царства, управляемые князьями или царями, которые приходили к власти благодаря

своей воинской доблести. Чтобы удержать власть, они опирались на дружины, состоявшие из верных воинов, слепо повиновавшихся своему вождю, в какое бы безрассудное и опасное предприятие он ни пускался. В некоторых случаях существовал совет, но он созывался лишь по желанию правителя и главным образом для того, чтобы подтверждать его волю. Князья и царьки поддерживали друг с другом постоянные отношения, зачастую вполне мирные и даже дружественные. Они стремились создать нечто вроде международной касты аристократов, члены которой и помыслами, и деяниями были бесконечно далеки от своих подданных.

С точки зрения религии, все три индоевропейские «героические» эпохи характеризуются культом антропоморфных божеств, принятым практически во всех княжествах и царствах. Считалось, что эти божества живут сообща в избранных ими местах, но, кроме того, каждое имеет свое собственное обиталище. Хтонический культ и культ предков уже не играют в эти периоды сколько-нибудь заметной роли. Души умерших должны были пребывать в каком-то отдаленном месте — царстве теней, едином для всех государств, народов и всех прослоек. Некоторым героям приписывали божественное происхождение, но их не обожествляли и им не поклонялись. Все это характерно для «героических эпох» не только Греции, Индии и Северной Европы, но и Шумера.

Однако сходство между ними этим не ограничивается: оно еще заметнее в области эстетики и, в частности, в литературе. Для всех четырех «героических эпох» весьма характерно появление героических сказаний, воплощенных в поэтической форме, — сказаний, которые рассказывали или пели. Именно в них отразился дух и характер этих эпох. Представители правящей верхушки жаждали прежде всего личной славы, и вот придворные певцы и поэты создают эпические поэмы и сказания о приключениях и подвигах своих царей и князей. Эти сказания предназначались для того, чтобы развлекать гостей на празднествах и пирах, поэтому их, очевидно, исполняли под аккомпанемент арфы или лиры.

Ни одно из древних эпических сказаний не дошло до нас в своём первоначальном виде. Они возникли в те времена, когда письменность еще не существовала, а если и существовала, то была, как правило, недоступна певцам-

сказителям. Записи эпических произведений «героических эпох» Греции, Индии и Германии были сделаны много позднее и представляют собой сложный литературный труд, в который из ранних песен вошли лишь немногие, да и то в сильно измененном и расширенном виде. То же самое произошло и в Шумере. Есть все основания полагать, что древние эпические сказания были впервые записаны на глиняных табличках только через пять-шесть столетий после окончания «героического века» и, разумеется, после значительной переработки, проделанной жрецами и писцами. Тем не менее следует подчеркнуть, что почти все дошедшие до нас записи эпических поэм Шумера восходят к первой половине II тысячелетия до н. э.

Между сохранившимися эпическими сказаниями трех индоевропейских «героических веков» существует разительное сходство как с точки зрения формы, так и содержания. Прежде всего во всех этих поэмах воспеваются отдельные личности, поэта не интересует судьба и слава общины или государства. Далее, если некоторые описываемые в таких сказаниях события действительно основываются на исторических фактах, то наряду с ними всегда можно найти чисто сказочные, фантастические элементы (например, безмерное преувеличение силы героя, вещие сны, явление богов). С точки зрения стиля все подобные произведения грешат обилием постоянных эпитетов и традиционных схем, бесконечными повторами и чересчур подробными описаниями деталей. Особенно же характерно, что в эпических сказаниях важное место занимает прямая речь. Все эти признаки присущи героическому эпосу Шумера в такой же степени, как эпосу древних греков, индийцев и германцев.

Трудно себе представить, чтобы такой своеобразный по стилю и форме жанр, как эпическая поэзия, мог возникнуть совершенно самостоятельно в разных странах и в самые разные эпохи. И поскольку самые древние героические сказания появились в Шумере, можно предположить, что родиной эпической поэзии было Двуречье.

Разумеется, между эпосом шумеров, греков, индийцев и германцев существует ряд немаловажных различий. Например, шумерские героические сказания, независимо от их величины, повествуют о каком-нибудь одном подвиге, одном эпизоде и совсем не связаны друг с другом. Шумеры не пытались собрать такие отдельные сказания и объединить их в нечто целое. Как видно из предыдущей главы, это

впервые сделали вавилонские поэты, которые заимствовали у шумеров сравнительно короткие и отрывочные поэмы, в частности поэмы о Гильгамеше, переосмыслили, переработали их и сплели в довольно сложный, длинный, но единый эпос.

У авторов шумерских сказаний еще слишком упрощенный подход к психологии героев, которые почти лишены индивидуальных особенностей и обрисованы лишь в самых общих чертах. Сюжет и его перипетии излагаются традиционным стилем, где много условностей и мало движения. В этих поэмах не найдешь пластичности и динамизма, которыми славятся, например, гомеровские «Илиада» и «Одиссея». Еще одна любопытная деталь: в отличие от индоевропейского героического эпоса в шумерских эпических поэмах женщины, во всяком случае смертные, не играют почти никакой роли. И, наконец, чисто формальное отличие: шумерские поэты добивались ритмического рисунка прежде всего путем повторов с небольшими вариациями. Они не пользовались строками строго определенного размера, что так свойственно индоевропейскому эпосу.

Обратимся теперь к содержанию сохранившихся эпических поэм Шумера. В настоящее время мы располагаем девятью произведениями этого жанра, размерами от 100 до 600 с лишним строк. Два из них посвящены Энмеркару, два — Лугальбанде (причем в одной поэме о Лугальбанде Энмеркар тоже играет значительную роль) и пять — самому знаменитому из героев, Гильгамешу. Все три героя фигурируют в списке царских династий, историческом документе, который, так же как и наши эпические поэмы, был начертан на глиняных табличках, относящихся к первой половине II тысячелетия до н. э. Самый список, очевидно, был составлен еще раньше, в последней четверти III тысячелетия до н. э.

В списке царей Энмеркар, Лугальбанда и Гильгамеш названы как второй, третий и пятый по счету правители I династии Урука, которая, по мнению шумерских мудрецов, следовала непосредственно за династией Киша, возникшей сразу же после потопа.

Об одном из сказаний об Энмеркаре и о всех пяти сказаниях о Гильгамеше уже шла речь в главах 4, 5, 25 и 26. Таким образом, чтобы завершить анализ героических сказаний Шумера нам остается рассмотреть лишь три поэмы — одну об Энмеркаре и две о Лугальбанде.

Второе сказание об Энмеркаре, так же как и первое, о котором говорилось в главе 4, повествует о победе Энмеркара над одним из правителей Аратты. Но во втором сказании не Энмеркар предъявляет требование к своему сопернику, а, наоборот, правитель Аратты затевает ссору, которая заканчивается его поражением. В этой поэме правитель Аратты назван по имени — Энсукушсиранна. Однако тот ли это правитель Аратты, который в первом сказании остался безымянным, с уверенностью сказать нельзя.

До 1952 г. нам было известно из этой поэмы лишь около 100 начальных и около 25 заключительных строк, которые хорошо сохранились; во время раскопок в Ниппуре в 1951—1952 гг., которые велись экспедицией Музея Пенсильванского университета и Восточного института Чикагского университета, были найдены две превосходно сохранившиеся таблички, позволившие восполнить большую часть пробелов. Поэтому сегодня мы можем изложить приблизительное содержание всей поэмы.

В те дни, когда царем всего Шумера, как можно понять, был Эннамибарагга-Уту, правитель Аратты Энсукушсиранна, чьим визирем был Ансиггариа, отправил с посланцем вызов правителю Урука Энмеркару, чьим визирем был Наменнадума. Энсукушсиранна требовал, чтобы Энмеркар признал его верховным правителем и разрешил «переселить» богиню Инанну в город Аратту.

Энмеркар с презрением выслушивает вызов своего соперника. В пространной речи он утверждает, что боги благоволят к нему, что Инанна останется в Уруке, и в свою очередь требует, чтобы Энсукушсиранна признал себя вассалом Урука. Тогда Энсукушсиранна собирает совет и спрашивает, как ему поступить. Видимо, ему советуют подчиниться, но он с возмущением отказывается. Араттский жрец «машмаш», чье имя можно прочесть как Ур-Гирнунна, предлагает правителю свою помощь. Он обещает пересечь «реку Урука», покорить все страны «сверху донизу, от моря до кедровых гор», и возвратиться в Аратту с доверху нагруженными кораблями. К сожалению, текст не позволяет установить, сам ли жрец дает все эти обещания. Как бы то ни было, обрадованный Энсукушсиранна дает жрецу пять мин золота, пять мин серебра и все необходимые припасы.

Когда жрец добирается до Урука, — в поэме не говорится, как это ему удалось, — он приходит в священный хлев, где стоят корова и коза богини Нидабы. Жрец уговари-

вает их не давать больше молока и сливок для «пиршественных залов» их госпожи. Приблизительный перевод этого отрывка дает представление о стиле поэмы:

Он (жрец «машмаш») говорит корове, разговаривает с ней
как с человеком:
«О корова, кто пьет твои сливки, кто пьет твое молоко?»

«Нидаба пьет мои сливки,
Нидаба пьет мое молоко.
Мое молоко и сыр.....

Приносят, как подобает, в большие (пиршественные) залы,
в залы Нидабы.

Я хотела бы давать свои сливки.. из священного хлеба,
Я хотела бы давать свое молоко.. из овчарни,
Верная корова, Нидаба— возлюбленное чадо Энлиля....»

«О Корова, ...твои сливки твоей.., ..твое молоко твоей....,»

Корова ..свои сливки своей.., свое молоко своей..,

*(Далее те же 11 строк повторяются, но в них жрец обращается
уже к козе).*

В конечном счете корова и коза перестают давать молоко, и все хлеба и овчарни Урука приходят в запустение. Пастухи горюют и плачут, подпаски от них уходят. Тогда в дело вмешиваются два пастуха Нидабы, Машгула и Ур-Эдинна, «сыновья одной матери». Очевидно, не без помощи бога солнца Уту— соответствующие строки плохо сохранились,— а также при поддержке Матери Сагбурру им удается перехитрить «машмаша».

Они вдвоем (Машгула и Ур-Эдинна) бросили владыку в реку,
Но «машмаш» вызвал из воды большую рыбу «сухур».
Тогда Мать Сагбурру вызвала из воды птицу..
Птица .. схватила рыбу «сухур» и унесла ее в горы.

Второй раз они бросили владыку в реку,
Но «машмаш» вызвал из воды овцу с ягненком.
Тогда Мать Сагбурру вызвала из воды волка,
Волк схватил овцу и ягненка и унес их на широкую равнину.

В третий раз они бросили владыку в реку,
Но «машмаш» вызвал из воды корову с телятком,
Тогда Мать Сагбурру вызвала из воды льва,
Лев схватил корову с телятком и унес их в заросли тростника.

В четвертый раз они бросили владыку в реку,
Но «машмаш» вызвал из воды дикого барана.
Тогда Мать Сагбурру вызвала из воды барса,
Барс схватил дикого барана и унес его в горы.

В пятый раз они бросили владыку в реку,
Но «машмаш» вызвал из воды молодую газель.
Тогда Мать Сагбурру вызвала из воды зверя «гуг»,
Зверь «гуг» схватил молодую газель и унес ее в чащу леса.

Видя, что все его старания ни к чему не приводят, жрец «почернел с лица, ибо замысел его не удался». Мать Сагбурру насмехается над его глупостью. Жрец просит отпустить его с миром в Аратту, обещая прославить Мать Сагбурру в своих молитвах, но та не желает его и слушать. Она убивает жреца и бросает его труп в Евфрат.

Когда Энсукушсиранна узнает о том, что случилось с его «машмашем», он спешно отправляет к Энмеркару гонца, сдаваясь на милость победителя:

«О ты, любимец Инанны, ты один достоин славы,
Инанна правильно избрала тебя для своего светлого лона.
От нижних (земель) до верхних ты один властитель, а я лишь
иду за тобой,
С самого зачатия я не был равен тебе, ты — мой „старший брат“,
Я никогда не смогу с тобою сравниться!»

Завершается поэма концовкой, типичной для жанра литературного спора (см. гл. 20). Вот ее заключительные строки:

В споре Энмеркара с Энсукушсиранной
После (?) победы Энмеркара над Энсукушсиранной —
Слава тебе, о Нидаба!

Обратимся теперь к сказаниям, где главную роль играет герой Лугальбанда. Первое из них можно озаглавить «Лугальбанда и Энмеркар». Эта поэма насчитывает более 400 строк и сохранилась почти полностью. Все же текст во многих местах неясен, хотя в нем сравнительно мало лакун. Приводимый ниже анализ наиболее понятных отрывков представляет собой результат неоднократных попыток прояснить смысл поэмы, но пока еще это лишь попытка, не более.

Герой Лугальбанда, пребывающий — по-видимому, против своей воли — в отдаленной стране Забу, стремится вернуться в свой родной город Урук. Для этого он старается завоевать расположение птицы Имдугуд. (Имдугуд определяет судьбы людей и выносит каждому окончательный приговор.) Однажды, когда птица Имдугуд отсутствовала, Лугальбанда приблизился к ее гнезду. Он дает ее детям жир, мед и хлеб, подкрашивает им лица и надевает на головы короны «шугурра». Возвратившись, птица Имдугуд радуется, что ее детям оказали такие божественные почести. Она объявляет, что готова оказать помощь и покровительство тому, кто это сделал, будь то человек или бог.

Тогда Лугальбанда называет себя. Имдугуд осыпает его похвалами, многократно благословляет и говорит, что теперь он может со славой вернуться в Урук. По просьбе Лугальбанды Имдугуд обещает ему благополучное путешествие и дает ряд добрых советов, о которых он, однако, не должен говорить никому, даже самым близким. После этого птица Имдугуд возвращается в свое гнездо, а Лугальбанда идет к друзьям и сообщает им, что отправляется в путь. Друзья стараются его отговорить, ибо это дорога, с которой нет возврата: чтобы пройти по ней, надо пересечь высокие горы и ужасную реку Кур. Но Лугальбанда непоколебим, и действительно его путешествие из страны Забу в Урук проходит благополучно.

Между тем в Уруке Энмеркар — «повелитель Лугальбанды и сын бога солнца Уту — «пребывает в глубокой скорби. Уже много лет семиты из Марту опустошали Шумер и Аккад и вот теперь осадили Урук. Энмеркар хотел бы отправить послание с просьбой о помощи в Аратту — своей сестре богине Инанне, но никто не соглашается взять на себя это опасное поручение. И тут к Энмеркару приходит Лугальбанда. Он смело берется доставить послание. Энмеркар, желая сохранить тайну, заставляет Лугальбанду поклясться, что тот отправится в путь один. Лугальбанда предупреждает своих друзей о своем уходе, и те снова пытаются его отговорить. Однако герой берет свое оружие и отправляется в путь. Он преодолевает семь горных хребтов, пересекающих страну Аншан из конца в конец, и с радостным сердцем вступает в Аратту.

Здесь богиня Инанна оказывает Лугальбанде самый теплый прием, но при этом спрашивает, почему он явился один. Лугальбанда дословно повторяет послание Энмерка-

ра с просьбой о помощи. Ответ Инанны, которым завершается поэма, весьма темен. Насколько можно понять, она говорит о реке, о необыкновенных рыбах, которых должен выловить Энмеркар, о каких-то сосудах для «воды, которые он должен изготовить, о мастерах по обработке металла и камня, которых он должен пригласить в свой город. Но каким образом все это поможет Энмеркару избавить Шумер и Аккад от народа марту и снять осаду с Урука, так и остается неясным.

Второе сказание о Лугальбанде, которое можно условно назвать «Лугальбанда и гора Хуррум», насчитывало, очевидно, более 600 строк. Однако конец этой поэмы отсутствует, и сегодня в нашем распоряжении находится около 500 строк текста, из которых две трети сохранились почти полностью. Содержание уцелевших строк этого весьма сложного текста сводится вкратце к следующему.

Энмеркар, правитель древнего Урука, решил отправиться в Аратту, видимо намереваясь ее завоевать. Его сопровождает многочисленное войско под предводительством семи безымянных героев — «истинных сынов Куллаба», «рожденных богиней Ураш», «вскормленных парным молоком». Восьмой среди них — Лугальбанда.

Энмеркар и его спутники доходят до горы Хуррум, однако здесь Лугальбанда заболевает. Его братья и друзья делают все возможное, чтобы вылечить героя, но тщетно: «Когда они приподняли его голову, в нем не было дыхания (жизни)». Испуганные друзья и родственники собираются на совет и решают оставить Лугальбанду на горе Хуррум, поскольку он «умер», а самим идти дальше. «Когда мы вернемся из Аратты, мы отнесем тело нашего брата в Куллаб», — говорят они.

И вот забытый и покинутый всеми, тяжело больной, но все еще борющийся за жизнь герой остается один. Через два с половиной дня, или, как говорит древний поэт, «когда к двум дням прибавилась еще половина дня», Лугальбанда поднял голову навстречу восходящему солнцу (то есть богу Уту) и «как к отцу, породившему его, обратился к нему с мольбой», чтобы Уту не дал ему погибнуть на горе Хуррум:

Здесь нет рядом матери, нет рядом отца

Нет рядом друга, нет рядом близкого,

Здесь не скажет мать: «О мой сын!»

Здесь не скажет брат: «О мой брат!»

Разумеется, Уту не мог отказать герою. Поэт продолжает рассказ:

Уту услышал и внял его мольбам,
Он принес для него на гору Хуррум «дыхание жизни».

Затем Лугальбанда обращает взор к планете Венере и возносит молитву богине Инанне — «блуднице, входящей в веселый дом, дабы сладостны были опочивальни». «Как к отцу (sic!), породившему его, обратился он к ней с молитвой», чтобы Инанна не дала ему погибнуть на горе Хуррум, «на горе дерева „хашур“». Инанна тоже не отказывает Лугальбанде в помощи. Она в свою очередь дает ему «дыхание жизни» и «укрывает его, подобно одеянию, радостью сердца».

Тогда Лугальбанда смотрит на луну и обращается к богу Сину, «к звезде, освещающей небо, когда солнце заходит, разгоняющей тьму ярким светом», «чей сияющий лик озаряет гору Хуррум»:

«Царь, недостижимый в далеком небе,
Син, недостижимый в далеком небе,
Царь, любящий прямодушие, ненавидящий зло,
Син, любящий прямодушие, ненавидящий зло,
Уничтожь (?) зло подобно змее...»

Син, конечно, тоже склоняется к мольбе Лугальбанды и «дает ему жизнь». Снова обращает герой взор к солнцу и прославляет его в молитве. Вот отрывок из нее:

«О Уту, пастырь Земли, отец черноголового народа!
Когда ты засыпаешь, народ засыпает с тобой,
Когда ты встаешь, о могучий Уту, народ встает вместе с тобой.
Без тебя, Уту,
Владыка не пускается в путь ... раб не пускается в путь к ...
Для одинокого путника ты, Уту, брат-близнец,
Для человека в пути, ты, Уту, «третий»,
Для ... ты его второй глаз.
Нагого, беспомощного, нищего
„Душа“ твоего света одевает словно одеянием из мохнатой шерсти,
Нуждающегося ты укрываешь одеянием из белой шерсти...
Герой, сын богини Нингаль, я пою тебе славу!»

Благодаря «пище жизни» и «воде жизни» Лугальбанда выздоравливает, но, по-видимому, продолжает блуждать один по горам, охотясь на зверей и собирая дикие растения. Однажды он засыпает и слышит во сне повеление (возможно, повеление бога Уту). Ему приказано выследить и убить дикого быка, а его жир принести в жертву восходящему солнцу. Кроме того, герой должен убить козленка, вылить его кровь в ров, а жир разбросать по равнине. Проснувшись, Лугальбанда исполняет все, что ему было приказано во сне. Кроме того, он готовит пищу и хмельное питье для четырех главных божеств шумерского пантеона — для Ана, Энлиля, Энки и Нинхурсаг.

Сохранившаяся часть поэмы оканчивается, насколько можно понять, восхвалением семи небесных светочей, помогающих богу луны Нанне, богу солнца Уту и богине планеты Венеры Инанне озарять вселенную.

Вот в сущности и все, что можно сказать о дошедшей до нас эпической поэзии шумеров и об их героическом периоде.

В отличие от сказаний и гимнов лирическая поэзия занимает в шумерской литературе весьма скромное место, в особенности любовная лирика. До настоящего времени среди сотен тысяч шумерских табличек обнаружены только два любовных стихотворения. Да и их, как будет видно из дальнейшего, по сути дела нельзя отнести к жанру любовной лирики в полном смысле этого слова. Это, очевидно, ритуальные песни, в которых новобрачная прославляет своего царственного супруга. Ближе всего к ним библейская «Песня песней».

28. ВО СЛАВУ ЦАРСТВЕННОГО ЖЕНИХА

Первая любовная песнь

В те дни, когда я работал в Стамбульском музее Древнего Востока — это было в конце 1951 г., — я натолкнулся на небольшую табличку, числившуюся под номером 2461. В течение нескольких недель перед этим я просматривал целые ящики табличек с еще не изученными, не изданными

текстами, стараясь определить, к какому литературному произведению они относятся. Все это было только подготовительной работой для отбора и копирования наиболее важных текстов, так как я хорошо понимал, что у меня не хватит времени скопировать все. И вот мне попала на глаза табличка № 2461, лежавшая в одном из ящиков среди множества других фрагментов.

Меня прежде всего привлекла отличная сохранность этой таблички. Вскоре я понял, что передо мной разделенная на строфы поэма, в которой воспеваются красота и любовь: преисполненная радости невеста славит в ней царя по имени Шу-Син, правившего Шумером почти 4000 лет назад. Я перечитал табличку еще два раза, пока не убедился, что глаза меня не обманывают. Передо мною лежала одна из самых древних любовных песен, начертанных человеческой рукой.

Но вскоре мне стало ясно, что речь шла не «просто о какой-то влюбленной паре, а о царе и его избраннице и что эта песнь несомненно предназначалась для исполнения во время самого возвышенного из древних обрядов, обряда «священного бракосочетания». Согласно религиозным предписаниям Шумера, царь каждый год должен был сочетаться браком с одной из жриц богини Инанны, олицетворявших богиню любви и продолжения рода, дабы обеспечить плодородие земли и женского чрева. Эта церемония происходила в день Нового года. Ей предшествовали празднества и пиры, сопровождавшиеся музыкой, пением и танцами. Стихи, записанные на маленькой табличке из Стамбула, по всей видимости, были пропеты избранницей царя Шу-Сина в один из таких новогодних праздников.

Муазез Джиг, одна из хранительниц коллекции табличек Стамбульского музея, сняла копию с заинтересовавшей меня таблички, и мы совместно опубликовали этот текст в «Бюллетене» Турецкой исторической комиссии (том XVI, стр. 345 и сл.). Одновременно с транслитерацией текста нами был сделан предварительный перевод с комментариями.

Вот этот перевод:

Супруг, дорогой моему сердцу,
Велика твоя красота, сладостная, точно мед,
Лев, дорогой моему сердцу,
Велика твоя красота, сладостная, точно мед.

Ты меня полонил, дозвожь мне стать, трепеща, перед тобой,—
Супруг, я хочу, чтобы ты отвел меня в свою опочивальню!
Ты меня полонил, дозвожь мне стать, трепеща, перед тобой,—
Лев, я хочу, чтобы ты отвел меня в опочивальню!

Супруг, дозвожь мне ласкать тебя,—
Мои нежные ласки слаще меда.
В опочивальне, наполненной медом,
Мы насладимся твоей чудесной красотой.
Лев, дозвожь мне ласкать тебя,—
Мои нежные ласки слаще меда.

Супруг, ты удовлетворил со мной свои желанья,
Скажи это моей матери, она угостит тебя тонкими яствами,
А мой отец наделит тебя подарками.

Твою душу — я знаю, как обрадовать твою душу,
Супруг, спи в нашем доме до зари.
Твое сердце — я знаю, как возвеселить твое сердце,
Лев, спи в нашем доме до зари.

Ты, раз ты меня любишь,
Подари мне, молю, твои ласки!
Господин мой, бог, господин мой, защитник,
Мой Шу-Син, радующий сердце Энлиля,
Подари мне, молю, твои ласки!

Вторая — и последняя — из дошедших до нас любовных песен Шумера записана на табличке, также хранящейся в Стамбульском музее. Э. Чиера опубликовал ее текст еще в 1924 г., однако перевод этой песни был сделан А. Фалькенштейном лишь в 1947 г.*

В этой второй песне, как и в первой, безымянная жрица обращается со словами любви к царю. Однако композиция ее не столь ясна, и отдельные места остаются непонятными. По-видимому, эта песня делится на шесть строф: две строфы по четыре строки, одна из шести строк, затем еще две по четыре строки и еще одна из шести строк. Логическую связь между отдельными строфами уловить трудно.

В первой строфе воспевается рождение царя Шу-Сина. Вторая состоит из восклицательных предложений, видимо

* См. «Die Welt des Orients», т. I, S. 43—50.

прославляющих Шу-Сина, его мать Абисимти и его жену Кубатум, а в третьей акрица перечисляет подарки, полученные ею от царя за песни радости — «аллари». Что касается последних трех строф, то первая и третья в таких же восклицательных предложениях славят царя, а во второй поэсса красноречиво расхваливает собственные прелести.

Она дала жизнь тому, кто чист, она дала жизнь тому, кто чист,
Царица дала жизнь тому, кто чист,
Абисимти дала жизнь тому, кто чист,
Царица дала жизнь тому, кто чист.

О моя (царица), наделенная прекрасными руками и ногами!
О моя (царица), .. прекрасной головой, моя царица Кубатум!
О мой (господин) .. прекрасными волосами, господин мой Шу-Син!

О мой (господин) .. прекрасными словами, о ты, сын Шульги!
За то, что я пела, за то, что я пела, господин меня одарил.
За то, что я пела «аллари», господин меня одарил:
Золотой подвесок, печать из лазурита господин мне подарил,
Золотое кольцо, серебряное кольцо господин мне подарил.
Господин, твой подарок преисполнен.., подними ко мне свой лик!
Шу-Син, твой подарок преисполнен.., подними ко мне свой лик!

.... господин господин,
.... подобно оружию,
Город подьѐмлет руку словно дракон, господин мой Шу-Син,
Он простирается у твоих ног, словно львенок, о сын Шульги.

Мой бог, напиток девушки-виночерпия сладостен,
Подобно ее напитку, сладость у нее в чреслах, сладостен ее напиток,
Подобно ее губам, сладость у нее в чреслах, сладостен ее напиток.
Сладостен ее напиток смешанный, ее напиток.

Мой Шу-Син, снизошедший ко мне,
О мой (Шу-Син), снизошедший ко мне, обласкавший меня,
Мой Шу-Син, снизошедший ко мне,
Возлюбленный Энлилем, (мой) Шу-Син,
Мой царь, бог своей земли!

Это песнь в честь (богини) Бау.

Шумерские поэмы и прозаические произведения, которые рассматриваются в этой книге, составляют лишь нич-

тожную долю дошедшей до нас литературы древнего Шумера, не говоря уже о бесчисленных табличках, которые еще предстоит раскопать. В первой половине II тысячелетия до н. э. в шумерских школах изучали произведения всевозможных литературных жанров. Их записывали на табличках, призмах и цилиндрах соответствующих размеров.

Все эти «книги» того времени, разумеется, нужно было как-то хранить, группировать и содержать в надлежащем состоянии. Очевидно, преподаватели и писцы придерживались в этом «библиотечном» деле какой-то системы. Можно заранее предположить, что для облегчения этой работы уже тогда составлялись списки литературных произведений, сгруппированных по определенным признакам. И действительно, в 1942 г. нам стали известны два таких «библиографических» списка. Один из них хранится в Лувре, а другой — в Филадельфии. Этим первым в истории «библиотечным каталогам» и посвящается следующая глава.

29. БИБЛИОГРАФИЯ

Первый библиотечный каталог

В Музее Пенсильванского университета хранится табличка под № 29—15—166. Это древний шумерский список книг. Он невелик по размерам: табличка имеет около 6,5 см в длину и около 3,5 см в ширину. Тем не менее писец, разделив каждую сторону таблички на два столбца, ухитрился мельчайшим почерком разместить на таком ограниченном пространстве названия 62 литературных произведений. Первые 40 названий он расположил группами по 10, отделив их друг от друга чертой; остальные 22 названия разбиты на две группы, причем в первой их всего 9, а во второй — 13.

По крайней мере 24 названия из этого каталога относятся к произведениям, которые частично или полностью дошли до нас. Возможно, что здесь же перечисляются и другие знакомые нам тексты. Дело в том, что шумеры брали в качестве названия произведения часть его первой строки — чаще всего первую часть первой строки. Поэтому в тех случаях, когда начало текста утрачено или сильно повреждено, определить его древнее название невозможно.

Не следует думать, что опознать в маленькой табличке из Университетского музея древнейший каталог было так уж просто и легко. Когда я впервые вынул эту табличку из ящика и начал ее изучать, я даже не подозревал, что она собой представляет. Сначала я предположил, что это какая-то неизвестная поэма, и принялся переводить табличку так, как если бы передо мной был связный текст. По совести говоря, меня смущали необычайно короткие строки «стихов», и я не мог понять, для чего писец разделил «поэму» на части черточками. Должен признаться, что мне никогда не пришло бы в голову, что это библиотечный каталог, если бы я не знал так хорошо начальные строки множества шумерских произведений: ведь я долгие годы собирал сохранившиеся литературные тексты Шумера, и это мне помогло. Читая и перечитывая фразы, записанные на маленькой табличке, я все больше поражался их сходству с первыми строками многих известных мне произведений. Последний шаг дался уже сравнительно легко. Я тщательно проверил мелькнувшую у меня догадку и убедился, что мой текст на самом деле был списком названий отдельных литературных произведений.

Когда этот «библиотечный каталог» был расшифрован, я начал просматривать все шумерские тексты, опубликованные различными музеями за последние десятилетия, надеясь, что в каком-нибудь музее найдется другая неопознанная табличка аналогичного содержания. И действительно, в опубликованном Луврским музеем сборнике *Textes Religioux Sumeriens* оказалась такая табличка под № АО 5393. Скопировавший ее французский ученый Анри де Женуяк определил свою находку как религиозный гимн, но на самом деле это был каталог, и содержание его во многом совпадало с древним каталогом из Университетского музея. Судя по почерку, казалось даже, что обе таблички написаны одним и тем же писцом! Луврская табличка тоже разделена на четыре столбца,—по два с каждой стороны. В них внесено 68 названий,—на 6 больше, чем в каталоге Университетского музея. Целых 43 названия на обеих табличках совпадают, хотя перечислены они не всегда в той же последовательности. На луврской табличке имеется 25 названий, которых нет в найденном мною каталоге, а в этом последнем есть 19 названий, не занесенных на табличку из Лувра. Таким образом, оба каталога сохранили для нас древние названия 87 литературных произведений.

Среди 25 названий луврской таблички восемь принадлежат произведениям, текст которых нам в основном известен. Итого в обоих каталогах перечислено 32 дошедших до нас произведения.

Трудно понять, чем руководствовался писец при составлении каталогов. Те 43 названия, которые фигурируют в обоих списках, расположены в разной последовательности; значит, в каждом случае составитель придерживался иной системы. Можно было бы предположить, что он расположит названия произведений, исходя из их содержания, но на самом деле такое предположение справедливо лишь для последних 13 названий каталога из Университетского музея, которые все принадлежат произведениям назидательного жанра. Заметим, кстати, что ни одного из этих названий нет на луврской табличке.

Мы еще не знаем, для чего предназначались такие каталоги, и можем лишь строить предположения относительно того, чем именно определялся выбор писца. Может быть, он составил свой описок перед тем, как спрятать таблички с текстами в какое-либо хранилище, а может быть, наоборот, расставляя их на полках в «доме табличек». Возможно, что последовательность названий определялась размерами табличек. Но пока мы не получим новых, дополнительных данных, вряд ли удастся окончательно разрешить все эти вопросы.

Чтобы дать читателю представление о двух древнейших в истории библиотечных каталогах, приведем несколько примеров. Мы выбираем названия лишь тех произведений, о которых уже шла речь в этой книге.

1) *Ene nigdue* [«Владыка, (дабы создать) то, что полезно»]. № 3 каталога из Университетского музея и, возможно, также луврского, но на луврской табличке соответствующее место повреждено. Это начало мифа «Сотворение Мотыги», первые строки которого приводились нами в связи с анализом мировоззрения шумеров, когда речь шла о сотворении мира (см. гл. 14).

2) *Enlil Sudushe* [«Энлиль, (чьи повеления достигают) самых отдаленных пределов»]. № 5 в обоих каталогах. Это начало гимна в честь Энлиля, обширные отрывки из которого приводились в той же главе 14.

3) *Uria* («Дни сотворения»). № 7 в обоих каталогах. Означает поэму «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство», о которой шла речь в главе 26. Название «*Uria*» встре-

чается в каталогах еще дважды. Очевидно, писец располагал двумя другими произведениями, начинавшимися такой же фразой. Как бы то ни было, он не счел нужным делать различие между тремя одинаковыми названиями.

4) *Ene kurlulilashe* [«Властелин (обратился мыслью) к Стране живых»]. № 10 В обоих каталогах. Означает поэму, названную мною «Гильгамеш и Страна живых», где речь идет о единоборстве с драконом (см. гл. 25).

5) *Lukingia Ag* («Посланцы Агги»). № 11 каталога из Университетского музея. В луврской табличке отсутствует. Это начало интереснейшей в политическом отношении эпической поэмы «Гильгамеш и Агга» (см. гл. 5). Писец ограничился первым слогом «Аг», хотя полное имя — Агга.

6) *Hursag ankibida* («Когда на горе небес и земли»). № 17 в каталоге из Университетского музея. В луврской табличке отсутствует. Начало «Спора между Зерном и Скотом» (см. гл. 15), где речь идет о сотворении человека.

7) *Uru nanam* («Вот город...»). № 22 в каталоге из Университетского музея. В луврском каталоге отсутствует. Начало гимна в честь Нанше (см. гл. 15), важного для понимания этики и морали шумеров.

8) *Lugalbanda* («Лугальбанда»). № 39 в каталоге из Университетского музея. В луврской табличке отсутствует. Начало эпической поэмы «Лугальбанда и Энмеркар», о которой шла речь в главе 27.

9) *Angalta kigalshe* («От великого верха к великому низу»). № 41 в каталоге из Университетского музея и № 34 в луврской табличке. Начало мифа «Нисхождение Инанны в подземное царство» (см. гл. 23).

10) *Mesheam iduden* («Куда ходил ты»). № 50 в каталоге Университетского музея. В луврской табличке отсутствует. Это конец первой строки текста о жизни ученика, о котором говорилось в главе 2. Полностью первая строка читается так: «*Dumu edubba uulam meshe iduden*» («Ученик, куда ходил ты с раннего детства?»). Писец выбрал не первую, а вторую половину первой строки — видимо, потому, что произведений, начинавшихся словами «*dumu edubba*» (то есть «ученик»), было слишком много. Писец хотел, чтобы было ясно, о каком именно произведении идет речь.

11) *Uul engarra* («Во время оно землелепец»). № 53 в каталоге из Университетского музея. В луврской табличке отсутствует. Начало поучений земледельца, обращенных

к его сыну, из «Первого календаря земледельца», о котором говорилось в главе 11.

12) *Lugal и melambi nirgal*. № 18 в каталоге из Лувра. В табличке Университетского музея отсутствует. Начало мифа об уничтожении дракона — «Подвиги и деяния бога Нинурты» (см. гл. 25).

13) *Lulu nammah dingirre* («Человек, совершенство богов»). № 46 каталога из Лувра. В табличке Университетского музея отсутствует. Начало поэмы о человеческих страданиях и смирении, о которой шла речь в главе 16.

Шумеры не питали никаких утешительных иллюзий относительно предначертания человека и его судьбы. Они, конечно, стремились к спокойной, безбедной жизни, мечтали избавиться от страха, нужды и войн, — к чему человечество стремится и сегодня. Но шумеры никогда не связывали свои чаяния и надежды с будущим. Наоборот, все, о чем они мечтали, они отнесли в далекое прошлое, создав первую письменно зафиксированную легенду о золотом веке. Об этом золотом веке Шумера и пойдет речь в следующей главе.

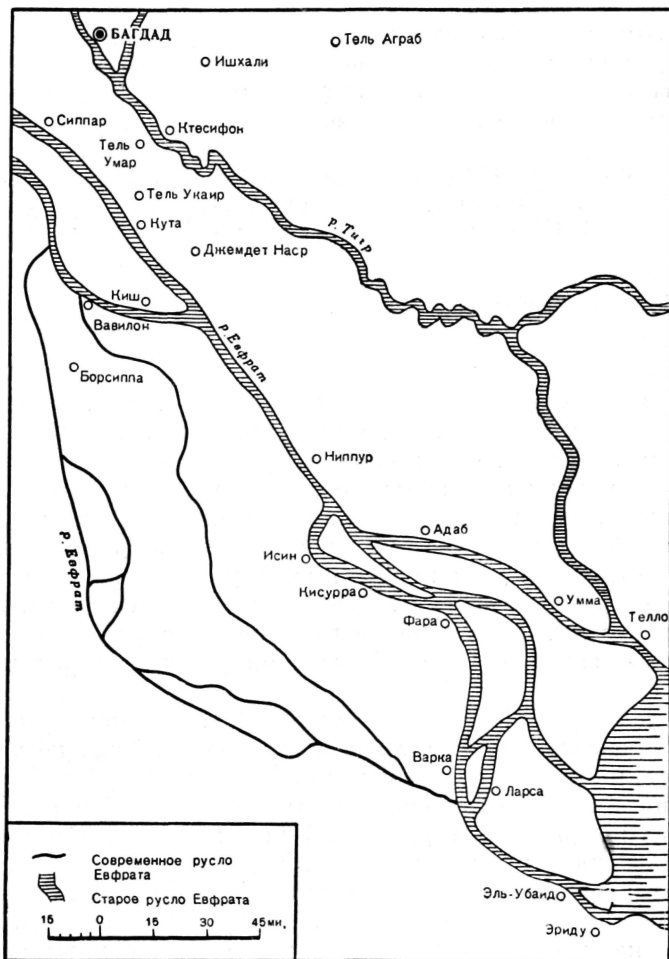
30. МИР И СОГЛАСИЕ НА ЗЕМЛЕ

Первый золотой век

В классической мифологии золотой век описывается как век безмятежного счастья, когда люди не знали ни труда, ни забот. На одной из шумерских табличек сохранилась древнейшая запись первого мифа о золотом веке.

Представление шумеров о золотом веке изложено в эпическом сказании «Энмеркар и правитель Аратты», о котором говорилось в главе 4. В этом сказании есть отрывок, состоящий из 21 строки, где описывается благословенный век мира и довольства, ныне навсегда утраченный людьми. Вот этот отрывок:

В стародавние времена не было змей, не было скорпионов,
Не было гиен и не было львов,
Не было ни диких собак, ни волков,
Не было ни страха, ни ужаса,
И человек не имел врагов.

На карте указаны главнейшие пункты археологических раскопок на территории современного Ирака.

В стародавние времена земли Шубур и Хамази,
Многоязычный (?) Шумер, великая земля божественных
законов владычества,

Ури, земля во всем изобильная,
Марту, земля, отдыхающая в мире,
Вся вселенная, все народы в полном согласии (?)
Прославляли Энлиля на одном языке.

(Но) однажды отец-повелитель, отец-владыка, отец-царь,
Энки, отец-повелитель, отец-владыка, отец-царь,
Разгневанный (?) отец-повелитель, разгневанный (?) отец-владыка,

.... изобилие

.... *(Здесь разрушено пять строк).*

.. человек

В первых 11 превосходно сохранившихся строках описываются те счастливые далекие времена, когда человек жил, не зная ни страха, ни врагов, среди мирного изобилия, и когда народы всей земли поклонялись одному божеству, Энлилю. Более того, если понимать выражение «на одном языке» буквально, а не в переносном смысле (как «единодушно»), можно даже прийти к выводу о том, что шумеры, подобно древним евреям гораздо более поздней эпохи, верили, будто некогда существовал единый, общий для всех народов язык, утраченный людьми в день «смешения языков».

Следующие 10 строчек настолько фрагментарны, что об их содержании остается лишь догадываться. Судя по контексту, можно предположить, что Энки, возмущенный неограниченной властью Энлиля или просто из зависти, выступил против него, в результате чего золотой век человечества пришел к концу и начался период войн и раздоров. Возможно,—если понимать строки 10 и 11 буквально,—именно Энки вызвал смешение языков. И если это так, то перед нами, быть может, первое упоминание о шумерской параллели к библейской легенде о вавилонском столпотворении, записанной в Книге Бытия (11, 1—9). Правда, шумеры объясняли падение людей соперничеством между богами, в то время как древние евреи полагали, будто люди понесли кару за то, что вздумали уподобиться богу.

Автор рассказа о золотом веке представляет этот рассказ как «заклинание Энки». В сказании говорится о том,

что Энмеркар, правитель Урука и любимец бога Энки, решил подчинить себе богатую всякими минералами страну Аратту. Для этого он шлет к правителю Аратты гонца с устрашающим посланием, угрожая разрушить Аратту, если правитель и его подданные не принесут с гор драгоценные камни и металлы и не построят для Энки богато украшенный храм Абзу. Чтобы произвести на правителя Аратты большее впечатление, Энмеркар приказывает своему гонцу повторить «заклинание Энки», то есть рассказ Энки о том, как он положил конец единовластию Энлиля над всей землей и ее обитателями.

Помимо того, что этот отрывок рассказывает о благословенном золотом веке шумеров, он имеет и другое, не менее важное значение, давая нам некоторое представление о размерах и географическом расположении известных шумерам стран.

Если судить по строкам 6—9, поэт разделяет мир на четыре основные страны. Его собственная страна, Шумер, занимает южную часть этого мира, располагаясь примерно между реками Тигр и Евфрат, от 33-й параллели и до Персидского залива.

Севернее 33-й параллели в том же Междуречье находилась страна Ури, на территории которой позднее возникли Аккад и Ассирия. К востоку от Шумера и Ури лежала земля Шубур-Хамази, которая несомненно занимала большую часть Западного Ирана. К западу и северо-западу от Шумера находилась земля Марту, занимавшая территорию от Евфрата до Средиземного моря и включавшая также Аравию. Короче говоря, доступный шумерам мир простирался, если верить поэту, от Армянского нагорья на севере до Персидского залива на юге и от Иранского нагорья на востоке до Средиземного моря на западе.

ПОЯСНЕНИЯ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

- Рис. 1. Лестница зиккурата (ступенчатой башни) в Чога-Замбиле на западе Ирана. Этот зиккурат построен на много веков позднее эпохи древнего Шумера (около 1300 г. до н. э.), но он представляет собой один из наиболее сохранившихся прототипов тех самых знаменитых «башен вавилонских», которые «соединяли землю с небесами». Зиккурат в Чога-Замбиле высотой почти в 48 м был обнаружен французской экспедицией под руководством известного археолога Романа Гиршмана сравнительно недавно — в 1952—1956 гг.
- Рис. 2. «Большая сеть». Мифологическая сцена, высеченная на известняковой плите высотой около 185 см, известной под названием «стелы коршунов». Стела обнаружена в Лагаше, хранится в Лувре. На ней изображен бог-покровитель города Лагаша Нингирсу, захвативший в сеть побежденных жителей города Уммы. Булава и орел с двумя львами — эмблемы Нингирсу. Стела была воздвигнута великим завоевателем Эаннатумом (около 2400 г. до н. э.) из династии правителей Лагаша. Подробное описание стелы и ее надписей дано в классическом труде Хезея и Тюрю-Данжена *Restitution materielle de la Stele des Vautours*; см. также *Tello* Андрэ Парро.
- Рис. 3. «Строитель» Гудеа. Диоритовая статуя высотой около метра; на коленях у Гудеа — план храма. Статуя обнаружена в Лагаше, ныне хранится в Лувре. Гудеа был правителем Лагаша около 2100 г. до н. э. Правление его отмечено рядом мемориальных надписей, прославляющих его строительную деятельность. Он был современником правителя Намхани, побежденного Ур-Намму — первым из известных нам составителей законов (см. гл. 8).
- Рис. 4. Иди-Нарум, чиновник из Мари. Статуэтка из розоватого камня, найденная в Мари и ныне хранящаяся в музее города Алеппо. Имя чиновника начертано на задней стороне статуэтки. Там же обозначен и его титул, однако точное значение этих шумерских слов пока не установлено. Город Мари, населенный семитами, находился в среднем течении Евфрата, то есть значительно западнее собственно Шумера, но культура его была в основном шумерской. В III тысячелетии до н. э. он входил в сферу влияния Шумера, а однажды (около 2500 г. до н. э.) династия правителей Мари в течение некоторого времени властвовала над всем Шумером. Статуэтка, очевидно, относится к этому же периоду — середине III тысячелетия до н. э.

Рис. 5. Древнейшие в истории рецепты. На фотографии — обратная сторона «медицинской» таблички из Ниппура, хранящейся в Музее Пенсильванского университета. Этот текст представляет собой два рецепта следующего содержания:

1) gish-hasshur-babbar (белое грушевое (?) дерево); e-ri-na u-gish-nanna (корень (?) «лунного» растения); u-gaz (растолочь в порошок); kaḥs-c u-tu (растворить в пиве); lu al-nag-nag (дать человеку выпить);

2) numun-nig-negar-sar (семя «плотничьего» растения); shim-mar-ka-zi (густую смолу «маркази»); u-ha-shu-an-um (тимьян); u-gaz (растолочь в порошок); kash-e u-tu (растворить в пиве); lu al-nag-nag (дать человеку выпить).

Более подробно смотри об этом *Illustrated London News* от 26 февраля 1955 г., стр. 370—371.

Рис. 6. Ибих-иль, управляющий. Алебастровая статуэтка высотой около 50 см, найденная в Мари и ныне хранящаяся в Лувре. Имя и титул обозначены на задней стороне статуэтки. Судя по архаическому начертанию знаков, она должна быть несколько старше статуэтки, изображающей чиновника Иди-Нарума.

Рис. 7. Ур-Нанше, певец. Статуэтка из известняка высотой около 20 см. Относится примерно к 2500 г. до н. э. Найдена в Мари, хранится в музее города Дамаска. Не совсем ясен пол изображенного человека. Археологи, нашедшие статуэтку, приняли ее за изображение женщины, однако имя Ур-Нанше давалось только мужчинам; по-видимому, перед нами певец, а не певица.

Рис. 8. Женщина в облачении. Диоритовая статуэтка высотой около 17 см, найденная в Лагаше и ныне хранящаяся в Лувре. Относится примерно к 2000 г. до н. э. Это изображение знатной женщины с очень густыми бровями, твердым подбородком и мягкими полными губами.

Рис. 9. Семитический царь Шумера. Эта поразительная по своему реализму бронзовая голова в три четверти натуральной величины найдена в Ниневии и хранится теперь в Иракском музее в Багдаде. Надпись, по которой можно было бы точно определить, чье это изображение, отсутствует. Скорее всего это скульптурный портрет одного из царей семитической династий, так называемой династии Аккада, правившей Шумером в XXIV—XXIII вв. до н. э.

Рис. 10. Стела верховного жреца Дуду, найденная при раскопках в Телло. Середина III тысячелетия до н. э. Высота стелы — 25 см. Хранится в Лувре.

Рис 11. Табличка с элегиями из Музея им. А. С. Пушкина.

СОДЕРЖАНИЕ

Акад. В. В. Струве. Предисловие	5
Предисловие автора к русскому изданию	15
1. <i>Образование</i> . Первые школы	17
2. <i>Школьные будни</i> . Первый «подхалим»	23
3. <i>Отец и сын</i> . Первый «несовершеннолетний правонарушитель»	26
4. <i>Международные отношения</i> . Первая «война нервов»	31
5. <i>Политическая система</i> . Первый двухпалатный «парламент»	41
6. <i>Гражданская война в Шумере</i> . Первый историк	46
7. <i>Социальные реформы</i> . Первый случай снижения налогов	58
8. <i>Своды законов</i> . Первый «Моисей»	*3
9. <i>Правосудие</i> . Первый юридический прецедент	68
10. <i>Медицина</i> . Первая фармакопея	71
11. <i>Сельское хозяйство</i> . Первый «Календарь земледельца»	78
12. <i>Садоводство</i> . Первые защитные насаждения	85
13. <i>Мотыга и плуг</i> . Первые успехи в труде	91
14. <i>Натурфилософия</i> . Первая космогония и космология	99
15. <i>Этика</i> . Первые моральные идеалы	127
16. <i>Страдания и смирение</i> . Первый «Иов»	136
17. <i>Мудрость древних</i> . Первые пословицы и поговорки	141
18. <i>Предшественники Эзопа</i> . Первые басни о животных	149
19. <i>«Дом Рыбы»</i> . Первый рыбный заповедник	156
20. <i>Диспуты</i> . Первые литературные споры	161
21. <i>Рай</i> . Первые параллели с Библией	168
22. <i>Потоп</i> . Первый «Ной»	175
23. <i>Потусторонний мир</i> . Первая легенда о воскресении из мертвых	180
24. <i>Элегии</i> . Первые погребальные песни	194
25. <i>Борьба с драконом</i> . Первый св. Георгий	205
26. <i>Сказания о Гильгамеше</i> . Первое литературное заимствование	215
27. <i>Эпическая литература</i> . Первый «героический век» человечества	232
28. <i>Во славу царственного жениха</i> . Первая любовная песнь.	242
29. <i>Библиография</i> . Первый библиотечный каталог	246
30. <i>Мир и согласие на земле</i> . Первый золотой век	250
Пояснения к иллюстрациям	254

50 коп.

